

Г. Ф. ГОРСКИЙ
Л. Д. КОКОРЕВ
Н. С. ЗЪЛКИНД

**ПРОБЛЕМЫ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ**

Г. Ф. ГОРСКИЙ

Л. Д. КОКОРЕВ
П. С. ЭЛЬКИНД

ПРОБЛЕМЫ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ

ВОРОНЕЖ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1978

Рассматриваются актуальные вопросы доказательственного права, теории доказательств и практики доказывания в советском уголовном процессе, в том числе: цели и средства доказывания, сущность и виды доказательств, нравственные начала доказывания, влияние научно-технического прогресса на уголовно-процессуальное доказывание. Авторы дают рекомендации, направленные на совершенствование судебной и следственной деятельности по осуществлению уголовно-процессуального доказывания в связи с задачами, поставленными XXV съездом КПСС.

Материал изложен с учетом учебной программы спецкурса по проблемам доказательств, поэтому он может быть использован в качестве учебного пособия.

Издание предназначено для студентов, научных работников, следователей, прокуроров, судей и адвокатов.

Авторами глав являются:

I, II, III — д-р юр. наук П. С. Элькин

IV, V, VII — д-р юр. наук Л. Д. Кокорев

VI — д-р юр. наук Г. Ф. Горский

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Воронежского университета

Рецензенты:

д-р юр. наук проф. В. З. Лукашевич

д-р юр. наук А. М. Ларин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы доказывания занимают одно из центральных мест в уголовно-процессуальной теории. К ним обращались многие авторы. Это вполне понятно, ибо нет, пожалуй, других проблем, которые вбирали бы в себя такое множество различных аспектов уголовно-процессуальной теории и практики. Им посвящены многочисленные исследования, внесшие существенный вклад в развитие теории доказательств на основе марксистско-ленинской методологии¹.

Но проблемы доказывания неисчерпаемы. Это объясняется тем, что доказывание пронизывает всю уголовно-процес-

---

¹ См.: Строгович М. С. Этические вопросы учения о доказательствах. — В кн.: Проблемы судебной этики. М., 1974; Он же. Курс советского уголовного процесса, т. 1, ч. 2. М., 1968; Он же. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955; Теория доказательств в советском уголовном процессе. Отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973; Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973; Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М., 1971, гл. 3; Мухин И. И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971; Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969; Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., 1969; Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. М., 1966; Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М., 1966; Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., 1964; Пашкевич П. Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961; Шаламов М. П. Теория улик. М., 1960; Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960; Старченко А. А. Логика в судебном исследовании. М., 1958; Винберг А. И., Миньковский Г. М., Рахунов Р. Д. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1956, и др.

суальную деятельность, порождая разносторонний, многоплановый характер исследований. И, несомненно, еще немало вопросов ждут своего решения. Об этом свидетельствуют, в частности, работы последних лет², содержащие ряд новых идей, дискуссионное обсуждение которых призвано содействовать дальнейшему развитию теории доказательств.

Исследования проблем доказывания в уголовном судопроизводстве не теряют своей актуальности, поскольку эти проблемы теснейшим образом связаны с жизнью, практической деятельностью, направленной на борьбу с преступностью, охрану общественных и личных интересов. Актуальность этих проблем обуславливается также тем, что Коммунистическая партия Советского Союза уделяет «... постоянное внимание совершенствованию деятельности милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции, которые стоят на страже советской законности, интересов советского общества, прав советских граждан»³.

В статье 9 новой Конституции Союза Советских Социалистических Республик предусмотрено, что основным направлением развития политической системы советского общества является дальнейшее развертывание социалистической демократии, в частности, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни. Это направление получило свое отчетливое выражение в главе 20 Конституции, закрепившей демократические принципы правосудия в развитом социалистическом обществе.

«...Новая Конституция, — говорил Л. И. Брежнев на майском (1977 г.) Пленуме ЦК КПСС, — должна привести к значительному улучшению работы всех органов, на которые возложено обеспечение строгого соблюдения требований советских законов... Партия ждет от всех этих органов еще большей инициативы, принципиальности, непримиримости в борьбе с любыми нарушениями советского правопорядка»⁴.

Разработка и исследование вопросов уголовно-процессуального доказывания, как и других проблем уголовно-про-

² См.: Ларин А. М. От следственной версии к истине. М., 1976; Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 1976; Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976; Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975; Мотовиловкер Я. О. Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль, 1974, и др.

³ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 82.

⁴ «Коммунист», 1977, № 8, с. 41.

цессуальной теории и практики, должны содействовать постоянному повышению эффективности деятельности органов расследования, прокуратуры, адвокатуры, суда, укреплению правовой основы в жизни нашего общества.

Во многих юридических вузах страны введено изучение студентами спецкурса по теории доказательств в советском уголовном процессе. Однако учебной литературы, в которой излагались бы в определенной системе, соответствующей учебной программе курса, основные вопросы этой дисциплины, явно недостаточно. Поэтому авторы ставили перед собой, в частности, задачу помочь студентам в изучении теории доказательств и практики уголовно-процессуального доказывания. Объем работы не позволял рассмотреть весь комплекс проблем теории доказательств, в ней изложены лишь основные проблемы.

ГЛАВА I

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА. ТЕОРИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

§ 1. Уголовно-процессуальное право — отрасль советского социалистического права

Для того чтобы понять место доказательственного права в системе советского уголовно-процессуального права, необходимо, прежде всего, уяснить предпосылки выделения последнего в самостоятельную отрасль права. В качестве одного из главных его подразделений уголовно-процессуальное право, как и другие отрасли права, отличается особым предметом и методом правового регулирования. Их уяснение в контексте настоящей работы представляется тем более важным, что имея первостепенное научно-методологическое значение для всех институтов уголовно-процессуального права, они, как мы увидим дальше, приобретают основополагающее значение и для институтов доказательственного права.

Уголовно-процессуальное регулирование — это специфическая форма юридического воздействия социалистического государства на поведение субъектов общественных отношений, складывающихся в сфере возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения дел о преступлениях. Соответственно предметом уголовно-процессуального регулирования являются общественные отношения, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся в данной сфере общественной жизни.

Располагая всеми свойствами любого идеологического общественного отношения, данный вид общественных отношений имеет свои особенности, главными из которых являются следующие.

1. В отличие от некоторых других общественных отношений, которые могут существовать и как правовые и как фактические, не урегулированные нормами права (например, имущественные, семейные), общественные отношения в уголовном судопроизводстве существуют главным образом в форме правоотношений, т. е. урегулированных нормами права общественных отношений.

Это не значит, что предметом уголовно-процессуального регулирования являются уголовно-процессуальные отношения, а не те фактические общественные отношения, которые в них содержатся. В качестве разновидности правоотношений уголовно-процессуальные представляют собой урегулированные нормами права фактические общественные отношения между субъектами, располагающими коррелятивными правами и обязанностями. Как и другие правоотношения, они составляют не право, а результат правового воздействия на поведение людей, в данном случае субъектов уголовного судопроизводства. Согласно свое поведение с требованиями правовых норм, т. е. осуществляя свои права и выполняя возложенные на них обязанности, соответствующие субъекты вступают в уголовно-процессуальные отношения.

Для их возникновения, изменения или прекращения недостаточно одной лишь нормы права. Для этого, как и в сфере любых иных общественных отношений, нужны еще и конкретные субъекты, и юридические факты, которые не создаются, а только признаются нормами права в качестве необходимых компонентов уголовно-процессуальных отношений. Так, согласно ст. 70 УПК РСФСР¹, доказательства могут быть представлены правоприменительным органам как различными субъектами уголовного судопроизводства (обвиняемыми, потерпевшими и др.), так и любыми гражданами. Однако для возникновения соответствующего правоотношения необходимо, чтобы имеющее право на представление доказательств лицо, действительно располагающее доказательственной информацией, официально представило бы ее компетентному органу, у которого тем самым появилась бы обязанность тщательно, всесторонне и объективно проверить эту

¹ В дальнейшем — УПК.

информацию в совокупности со всеми другими собранными по делу доказательствами. Или, скажем, правоотношение между правоприменительным органом и экспертом складывается только тогда, когда при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства возникают вопросы, решение которых требует специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле, когда для этого нужно проведение специальных экспертных исследований, официально поручаемых лицу, обладающему необходимыми для этого познаниями (ст. 78 УПК).

Указанная особенность уголовно-процессуальных отношений, и в частности отношений в сфере доказывания, состоит, следовательно, не в том, что в их основе нет фактических общественных отношений, а в том, что в реальной жизни они выступают не иначе, как в форме правоотношений, т. е. урегулированных нормами права общественных отношений.

Следует, однако, иметь в виду, что понятия уголовно-процессуальных отношений и общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства—не тождественны. Как известно, кроме собственно уголовно-процессуальных отношений здесь складываются и другие виды правоотношений (например, уголовно-правовые), а также отношения, вообще не урегулированные нормами права (например, определенная часть технико-криминалистических или собственно моральных). Отношения между экспертом и оператором, оказывающим ему помощь в использовании аппаратуры, не урегулированы нормами права, хотя они нередко порождают правовые последствия². Далеко не полностью урегулированы нормами права отношения между защитником и подзащитным, между обвинителем и защитником, между судом и участниками судебного разбирательства и др. Наряду с отношениями уголовно-процессуального характера между этими субъектами складываются еще и отношения собственно моральные, не урегулированные нормами права.

2. Правоотношения в сфере уголовного судопроизводства имеют отчетливо выраженный государственно-властный характер.

В общественной жизни правоотношения возникают между субъектами как равноправными, так и неравноправными.

---

² Положение оператора или лаборанта не всегда тождественно положению специалиста (ст. 133¹ УПК) или соэксперта (ст. 78 УПК).

В первом случае каждый из их участников вправе требовать предусмотренного законом поведения другого и сам обязан подчиняться соответствующим требованиям. Во втором случае один из субъектов правоотношения располагает правом властного веления и ему обязан подчиняться другой, не имеющий такого права. И хотя это не исключает наличия у каждого из них других прав и обязанностей, правоотношения такого рода обычно называют властеотношениями. Именно такими являются и общественные отношения, подвергаемые уголовно-процессуальному регулированию.

Самый факт существования преступности и борьба с ней предопределяют государственно-властное веление в качестве необходимого свойства соответствующего вида правоотношений. Последние возникают, изменяются и прекращаются лишь постольку, поскольку возбуждение, расследование, рассмотрение и разрешение дел о преступлениях немыслимо вне государственно-властного веления, поскольку одним из субъектов соответствующих правоотношений всегда является компетентный орган государства (дознания, следствия, прокуратуры, суда), которому государство делегирует право такого веления.

Из этого не следует, что все конкретные уголовно-процессуальные отношения — это отношения неравноправных субъектов. Среди них встречается немало таких, которые возникают между процессуально равноправными субъектами. Наиболее ярким подтверждением тому является процессуальное равноправие в судебном заседании обвинителя, подсудимого, защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей в части представления доказательств, участия в исследовании доказательств, заявления ходатайств (ст. 245 УПК).

Уголовно-процессуальные отношения складываются не только по вертикали (например, между следователем и обвиняемым, судом и подсудимым и др.), но и по горизонтали (например, между защитником и подзащитным и др.). Однако то обстоятельство, что уголовно-процессуальные отношения являются результатом уже выраженного государственного веления (по поводу возбуждения уголовного дела, привлечения в качестве обвиняемого, предания суду и др.), что они складываются, как мы заметили, лишь при участии компетентного органа государства (должностного лица), которому принадлежит право их изменения и прекращения, подтверждает сказанное о государственно-властном характере

соответствующих правоотношений. В этом — одна из гарантий эффективности осуществления задач уголовного судопроизводства в целом и в сфере процессуального доказывания в частности.

3. Уголовно-процессуальные отношения находятся в неразрывной взаимосвязи и во взаимопроникновении с отношениями уголовно-правовыми.

В той мере, в какой «... процесс есть только *форма жизни закона*, следовательно, проявление его внутренней жизни»³, уголовно-процессуальные отношения возникают и развиваются в связи с реально сложившимися или предполагаемыми уголовными правоотношениями и по поводу этих правоотношений; последние, в свою очередь, могут быть реализованы только через отношения уголовно-процессуальные.

Это не значит, что предупредительное значение соответствующих норм права вне реально складывающихся правоотношений не есть реализация таких норм. Однако это значит, что реально существующие или предполагаемые (когда данные о совершенном или готовящемся преступлении оказываются в дальнейшем недостоверными) уголовно-правовые отношения могут быть реализованы только в уголовно-процессуальной форме, т. е. не иначе как через отношения уголовно-процессуальные.

Нельзя в этом смысле согласиться с утверждением о том, что уголовно-правовые отношения могут быть реализованы и вне уголовно-процессуальной формы, например при прекращении уголовного дела с передачей его в товарищеский суд — как бы в форме общественно-процессуальных отношений, при прекращении уголовного дела с передачей виновного в сферу административного воздействия — в форме административно-процессуальных отношений и др. В действительности же установление путем процессуального доказывания соответствующих обстоятельств, обуславливающих прекращение уголовного дела, означает прекращение и уголовно-правовых, и уголовно-процессуальных отношений, а передача материалов в сферу административного или общественного воздействия означает официальное признание конкретных материально-правовых отношений не уголовно-правовыми и поэтому нуждающимися в такой процессуальной форме, которая соответствовала бы их фактическому содержанию. В ином случае, вопреки правильному пониманию качественной одно-

---

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 158.

родности материально-правового содержания и процессуальной формы, мы должны были бы стать на позицию допустимости взаимодействия соответствующих категорий вне такой однородности.

Неразрывная взаимосвязь и согласованность указанных видов правоотношений определяется объективно тем, что по общему правилу как одни, так и другие вызываются к жизни общественно опасными посягательствами (уголовные правоотношения — непосредственно, уголовно-процессуальные — через посредство реально существующих или предполагаемых уголовно-правовых отношений). И одни, и другие правоотношения имеют своей общей целью борьбу с преступными посягательствами, причинами, их порождающими, и условиями, им способствующими.

Сказанное дает основание согласиться с тем, что процессуальные отношения, будучи вторичными в соотношении с материально-правовыми, являются как бы удвоенной формой общественных отношений, ибо представляют собой форму (разумеется, содержательную) материально-правовых отношений, которые, в свою очередь, являются формой других (производственных, политических) отношений⁴.

Связь и взаимопроникновение уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений не исключает, разумеется, существенных различий между ними. Эти различия связаны с содержанием, моментом возникновения, задачами и кругом субъектов тех и других правоотношений. Так, юридическим фактом, влекущим возникновение уголовно-правовых отношений, является факт совершения преступления, а юридическим фактом, вызывающим к жизни уголовно-процессуальные отношения, являются поступившие компетентным органам государства (должностным лицам) сведения о совершенном или готовящемся преступлении, требующие тщательной проверки для решения вопроса о наличии оснований к возбуждению уголовного дела⁵. Уголовно-правовые отношения

⁴ См.: Сабо Имре. Основы теории права. М., 1974, с. 52.

⁵ Ошибочным поэтому представляется утверждение об одновременном возникновении уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений (см., например: Сангалов А. И. Уголовно-правовые отношения и уголовная ответственность. — «Вести. Ленингр. ун-та», 1974, № 5, с. 128), а также о том, что уголовно-правовым отношениям, возникновение которых одни авторы относят к моменту привлечения лица в качестве обвиняемого (например: Виттенберг Г. Б. Вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания с применением мер общест-

складываются между государством, нормативно устанавливающим запрет совершать общественно опасные деяния, и гражданином, нарушившим этот запрет. Круг субъектов уголовно-процессуальных отношений много шире. Они складываются между правоприменительными органами и многочисленными субъектами уголовного судопроизводства, большинство которых субъектами уголовно-правовых отношений не являются (потерпевшие, свидетели, эксперты, понятые, переводчики и др.).

Нельзя не учитывать и возможность несовпадения в одном лице субъекта преступления и субъекта уголовного преследования (обвиняемого, подсудимого). Субъектом преступления или, иначе, субъектом уголовно-правового отношения является лицо действительно виновное; обвиняемым (подсудимым) может в исключительных случаях оказаться и невиновный, ошибочно привлеченный к уголовной ответственности. Система процессуальных прав и гарантий личности в уголовном судопроизводстве, главным образом в процессе познания истины, т. е. в процессе доказывания, призвана содействовать привлечению и осуждению только виновного и только в меру его действительной вины. Она служит тем самым действенным препятствием к несовпадению в одном лице субъекта преступления и субъекта уголовного преследования.

В той мере, в какой нормы уголовного права определяют наиболее опасные для социалистического государства и установленного им правопорядка деяния (преступления), как и виды, условия назначения и применения наказания, уголовно-правовые отношения являются средством осуществления задач уголовного законодательства — «охраны советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств» (ст. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик).

Поскольку нормы уголовно-процессуального права предусматривают наиболее целесообразный в наших условиях порядок установления таких деяний, изобличения и наказания лиц, их совершивших, постольку уголовно-процессуальные отношения воздействия, ч. 1. Иркутск, 1970), а другие к моменту вступления в законную силу приговора (например, Смирнов В. Г. Функции уголовного права. М., 1965), предшествуют значительно ранее сложившиеся уголовно-процессуальные отношения.

ношения, особенно те, которые складываются в связи с доказыванием, служат средствами достижения задач уголовного судопроизводства, состоящих в быстром и полном раскрытии преступлений, изобличении виновных и обеспечении правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик)⁶.

Выражая две стороны одной и той же государственной деятельности по борьбе с преступностью, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения, следовательно, возникают, развиваются и прекращаются во взаимосвязи и во взаимопроникновении, не утрачивая того особенного, что характерно для них при всей их общности⁷.

4. Уголовно-процессуальные отношения находятся в органической взаимосвязи с уголовно-процессуальной деятельностью, в сфере которой они возникают, изменяются и прекращаются.

В правовой литературе иногда отождествляют понятия уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальных отношений, поскольку реализация субъектами уголовного судопроизводства принадлежащих им процессуальных прав и обязанностей и образует их деятельность.

В действительности это не так. О том, что уголовно-процессуальная деятельность и соответствующие правоотношения, находясь во взаимопроникновении, не поглощают, однако, друг друга, можно судить по следующему:

а) в цепи возникающих, изменяющихся и прекращающихся действий и правоотношений субъектов уголовного судопроизводства направляющее, определяющее и решающее значение имеют действия компетентных органов государства (соответствующих должностных лиц). Так, возникновение уголовно-процессуальных отношений связано с принятием следователем (органом дознания, судом) подлежащих проверке сведений, указывающих на признаки преступления.

Правоотношения между участниками допроса, очной став-

⁶ В дальнейшем — «Основы».

⁷ По указанным соображениям нельзя согласиться с В. Н. Шпилевым, возводящим относительную обособленность уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений в возможность их раздельного существования (см.: Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974, с. 26).

ки, обыска, выемки, освидетельствования и т. д. возможны не иначе как при условии реализации решения следователя (суда) выполнить такое следственное (судебное) действие. Приостановление, как и прекращение уголовно-процессуальных отношений связано с решением компетентного органа государства (должностного лица) о приостановлении или прекращении уголовного дела. Но если уголовно-процессуальное действие необходимо вызывает к жизни соответствующее правоотношение, то и последнее, в свою очередь, может предопределить необходимость новых уголовно-процессуальных действий. Так, например, реализация обвиняемым права на заявление ходатайств нередко предопределяет необходимость выполнения дополнительных следственных (судебных) действий, о производстве которых ходатайствует обвиняемый (подсудимый). Выполнение таких действий влечет возникновение новых правоотношений, а последние, в свою очередь, могут предопределить необходимость новых уголовно-процессуальных действий. И все же, с учетом государственно-властного начала в данной сфере общественной жизни, определяющее, направляющее и решающее значение во взаимосвязи уголовно-процессуальных действий и правоотношений принадлежит, как мы заметили, системе действий компетентных органов государства (должностных лиц);

б) предметом правового регулирования является поведение субъектов данных общественных отношений. Но «поведение» и «действия» — понятия не тождественные. Поведение может быть как активным (используя свое право на защиту, обвиняемый заявляет ходатайства, дает пояснения по существу дела и т. п.), так и пассивным (обвиняемый не использует свое право на защиту, на дачу показаний, на заявление ходатайств и т. п.). Действия же предопределяют только активное поведение субъекта.

Пассивное поведение само по себе не может вызвать к жизни реальное правоотношение; для этого оно должно быть опосредовано соответствующим действием (например, при отказе подсудимого использовать свое право на дачу показаний председательствующий оглашает на суде показания, данные обвиняемым в стадии предварительного расследования, и производит необходимые проверочные действия);

в) об уголовно-процессуальных отношениях можно говорить в статике и в динамике, т. е. как об определенном положении субъектов уголовно-процессуальных прав и обязанностей, как об их возможном (должном) поведении во взаи-

моотношениях друг с другом и как об их фактическом общении, связанном с реализацией принадлежащих им прав и возложенных на них обязанностей.

Такой подход к изучению уголовно-процессуальных отношений оправдан хотя бы потому, что их динамике должен предшествовать сложившийся механизм правоотношения — юридический факт, влекущий его возникновение, норма права, субъекты коррелятивных прав и обязанностей.

Разграничение уголовно-процессуальных отношений на правоотношения в статике и в динамике имеет и немалое практическое значение. Поскольку в реальной жизни действительное поведение субъектов правоотношений не всегда соответствует предписанному (например, обвиняемый скрывается от следствия и суда, мешает ходу расследования), постольку следует различать их возможное (должное) и действительное поведение, как и принимать меры к тому, чтобы действительное поведение соответствовало возможному (должному). Такая конструкция тем самым предохраняет от смешения или отождествления фактической уголовно-процессуальной деятельности и предписанных нормами права правоотношений⁸.

Итак, соотношение между уголовно-процессуальной деятельностью и уголовно-процессуальными отношениями — соотношение не между существенно различными или друг друга поглощающими явлениями, а между такими, которые, находясь в причинной, взаимообуславливающей зависимости и во взаимопроникновении, сохраняют по отношению друг к другу относительную самостоятельность.

5. Уголовно-процессуальные отношения, складывающиеся между субъектами уголовно-процессуальных прав и обязанностей, могут быть двусторонними и многосторонними.

Несмотря на государственно-властный характер, уголовно-процессуальные отношения, как и любые иные правоотношения, строятся на правообязывающих началах: «обвиняемый — вправе», «орган дознания, следователь, прокурор, суд — обязан», и наоборот: «орган дознания, следователь, прокурор, суд — вправе»; «обвиняемый — обязан»⁹.

⁸ Нельзя поэтому согласиться с В. П. Божьевым, исключаящим какую бы то ни было возможность говорить об уголовно-процессуальных отношениях в статике, поскольку в реальной жизни они всегда оказываются в динамике (см.: Божьев В. П. Уголовно-процессуальные отношения. М., 1975, с. 16 и сл.).

⁹ Едва ли можно согласиться с утверждением о том, что к уголовно-процессуальным отношениям не применимы принципы общего понятия

Следует решительно отвергнуть теорию односторонних властных отношений, согласно которой в сфере уголовно-процессуального регулирования наряду с нормами, закрепляющими корреспондирующие права и обязанности субъектов, имеются и нормы, устанавливающие только односторонние правомочия субъектов вне коррелятивных прав и обязанностей других субъектов¹⁰.

Едва ли нужно доказывать, что процессуальные права личности вне соответствующих обязанностей компетентных органов государства (должностных лиц) по их разъяснению и реальному обеспечению превращаются в пустую декларацию. Что касается односторонних властных полномочий компетентных органов государства вне соответствующих прав и обязанностей личности, то это противоречит самой природе советского уголовного судопроизводства, в условиях которого личность не объект исследования, а субъект многочисленных процессуальных прав и соответствующих обязанностей.

Правообязывающий характер норм уголовно-процессуального права выражает подлинный демократизм и гуманизм уголовно-процессуального регулирования. Соответственно и уголовно-процессуальные отношения представляют собой наиболее разумный, проникнутый социалистическим демократизмом и гуманизмом способ корреспондирования прав и обязанностей субъектов данных правоотношений. При этом существенной гарантией процессуальных прав одних субъектов правоотношения является безусловное выполнение корреспондирующих обязанностей другими участниками правоотношений. Коррелятивные права и обязанности могут охватывать как двух, так и большее число субъектов. При проведении очной ставки, например, взаимные права и обязанности объединяют не только каждого из допрашиваемых лиц с лицом, производящим очную ставку, но и допрашиваемых между собой. Корреспондирующие права и обязанности могут (при соответствующих условиях) объединять многих участников самых различных следственных и судебных действий — при допросах, производстве, например, экспертиз, осмотров, обысков, следственных экспериментов и др.

правоотношения, когда один субъект вправе, а другой — обязан (см.: Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. Автореф. докт. дис. М., 1962, с. 16).

¹⁰ См., например: Уголовный процесс, под ред. М. А. Чельцова. М., 1969, с. 20—21; Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962, с. 16.

Следует, однако, учитывать, что, как бы велико ни было число субъектов коррелятивных прав и обязанностей, каждый из них обязательно связан с компетентным органом государства (должностным лицом), вне направляющей и решающей роли которого невозможно осуществление взаимных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства. Правоотношения между процессуально равноправными субъектами (см. ст. 245 УПК) не исключают, а, наоборот, предполагают связь каждого из них с судом.

Среди сложных и многогранных уголовно-процессуальных отношений следует усматривать центральное, стержневое правоотношение — между обвиняемым (подсудимым), деяния которого составляют предмет расследования и судебного рассмотрения, и компетентным органом государства (должностным лицом), расследующим, рассматривающим и разрешающим уголовное дело. Все остальные уголовно-процессуальные отношения базируются вокруг этого стержневого правоотношения и подчинены, в конечном счете, наиболее правильному, соответствующему интересам социалистического правосудия его развитию.

6. Существенная особенность уголовно-процессуальных отношений — специфика прав и обязанностей субъектов этих правоотношений. Их характер и объем являются конкретным выражением в области осуществления уголовного судопроизводства, соответствующего социалистическому демократизму и гуманизму соотношения интересов государства и личности, обвиняемого и суда. Предоставляя органам уголовного судопроизводства широкие возможности в изобличении и справедливом наказании преступников, система процессуальных прав и обязанностей вместе с тем обеспечивает обвиняемому (подсудимому), как и другим участникам процесса, реальные возможности для защиты ими своих прав и законных интересов. Более того, система процессуальных прав участников процесса возлагает на компетентные органы государства известные обязанности как по разъяснению, так и по реальному обеспечению им этих прав. Так, например, праву обвиняемого (подсудимого) на защиту соответствует обязанность органа дознания, следователя, прокурора, суда обеспечивать обвиняемому возможность защищаться дозволенными средствами и способами от предъявленного ему обвинения (ст. 19 УПК); принимать все необходимые меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, к выявлению обстоятельств как уличаю-

щих, так и оправдывающих обвиняемого, как отягчающих, так и смягчающих его вину (ст. 20 УПК); обязанность прокурора отказаться от обвинения, если он придет к убеждению о его недоказанности (ст. 248 УПК); председательствующего в суде — направить судебное разбирательство в сторону познания истины (ст. 243 УПК); суда — выносить законные и обоснованные приговоры (ст. 301 УПК), и др.

Было бы неправильно сводить соотношение уголовно-процессуальных прав и обязанностей субъектов лишь к взаимодействию между ними. Каждый из субъектов, осуществляя то или иное право, тем самым выполняет и соответствующую обязанность, вне которой невозможна реализация конкретного процессуального права. Так, следователь вправе в случаях, предусмотренных законом, применить к обвиняемому меры пресечения; он обязан при этом выполнить необходимые процессуальные требования — вынести мотивированное постановление, в определенных случаях — получить санкцию прокурора и др. Правоприменительный орган (должностное лицо) вправе не согласиться с заключением эксперта, но при условии мотивирования своего несогласия в постановлении, приговоре или особом определении (ст. 80 УПК).

Возникновение, изменение и прекращение уголовно-процессуальных отношений есть проявление воли их субъектов, причем прежде всего — компетентных органов государства, которым принадлежит руководящая, направляющая и решающая роль в уголовном судопроизводстве. Было бы неправильно, однако, недооценивать значение проявляемой в этих отношениях воли других участников уголовного процесса. Динамика уголовно-процессуальных отношений предполагает сложное взаимодействие воли компетентных органов государства (должностных лиц) и субъективной воли других участников уголовного процесса, влияющих тем самым на исход уголовного судопроизводства.

Таковы основные особенности предмета уголовно-процессуального регулирования. Для того чтобы общественные отношения, подвергаемые такому регулированию, были содержательны и целенаправленны, уголовно-процессуальное право предписывает им определенный, необходимый именно этим общественным отношениям метод регулирования.

Обычно предмет правового регулирования рассматривают как объективное свойство отрасли права; метод — как специфически субъективное свойство, выражающее юридические особенности данной отрасли права. В сфере уголовно-процес-

суального регулирования, в которой общественные отношения выступают главным образом как правоотношения, столь четкое разграничение отсутствует. Однако и здесь законодатель оказывается перед фактической необходимостью урегулировать общественные отношения, возникающие в конечном счете в связи с совершенным или предполагаемым преступлением. Выбор же определенного метода регулирования является в значительной мере результатом субъективной воли законодателя, учитывающего при этом как задачи уголовного судопроизводства, так и все многообразие объективных свойств данных общественных отношений.

Если исходить из традиционного разграничения метода правового регулирования на метод властных распоряжений и автономии, то специфику метода уголовно-процессуального регулирования следует усматривать в сочетании в нем одного и другого начала. Преобладающим здесь является начало государственно-властного распоряжения, неразрывно сочетаемое с началом автономии, например, с указанным нами равенством основных участников судебного разбирательства (прежде всего в собирании, исследовании и проверке доказательств), с определенным объемом диспозитивности субъектов уголовно-процессуальных прав и обязанностей, и др.

Однако метод уголовно-процессуального регулирования более сложен и многогранен. Он образует совокупность органически единых и взаимосвязанных элементов, в число которых входят и определенные средства воздействия на субъектов соответствующих общественных отношений; специфика юридических фактов, вызывающих к жизни соответствующие правоотношения, их изменение и прекращение; порядок защиты правомочий; характер применяемого государством принуждения и воспитания, и др.

Возражая против сведения метода уголовно-процессуального регулирования к какому-либо одному, изолированно взятому компоненту, мы вместе с тем считаем возможным выделить такое наиболее типичное его свойство, которое, с одной стороны, охватывает совокупность названных компонентов, а с другой — существенно отличает его от иных методов правового регулирования. С учетом всех элементов этого сложного и многогранного понятия его наиболее типичным свойством следует признать особую процессуальную процедуру возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел, обеспечивающую соответствие поведения участников советского уголовного процесса целям уго-

ловно-процессуального права, полное, всестороннее и объективное исследование обстоятельств уголовного дела, правильное применение судом мер государственного воздействия, оптимальный общественно-воспитательный эффект деятельности органов уголовного судопроизводства.

Охарактеризуем (хотя бы очень кратко) основные особенности указанной процедуры и тем самым метода уголовно-процессуального регулирования.

1. Законом точно и детально урегулирован порядок уголовного судопроизводства. Система уголовно-процессуальных действий и правоотношений — не нечто хаотическое, а четкая последовательность, соответствующая шести нормальным и двум исключительным стадиям советского уголовного процесса. Законодатель не может не учитывать при этом того, что определенные комплексы таких действий и правоотношений объективно образуют относительно обособленные части уголовного судопроизводства, каждая из которых может быть названа стадией, если она: а) специфична по своим конкретным задачам, вытекающим из общих задач уголовного судопроизводства; б) воплощает в специфических общих условиях (для данного комплекса действий и правоотношений) основные принципы уголовного судопроизводства; в) имеет своеобразный круг субъектов уголовно-процессуальной деятельности и правоотношений; г) отличается типичными для нее актами применения права¹¹.

Наличие всех этих свойств определяет неизбежность и неминуемость прохождения уголовных дел через соответствующие стадии как относительно обособленные части уголовного процесса (неразрывно связанные со всеми другими его частями), кроме случаев, особо указанных в законе (например, дела частного обвинения по общему правилу не проходят стадию предварительного расследования; приговоры, вынесенные Верховными Судами СССР и союзных республик, не подлежат кассационному обжалованию и опротестованию), и случаев прекращения дел в предыдущих стадиях.

2. Регулируемые уголовно-процессуальным правом общественные отношения имеют функциональный характер.

В той части, в какой основная функция любой отрасли права состоит в том, чтобы «...применительно к качественно особому виду общественных отношений обеспечивать опре-

---

¹¹ Более обстоятельно см.: Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961, с. 39—40.

деленный юридический режим правового регулирования»¹², основной функцией уголовно-процессуального права является регулирование общественных отношений в сфере возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения дел о преступлениях, оптимально соответствующее задачам уголовного судопроизводства (ст. 2 Основ, ст. 2 УПК). Свое конкретное выражение это получает в функциональном характере регулируемых общественных отношений. Их точное и детальное упорядочение выражается не только в нормативном урегулировании этих общественных отношений применительно к стадиям уголовного судопроизводства, но и в возложении на соответствующих субъектов определенных уголовно-процессуальных функций.

Суждение о том, что «служебная роль концепции... процессуальных функций заключается не в том, чтобы какой-то участник процесса не остался в стороне, а в том, чтобы построение судебного разбирательства в нашем процессе не было представлено в искаженном виде»¹³, нельзя признать правильным потому, что исследование процессуальных функций вне связи с их носителями, вне анализа интереса и правового статуса каждого из них не может дать правильного представления о построении судебного разбирательства, впрочем как и всех других стадий уголовного процесса. В отличие от автора этого суждения мы полагаем, что система уголовно-процессуальных функций охватывает все стадии уголовного процесса, равно как и всех его субъектов¹⁴.

Роль и назначение субъектов уголовно-процессуальных отношений различаются в зависимости от их интереса и правового статуса.

Соответственно, в уголовном процессе находят свое отчетливое выражение следующие шесть функций:

а) Установление, проверка данных относительно преступлений, их расследование. В осуществлении данной уголовно-процессуальной функции участвуют органы дознания, следствия, прокуратуры при активной помощи общественности, действующие в направлении обнаружения и проверки данных о преступлении, решения вопросов, связанных с возбуждением уголовных дел и производством расследования. Хотя данная

¹² Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975, с. 162.

¹³ Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976, с. 6.

¹⁴ Более обстоятельно см.: Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963, с. 54—69.

функция охватывает преимущественно комплекс действий, осуществляемых в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, ее отдельные компоненты могут иметь место и в стадии судебного разбирательства, где (в определенных случаях) также может быть возбуждено уголовное дело и (во всех случаях) проверяется законность и обоснованность повода и основания, повлекших возбуждение уголовного дела, и др.

б) Функция обвинения состоит в деятельности обвинителя по поддержанию на суде обвинения. Субъектом данной функции является обвинитель — государственный (прокурор), общественный (представитель общественной организации или коллектива трудящихся), так называемый частный (потерпевший по делам частного обвинения). Важнейшее место в числе субъектов функции обвинения занимает прокурор, поддерживающий перед судом, в отличие от других обвинителей, государственное обвинение (ст. 248 УПК). Возражение против того, что прокурор на суде — обвинитель, иногда обосновывают тем, что он обязан отказаться от обвинения, если таковое не будет доказано. Это возражение не может быть признано правильным уже потому, что «отказаться от обвинения может только тот, кто обвиняет»¹⁵.

Поддержание на суде обвинения — наиболее яркое проявление осуществляемого прокурором надзора за законностью в уголовном судопроизводстве (ст. 20 Основ)¹⁶. Деятельность прокурора по надзору за законностью в данной сфере общественной жизни нередко рассматривают в качестве специфической уголовно-процессуальной функции¹⁷, что представляется неверным в силу двух обстоятельств: во-первых, осуществляемый прокурором надзор за законностью выходит далеко за пределы собственно процессуальной функции, поскольку образует составную часть (одну из отраслей) возложенной на прокурора государственно-правовой функции по надзору за точным и единообразным исполнением законов всеми учреждениями, организациями и гражданами (ст. 2 Положения о прокурорском надзоре). Ограничивать государственно-правовое значение соответствующей отрасли прокурорского надзора только собственно процессуальным — зна-

¹⁵ Мотовиловкер Я. О. Указ. соч., с. 27.

¹⁶ См.: Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М., 1961.

¹⁷ Такая точка зрения была высказана и нами. См.: Уголовный процесс. М., 1972, с. 13.

чит неизбежно принижать ее значение; во-вторых, став на позицию признания за данной отраслью прокурорского надзора значения собственно уголовно-процессуальной функции, мы должны были бы вслед за тем придать соответствующее значение также надзору судов за законностью деятельности органов предварительного расследования и надзору вышестоящих судов за деятельностью нижестоящих и т. д., что было бы явно нелогичным в силу несоответствия этих разновидностей надзорной деятельности понятию уголовно-процессуальных функций.

Действуя в качестве представителя государства, осуществляющего надзор за законностью, прокурор использует в своей работе самые различные методы. Важнейшим и притом специфическим уголовно-процессуальным методом деятельности прокурора в суде является, как было отмечено выше, поддержание им государственного обвинения против лица, преступно нарушившего охраняемый им (прокурором) закон. Положение прокурора как органа надзора за законностью обуславливает его последовательную принципиальность и абсолютную объективность по поддержанию на суде обвинения, которое должно быть поставлено «разумно, правильно, в меру...»¹⁸.

в) Функция защиты состоит в деятельности подозреваемого, обвиняемого (подсудимого) и его защитника по опровержению инкриминируемого обвинения, подозрения, по выявлению и обоснованию обстоятельств, оправдывающих обвиняемого (подсудимого) или смягчающих его вину и ответственность.

Уголовно-процессуальная деятельность по защите обвиняемого (подозреваемого) известна уже досудебным стадиям процесса. Свое более полное выражение она получает в момент окончания расследования, особенно после предания обвиняемого суду, когда тезис обвинения сформулирован, а наряду с правом личной защиты обвиняемый по общему правилу получает право на помощь защитника.

Наибольший объем и особое значение приобретает эта функция в судебном заседании, где подсудимый (его защитник) становится процессуально равноправной стороной, противостоящей стороне обвинения, а в качестве защитника может принимать участие не только профессиональный защитник (член коллегии адвокатов), но и представитель общест-

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 88.

венной организации (или коллектива трудящихся), а также близкие родственники подсудимого и другие лица, допущенные к осуществлению данной функции по определению суда или постановлению судьи. Наиболее ярким нормативным закреплением данной функции является обязанность профессионального защитника «...использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, и оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь» (ст. 51 УПК).

г) Функция судебного рассмотрения и разрешения уголовного дела составляет компетенцию только суда (ст. 13 УПК). Соответственно единственным органом, полномочным признать обвиняемого виновным в совершении преступления и подвергнуть его наказанию, является только суд, а единственным актом, оформляющим такое решение суда, может быть только судебный приговор.

д) Вспомогательные функции осуществляются в двух основных направлениях: в деятельности субъектов уголовно-процессуальных отношений (например, свидетелей, экспертов), показания (заключения) которых являются источниками получения правоприменительными органами фактических данных, и в деятельности субъектов, так или иначе содействующих осуществлению уголовного судопроизводства, прежде всего — собиранию, проверке и оценке доказательств (например, специалистов, переводчиков, понятых и др.).

Все эти лица в пределах своего специального назначения в данной сфере общественной жизни пользуются определенными правами и обязанностями; деятельность каждого из них по-своему важна в общей системе уголовно-процессуальной деятельности.

е) Побочные функции находят свое выражение в противоположной по своей непосредственной направленности деятельности гражданского истца и гражданского ответчика (их представителей), объединяемых общим признаком — производным от уголовного дела характером такой деятельности.

Необходимой предпосылкой гражданского иска в уголовном судопроизводстве является факт материального ущерба, причиненного преступлением. Судьба иска в уголовном деле зависит от решения основных вопросов дела; удовлетворение иска возможно лишь при постановлении обвинительного приговора. Оправдательный приговор влечет за собой либо отказ в иске, либо оставление его без рассмотрения. Тем самым

различным процессуальным интересам гражданского истца и гражданского ответчика противостоит единый производный, побочный характер самого содержания осуществляемой ими функции, в том числе — по доказыванию оснований иска в уголовном судопроизводстве.

Названные функции неразрывно взаимосвязаны, не поглощая при этом друг друга. Некоторые из них следуют одна за другой, например, функции обвинения, судебного рассмотрения и разрешения уголовного дела появляются только в результате тщательной проверки сведений о совершенном преступлении, их расследовании. Однако большинство уголовно-процессуальных функций находится не в последовательной, а в одновременной взаимосвязи и во взаимопроникновении (функции судебного рассмотрения и разрешения уголовного дела, обвинения, защиты, некоторые вспомогательные и побочные). Следовательно, содержание и значение каждой из указанных функций могут быть правильно поняты не иначе как во взаимосвязи и во взаимопроникновении со всеми другими уголовно-процессуальными функциями.

В той мере, в какой деятельность участников уголовного судопроизводства не равнозначна, не равнозначны и осуществляемые ими функции. Среди них имеются такие, без которых невозможно судопроизводство ни по одному уголовному делу (например, обвинение¹⁹, защита, судебное рассмотрение и разрешение уголовного дела), но имеются и такие функции, которые могут либо вообще отсутствовать в том или ином уголовном деле (например, побочные), либо находить свое неполное, частичное выражение (например, вспомогательные).

Не являясь равнозначными, эти функции имеют определенное значение в осуществлении задач уголовного процесса, определяют характер и направленность участия их носителей в доказывании. Субъекты одних уголовно-процессуальных функций (расследования, судебного рассмотрения и разрешения уголовного дела) собирают, проверяют, оценивают доказательства, обосновывают и мотивируют вытекающие из оценки доказательств выводы; субъекты других уголовно-процессуальных функций (обвинения, защиты, а также побочных) представляют правоприменительным органам

---

¹⁹ Даже тогда, когда обвинитель в судебном заседании не участвует, функция обвинения сохраняется, ибо содержание инкриминируемого обвинения выражено в обвинительном заключении (санкционируемом прокурором) или в жалобе потерпевшего.

доказательства в обоснование своих процессуально противоположных суждений; наконец, субъекты вспомогательных функций либо сами являются носителями доказательственной информации (свидетели, эксперты), либо оказывают правоприменительным органам помощь в собирании и проверке доказательств (например, специалисты, понятые).

3. Государственно-властное начало в уголовном судопроизводстве сочетается с системой прав личности. Двудеиная задача, стоящая перед органами уголовного судопроизводства в период развитого социалистического общества, которая состоит, с одной стороны, в решительной борьбе с преступностью, ее причинами, а с другой — во всемерной охране прав и законных интересов личности, предопределяет органическое сочетание в методе уголовно-процессуального регулирования двух указанных начал. Это находит свое выражение в следующем:

а) В уголовном судопроизводстве сочетаются такие демократические основы, как публичность и обеспечение обвиняемому права на защиту, исключительное право суда на осуществление правосудия и процессуальное равенство основных участников судебного разбирательства и др. Так, в силу принципа публичности органы дознания, следствия, прокуратуры и суда обязаны (каждый в пределах своей компетенции), опираясь на помощь общественности, принимать все предусмотренные законом меры для борьбы с преступностью, предупреждения преступлений, их раскрытия, установления истины, изобличения и справедливого наказания виновных. Это находит свое выражение в обязанности компетентных органов государства (в пределах их полномочий) возбуждать уголовные дела в каждом случае обнаружения преступления, принимать соответствующие меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, к их наказанию (ст. 3 УПК); в обязанности следователя — полно, всесторонне и объективно расследовать возбужденное уголовное дело (ст. ст. 20 и 127 УПК); в обязанности судьи, а в случаях, предусмотренных законом, распорядительного заседания суда, — решать вопрос о достаточности данных для предания обвиняемому суду (ст. ст. 221—234 УПК); в обязанности суда в судебном заседании — рассмотреть и разрешить дело по существу (ст. ст. 13, 240—321 УПК) и др.

Поскольку в условиях развитого социалистического общества нет и быть не может принципиальных противоречий между интересами государства и правильно понятыми инте-

решениями граждан, постольку значение принципа публичности нельзя сводить только к охране государственного интереса, ибо и он является выражением в сфере борьбы с преступностью сочетания интересов государства и законных интересов личности.

Рассматриваемый в этом аспекте принцип публичности неразрывно связан с принципом обеспечения обвиняемому права на защиту — права личной защиты и права иметь защитника. Этот принцип является не только важной гарантией охраны прав и законных интересов личности, но и необходимым условием установления истины, равно как и достижения других задач уголовного судопроизводства.

Установление истины возможно не иначе как в результате всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, тщательного анализа материалов как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, как усиливающих, так и смягчающих степень и характер его ответственности. Поэтому в той мере, в какой необходимо обеспечить собирание и закрепление материалов обвинения, необходимо обеспечить собирание и закрепление материалов защиты. Сделать это можно только при активном участии в процессе обвиняемого (подсудимого) в качестве субъекта права на защиту. Объем этого права, как и средства его осуществления, устанавливаются в пределах, необходимых для познания истины и тем самым для охраны законных интересов обвиняемого (подсудимого).

Наиболее ярким выражением в методе уголовно-процессуального регулирования сочетания государственно-властного начала с системой прав и гарантий прав личности является также взаимодействие исключительного права суда на рассмотрение и разрешение дел о преступлениях (ст. 13 УПК) и процессуального равенства основных участников судебного разбирательства (ст. 245 УПК).

Составляя важнейший компонент принципа состязательности, процессуальное равенство распространяется не на всех, а только на тех участников судопроизводства (подсудимого, защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей), которые имеют различный, противоположный по своей непосредственной направленности, процессуальный интерес (защиты и обвинения, поддержания гражданского иска и возражений против него и т. д.), в силу которого и нуждаются в равных процессуальных возможностях по представлению доказательств, участию

в исследовании доказательств и заявлению ходатайств.

Эти, как и другие принципы уголовного судопроизводства, определяют такое положение субъектов, при котором широким процессуальным возможностям компетентных органов государства (дознания, следствия, прокуратуры, суда) соответствуют многочисленные права (обязанности) не только обвиняемого (подсудимого), но и других участников уголовного судопроизводства, обеспечивающие их реальную возможность активно участвовать в процессе, в том числе и в доказывании, влиять, как мы заметили, на ход и исход уголовного судопроизводства.

б) Система процессуальных прав личности и их гарантий имеет целью обеспечить не всякий, а только законный интерес, который соответствует задаче установления компетентными органами государства объективной истины, изобличения и справедливого наказания виновных. Уголовно-процессуальные гарантии, например, не могут охранять стремление обвиняемого (подсудимого) или потерпевшего ввести в заблуждение органы дознания, следствия, прокуратуры, суда, избежать ответственности. Именно поэтому как обвиняемому, так и другим участникам уголовного судопроизводства предоставляется возможность отстаивать свои интересы отнюдь не любыми средствами и способами, а только предусмотренными законом. На компетентные органы государства возлагается обязанность удовлетворять не всякие ходатайства участников процесса, а только такие, которые могут иметь значение для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела.

в) В целях обеспечения быстрого и решительного реагирования на преступления, изобличения и справедливого наказания виновных, предупреждения других преступных проявлений, законодатель предоставляет органам дознания, следствия, прокуратуры и суда возможность не только указывать субъектам судопроизводства на их должное (возможное) поведение, но и обязывать их к такому поведению, не только решать, но и давать указания о приведении решений в исполнение; суд вправе не только признавать определенные деяния преступными, но и приговаривать виновных к соответствующим наказаниям, обеспечивать исполнение наказаний, принимать меры к устранению причин, повлекших преступления, и условий, им способствующих, и др.

Преобладание в методе уголовно-процессуального регулирования государственно-властного начала находит свое

выражение еще и в том, что наиболее типичными юридическими фактами, порождающими, изменяющими и прекращающими уголовно-процессуальные отношения, являются властные действия органов дознания, следствия, прокуратуры, суда по возбуждению уголовных дел, преданию обвиняемых суду, вынесению приговоров и др. Соответственно, если для субъектов отношений, регулируемых некоторыми другими отраслями права, типично добровольное вступление в правоотношения, то большинство субъектов уголовно-процессуального права (обвиняемые, потерпевшие, свидетели и др.) вступают в правоотношения главным образом по властному распоряжению компетентных органов государства. Это не значит, что в данной сфере общественной жизни исключается возможность добровольного вступления в соответствующие правоотношения, но это значит, что в силу преобладания здесь принципа публичности компетентные органы государства вправе не только допускать, но и при необходимости принуждать определенных субъектов к вступлению в уголовно-процессуальные отношения, не нарушая при этом, разумеется, признанного законодателем объема диспозитивности (например, инициативы потерпевшего на возбуждение дел частного и частно-публичного обвинения, на заявление гражданского иска в уголовном деле и др.).

4. Законом предусмотрены уголовно-процессуальные способы обеспечения правоотношений. Закрепление в нормах уголовно-процессуального права дозволенного и обязанного поведения субъектов, соответствующих прав и обязанностей еще не означает достижения желаемого результата. Возможность неугодного поведения определяет необходимость специальных мер обеспечения требуемого поведения.

В случаях действительной к тому необходимости компетентные органы государства (дознания, следствия, прокуратуры, суда) вправе применять меры государственного принуждения, которые выражаются здесь, прежде всего, в форме принуждения процессуального. Если обвиняемые или свидетели, например, не являются добровольно по вызову органов следствия и суда, они могут быть подвергнуты приводу (ст. ст. 73, 147 УПК); при отказе добровольно выдать имеющие значение по делу предметы или ценности лицо может быть подвергнуто обыску (ст. 170 УПК).

Уголовно-процессуальные отношения обеспечиваются в необходимых случаях силой не только уголовно-процессуального принуждения, но и других видов государственного при-

нуждения (уголовно-правового, гражданско-правового, административного). Например, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности и другие преступления против социалистического правосудия влекут за собой уголовную ответственность. Правонарушения следователей, прокуроров, судей, в том числе и такие, которые связаны с нарушениями предписаний уголовно-процессуальных норм, могут повлечь дисциплинарную ответственность, и т. д. Однако специфическим и притом основным видом применяемого в данной сфере общественной жизни принуждения является уголовно-процессуальное, которое характеризуется следующими особенностями: оно применяется только в сфере уголовного судопроизводства; лица, к которым оно может применяться, основания, условия, формы, пределы и порядок его применения точно регламентированы уголовно-процессуальным законодательством; законность и обоснованность применения уголовно-процессуального принуждения обеспечивается системой процессуальных гарантий прав и законных интересов личности, судебным и прокурорским надзором.

Разновидностью уголовно-процессуального принуждения является типичный для данной отрасли права вид уголовно-процессуальной ответственности²⁰. Последняя — всегда принуждение, но не всякое принуждение — ответственность, ибо: а) принуждение может применяться не только в форме ответственности за виновное деяние, но и для предупреждения такого деяния (например, применение меры пресечения с целью устранить возможность сокрытия обвиняемого от следствия и суда), при том, что ответственность применяется только за виновное деяние, в данном случае — за деяние, запрещенное нормами уголовно-процессуального права (например, применение более суровой меры пресечения к обвиняемому, нарушившему подписку о невыезде) и б) принуждению может быть подвергнут как гражданин, так и организация (например, на организацию может быть возложена обязанность устранить причины и условия, способствовавшие совершению преступления); ответственности — только гражданин.

---

²⁰ Речь идет не о процессуальной форме реализации материально-правовой ответственности и не об уголовно-процессуальном выражении уголовно-правовой ответственности, а о самостоятельном виде уголовно-процессуальной ответственности (более обстоятельно см.: Элькин Д. П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976, с. 85 и сл.).

Говоря о средствах обеспечения уголовно-процессуальных отношений, нельзя не учитывать и расширение общественно-го воздействия в данной сфере общественной жизни, например, возможность применения к обвиняемым в виде мер пресечения общественного поручительства, передачи виновного на поруки общественным организациям или коллективам трудящихся и т. д.

Значит, общественное воздействие — не только убеждение и воспитание; оно предполагает и возможность принуждения, успешно используемого в сфере уголовно-процессуального регулирования. Однако принуждение это общественное, государственным же оно является только тогда, когда применяется органами государства.

Подчинение поведения субъектов уголовно-процессуальных прав и обязанностей выраженной в норме права государственной воле, вовсе не всегда и даже не в большинстве случаев бывает принудительным. Сознательное и добровольное выполнение правовых предписаний типично и для субъектов данной отрасли права. Следует поэтому различать возможность применения принуждения в качестве необходимого свойства правового регулирования и его реальное применение, которое имеет место только там и тогда, где одного воздействия правовых норм на поведение соответствующих субъектов оказывается недостаточно.

Рассмотренные, как и некоторые другие особенности предмета и метода уголовно-процессуального регулирования, предопределяя выделение уголовно-процессуального права в самостоятельную отрасль права, имеют вместе с тем первостепенное значение и для решения всех проблем уголовно-процессуального доказывания.

В качестве самостоятельной отрасли права уголовно-процессуальное право — это выраженная в системе правовых норм, установленных социалистическим государством, обеспеченных силой государственного и общественного воздействия, государственная воля, направленная на регулирование общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства особым уголовно-процессуальным методом, с целью наиболее эффективного осуществления задач уголовного судопроизводства (ст. 2 Основ, ст. 2 УПК).

§ 2. Доказательственное право — подотрасль уголовно-процессуального права

Уголовно-процессуальное право, как и любая отрасль советского социалистического права, имеет определенные структурные особенности. Одним из его подразделений является доказательственное право.

Под доказательственным правом следует понимать систему уголовно-процессуальных норм, регулирующих цели, содержание, порядок, пределы и правовые средства собирания, проверки и оценки доказательств, а также обоснованность и мотивированность выводов правоприменительных органов, вытекающих из такой оценки.

Основные предпосылки выделения доказательственного права в подотрасль уголовно-процессуального права состоят в следующем.

1. Предметом правового регулирования доказательственное право имеет весьма дифференцированный в сфере уголовно-процессуального воздействия круг общественных отношений — тех отношений, которые складываются в связи с процессуальным доказыванием. Речь идет, следовательно, об относительно обособленной части общественных отношений, отличающихся высокой степенью специализации, но находящейся вместе с тем в неразрывной взаимосвязи со всеми другими общественными отношениями, складывающимися в сфере уголовного судопроизводства и регулируемые нормами уголовно-процессуального права.

Несколько неточным в этом смысле представляется утверждение о том, что предметом регулирования доказательственного права является процесс познания истины по уголовному делу²¹. Авторы данного суждения допускают смешение отнюдь не тождественных понятий: предмета правового регулирования и цели соответствующей деятельности. Предметом правового регулирования в этом, как и во всех других случаях, являются фактические общественные отношения; в данном случае — те общественные отношения, которые складываются в связи с уголовно-процессуальным доказыванием и которые направлены на познание обстоятельств уголовного дела в том виде, в котором они имели место в действительности, т. е. на установление истины.

²¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 110.

2. Средством упорядочения данных общественных отношений выступает тот же специфический для уголовно-процессуального права метод регулирования. Однако применительно к данной части общественных отношений могут быть выделены некоторые особенности метода их урегулирования, к которым следует отнести, например, специфику юридических фактов, вызывающих к жизни соответствующие правоотношения, их изменение и прекращение, связанность таких фактов именно с доказыванием, с собиранием, проверкой и оценкой доказательств; зависимость правового статуса субъектов этих правоотношений от задачи познания по каждому конкретному делу объективной истины, составляющей специфическую цель доказывания, и др.

3. Как следует из сказанного, соответствующий комплекс норм уголовно-процессуального права имеет специфическое функциональное назначение, определяемое той же задачей — обеспечения познания по каждому уголовному делу объективной истины. Данная цель доказательственного права образует важнейший компонент единых целей уголовно-процессуального права по наиболее эффективному регулированию определенных общественных отношений в направлении оптимального достижения задач уголовного судопроизводства. Это находит свое подтверждение и в нормативном требовании полного раскрытия преступлений, изобличения и справедливого наказания только виновных и только в меру их действительной вины, устранения привлечения и осуждения невиновных (ст. 2 Основ, ст. 2 УПК). Представляется очевидным, что вне познания объективной истины, вне полного и точного соответствия выводов следствия и суда фактическим обстоятельствам дела невозможно достижение общих задач уголовного судопроизводства, на обеспечение которых направлены все нормы уголовно-процессуального права.

4. Образую цельное структурное подразделение уголовно-процессуального права, доказательственное право в качестве его подотрасли имеет свою собственную внутреннюю организацию, состоящую прежде всего в четком разграничении правовых норм на две основные части — общую и особенную.

Общую часть составляют правовые нормы, регламентирующие положения, относящиеся в равной мере ко всем видам доказательств, к использованию их на всех стадиях уголовного процесса и по всем уголовным делам. К числу таких положений следует отнести: понятие доказательств, их

относимость и допустимость, цель, предмет и процесс доказывания, круг и правовой статус субъектов доказывания.

Особенная часть доказывания состоит из правовых норм, регламентирующих: а) отдельные виды доказательств; б) особенности доказывания на отдельных стадиях уголовного процесса; в) особенности доказывания применительно к отдельным категориям уголовных дел (например, несовершеннолетних, о хулиганстве, об общественно опасных действиях лиц душевнобольных).

Обособленность доказательственного права как укрупненного подразделения уголовно-процессуального права получает свое выражение в наличии специфических правовых институтов, регулирующих разновидности и конкретные участки общественных отношений, охватываемых данной подотраслью права, имеющих дифференцированное закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве. Наряду с ассоциацией норм, регулирующих общие положения доказательственного права (сущность доказательств, их относимость и допустимость, предмет, процесс доказывания и др.), оно содержит ряд конкретных институтов в виде относительно обособленных нормативных образований, содержанием которых являются некоторые виды доказательств. По сути дела комплекс правовых норм, регламентирующих каждый из видов доказательств, содержит все признаки, типичные для правового института, — однородность фактического содержания, юридическое единство соответствующих норм, законодательную особенность²².

Особым свойством большинства таких институтов является единство их содержания и функционального назначения в сфере уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права. Одна и другая отрасли права исходят из единого понятия и назначения доказательств, их относимости и допустимости, предмета и процесса доказывания, отдельных видов доказательств — экспертизы, свидетельских показаний и др.

Однако особый характер регулируемых этими отраслями права общественных отношений (являющихся в одном случае следствием преступного проявления, а в другом — спора о праве гражданском или ином личном неимущественном праве), как и некоторые особенности правового регулирова-

---

²² См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций в 2-х т., т. 1. Свердловск, 1972, с. 140.

ния, предопределяют специфику правовых институтов, составляющих подразделение каждой из названных отраслей права. Так, доказательства по уголовному делу устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения такого дела, а доказательства по гражданскому делу — наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения гражданского дела. Соответственно этому не могут быть тождественны и компоненты, составляющие предмет доказывания, как и круг субъектов доказывания. Не совпадает и перечень видов доказательств.

В числе таковых по уголовным делам не может быть объяснений сторон и третьих лиц, при том, что в системе видов доказательств по гражданским делам не может быть показаний подозреваемого, обвиняемого и др.

Эти, как и некоторые другие особенности соответствующих правовых институтов, не исключают использования многих из них в сфере и уголовно-процессуального, и гражданско-процессуального регулирования.

Весьма сомнительным по отношению к гражданскому процессуальному праву и вовсе неприемлемым по отношению ко многим институтам уголовно-процессуального, в частности, доказательственного, права является суждение Ю. К. Осипова о стадиях процесса как главном основании классификации процессуально-правовых институтов²³. Так, одной из особенностей институтов доказательственного права является принципиально единое их значение для всех стадий советского уголовного процесса. Идет ли речь об ассоциации общих норм доказательственного права или о совокупности норм, регулирующих те или другие виды доказательств, они (с учетом особенностей применения в каждой конкретной стадии) имеют принципиально единое значение для уголовного судопроизводства в целом. И только некоторые из них (относящиеся главным образом к средствам собирания доказательств) могут быть классифицированы в зависимости от стадий уголовного процесса (если, например, обыск и выемка в качестве средств собирания доказательств типичны

---

²³ См.: Осипов Ю. К. Понятие институтов гражданского процессуального права. — «Правоведение», 1973, № 1, с. 57 и сл.

для стадии предварительного расследования, то перекрестный допрос — только для стадии судебного разбирательства).

Типичным классификационным критерием для институтов доказательственного права, следовательно, является объективная принадлежность регулируемых общественных отношений ко всем видам доказательств по уголовному делу или (главным образом) к тем или другим конкретным видам, в силу чего, как мы заметили, эти институты относятся то ли к общей, то ли к особенной части доказательственного права.

Институты доказательственного права (впрочем, как и любой отрасли, подотрасли права) складываются из соответствующих правовых норм, образующих первоначальную, исходную единицу уголовно-процессуального и, в частности, доказательственного права.

Наряду с нормами, в которых отчетливо выражены правила поведения определенных субъектов уголовно-процессуальных прав и обязанностей, имеется немало и таких норм, в которых правила поведения на первый взгляд отсутствуют. Так, например, ст. 69 УПК в сочетании с рядом других статей УПК (ст. ст. 74, 75, 76, 77, 80, 83, 87, 88) разъясняет понятие процессуального доказательства. Статья 68 УПК, очерчивающая основные компоненты предмета доказывания, формулирует тем самым задачи правоприменительных органов в данной сфере уголовного судопроизводства, и т. д.

В действительности же и в этих нормах содержатся определенные правила поведения. Так, норма, определяющая понятие доказательства, обязывает компетентные органы государства (дознания, следствия, прокуратуры, суда) использовать в соответствующем качестве только такие фактические данные, которые устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, его совершившего, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, полученные в предусмотренном законом порядке из точно указанных в нем источников. Только такие фактические данные могут быть положены в основу выводов органов следствия и суда об обстоятельствах уголовного дела. Соответствующее правило поведения содержится и в правовой норме, регламентирующей задачи органов уголовного судопроизводства в части предмета доказывания. Она обязывает правоприменительные органы устанавливать по каждому конкретному делу все компоненты, составляющие предмет доказывания, и др.

Значит, независимо от формы выражения, степени дета-

лизации и т. д. все нормы доказательственного права прямо или косвенно, но содержат правила поведения субъектов уголовно-процессуальных прав и обязанностей. Однако не всякое правило поведения будет здесь нормой доказательственного права. Чтобы быть таковой, правило поведения должно отвечать следующим свойствам: а) быть установленным государством, т. е. сформулированным законодательными органами в определенных нормативных актах; б) представлять собой общее правило поведения, рассчитанное не на конкретно определенное действие и правоотношение, а на неоднократно повторяющееся в процессе собирания, проверки и оценки доказательств; в) являться общеобязательным правилом поведения для субъектов уголовно-процессуальных прав и обязанностей в области доказывания; г) быть обеспеченным силой государственного и общественного принуждения и убеждения; д) иметь двуединый правообязывающий характер, согласно которому процессуальным правам одних субъектов соответствуют корреспондирующие обязанности других субъектов. Так, например, праву компетентных органов государства вызвать то или иное лицо для допроса в качестве свидетеля соответствует обязанность такого лица явиться по вызову и дать правдивые показания. Праву свидетеля быть допрошенным лишь по обстоятельствам, подлежащим установлению по уголовному делу, соответствует обязанность правоприменительного органа (должностного лица) производить допрос не иначе, как в пределах таких обстоятельств.

Из сказанного представляется очевидным решение (применительно к доказательственному праву) весьма спорного в литературе вопроса о том, имеют ли правообязывающий характер такие правовые нормы, как нормы-определения или нормы, формулирующие задачи. При этом имеются в виду именно нормы права, а не отдельные статьи закона, их не всегда исчерпывающие. Когда речь идет, например, об определении понятия доказательства по уголовному делу, коррелятивные права и обязанности определенных субъектов не ограничиваются их правом представлять компетентным органам государства только такие фактические данные, которые соответствуют этому нормативно закрепленному определению, и обязанностью правоприменительных органов основывать свои выводы лишь на фактических данных, которым свойственны все признаки доказательств. Так же, как нельзя сводить норму права к статье закона, так и двуединый правообязывающий характер нормы права следует выводить из

комплекса статей, закрепляющих соответствующую норму как правило поведения. Содержание ст. 69 УПК, определяющей понятие доказательства, следует поэтому анализировать в сочетании с содержанием ряда других статей УПК, регламентирующих, в частности, отдельные виды доказательств. Соответственно, коррелятивные права и обязанности между лицами, производящими дознание, следователями, прокурорами, судьями и лицами, чьи показания (заключения) могут быть источниками необходимых фактических данных, также относятся к правообязывающему характеру указанной правовой нормы.

Двуединный характер нормы доказательственного права, как и любой другой нормы уголовно-процессуального права, находит свое выражение не только в том, что каждому процессуальному праву (обязанности) одного субъекта соответствует процессуальная обязанность (право) другого субъекта, но и в том, что осуществление самим субъектом принадлежащих ему процессуальных прав возможно не иначе как в сочетании с его обязанностью действовать в нормативно ограниченных формах и пределах. Так, например, праву компетентных органов государства оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению соответствует их обязанность основывать такое убеждение на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности и руководствоваться при этом законом и социалистическим правосознанием. Эксперт обязан явиться по вызову лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда и дать объективное заключение по поставленным перед ним вопросам. Он вправе, однако, отказаться от дачи заключения, если эти вопросы выходят за пределы его специальных знаний или если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения, и т. д.

Итак, будучи правилами поведения, нормы доказательственного права, как и уголовно-процессуального права в целом, всегда возлагают на соответствующих субъектов коррелятивные права и обязанности. Следует при этом учитывать, что содержащие такие права и обязанности правовые нормы в большей мере, нежели нормы некоторых других отраслей права, выражают государственно-властный характер уголовно-процессуальной деятельности в сфере возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения дел о преступлениях. Определяющая, направляющая и решающая роль в процессе обнаружения, собирания, закрепления, проверки

и оценки доказательств, как и в сфере всего уголовного судопроизводства, сохраняется в компетенции органов государства — дознания, следствия, прокуратуры, суда.

Из сказанного следует, что под нормами доказательственного права следует понимать общие и общеобязательные правила поведения субъектов уголовно-процессуальных прав и обязанностей, обеспеченные силой государственного и общественного воздействия, закрепляющие цели, содержание, порядок, пределы и правовые средства обнаружения, собирания, закрепления, проверки и оценки уголовно-судебных доказательств, направленные на обеспечение познания по каждому уголовному делу объективной истины и достижение других задач уголовного судопроизводства.

Нормы доказательственного права, как и все нормы уголовно-процессуального права, имеют трехчленную структуру — гипотезу, диспозицию, санкцию. При достаточно отчетливо выраженных в них первых двух элементах (гипотезы и диспозиции) санкцию нередко трудно обнаружить, поскольку она формулируется применительно не к одной, а ко многим однородным нормам, иногда к целому комплексу гипотез и диспозиций. В этом находит свое выражение системность норм уголовно-процессуального, в частности, доказательственного права.

Следует при этом иметь в виду, что, во-первых, санкции данной отрасли права выражаются как в мерах непосредственного воздействия на правонарушителей, так и в мерах восстановления законности, нарушенной противоправными действиями, и что, во-вторых, гипотезы и санкции доказательственного права обеспечиваются не только санкциями уголовно-процессуального права, но и санкциями других отраслей права.

Большинство норм доказательственного права содержит четко выраженные гипотезы и диспозиции при кажущемся отсутствии санкций. Примером может служить норма, регламентирующая предмет доказывания, заключенная в ст. 68 и ряде других статей УПК (ст. ст. 205, 303). Гипотезой здесь будет указание на производство дознания, предварительного следствия и разбирательство уголовного дела в суде; диспозицией — подлежащие доказыванию компоненты (событие преступления, виновность обвиняемого и др.). Санкция, на первый взгляд, отсутствует. Однако стоит поставить вопрос о том, какими могут быть последствия неустановления подлежащих доказыванию обстоятельств, как она (санкция) тут

же обнаруживается. Так, прокурор, надзирающий за исполнением законов при производстве дознания и предварительного следствия, обнаружив недоследованность дела, вправе направить его для производства дополнительного расследования (ст. 211 УПК). То же самое вправе сделать суд в стадии предания суду (ст. 226 УПК), в стадии судебного разбирательства (ст. 258 УПК), кассационного и надзорного производства (ст. ст. 342, 343 УПК).

Или, скажем, гипотезой нормы, определяющей понятие доказательства, будет указание на уголовное дело (ст. 69 УПК). Это значит, что имеется в виду доказательство не вообще, а именно по уголовному делу, используемое в уголовном судопроизводстве. Диспозиция состоит в том, что соответствующие фактические данные должны быть получены в установленном законом порядке и из точно названных законом источников. Санкция опять же, на первый взгляд, отсутствует. Она обнаруживается, однако, в статьях, предусматривающих юридические последствия использования в качестве доказательств фактических данных, не отвечающих указанным требованиям (см. ст. ст. 211, 226, 342 УПК и др.).

В соответствующих случаях речь идет, следовательно, не об отсутствии в нормах доказательственного права санкций, а о формулировании их в различных частях нормативных актов, иногда в общем для различных правовых норм виде.

Вместе с тем имеются и такие нормы доказательственного права, которые содержат четкое и непосредственное формулирование всех указанных элементов — не только гипотезы и диспозиции, но и санкции. Примером может служить правовая норма, основное содержание которой закреплено в ст. 73 УПК. Гипотезой здесь будет указание на вызов определенного лица в качестве свидетеля органом дознания, следователем, прокурором, судом; диспозицией — указание на то, что в случае вызова такое лицо обязано явиться и дать правдивые показания, сообщить все известное ему по делу и ответить на поставленные вопросы; санкцией — указание на то, что при неявке свидетеля без уважительной причины лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд вправе подвергнуть его приводу. За отказ и уклонение от дачи показаний свидетель несет уголовную ответственность по ст. 182 УК РСФСР, а за дачу заведомо ложных показаний — по ст. 181 УК РСФСР.

Примерно таким же образом строятся правовые нормы,

предусматривающие права и обязанности потерпевшего (ст. 75 УПК), эксперта (ст. 82 УПК), и др.

Как следует из сказанного, формой юридического закрепления и выражения соответствующих правил поведения и тем самым средством доведения их до сведения адресатов являются нормативные акты. В качестве подотрасли уголовно-процессуального права доказательственное право не имеет собственных источников; таковыми являются источники уголовно-процессуального права. Нормы доказательственного права получили свое развернутое закрепление главным образом в Основах уголовного судопроизводства (см., например, ст. ст. 16, 17 Основ), особенно в УПК союзных республик, которые развивают и конкретизируют положения общесоюзных Основ (см., например, ст. ст. 68—88 УПК). Этим обеспечивается единство норм доказательственного права во всесоюзном масштабе в сочетании с самостоятельностью и широкой творческой инициативой союзных республик в регулировании соответствующего круга вопросов.

Следует лишь добавить, что большое внимание вопросам доказательственного права уделяет Пленум Верховного Суда СССР и пленумы Верховных Судов союзных республик.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» речь идет, например, о необходимости основывать судебный приговор лишь на доказательствах достоверных, толковать все сомнения в отношении доказанности обвинения, если невозможно их устранить, в пользу обвиняемого; о возможности основывать приговор суда только на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании; подвергать их тщательной проверке и всестороннему исследованию; об обязанности оценивать собранные по делу доказательства в совокупности, и др.²⁴

Указывая на то, что односторонняя оценка судами доказательств является причиной многих недостатков в их работе, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 7 июля 1971 г. «О дальнейшем совершенствовании деятельности судов по осуществлению правосудия в свете решений XXIV съезда КПСС» обратил внимание на необходимость основывать приговоры на глубоком — полном, всестороннем и объ-

---

²⁴ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973. М., 1974, с. 581—583.

активном исследовании в судебных заседаниях всех материалов уголовного дела²⁵.

Значение всестороннего и полного исследования доказательств, как и недопустимость необъективного и одностороннего подхода к их оценке, вновь подчеркнул Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 26 марта 1976 г. «О повышении уровня осуществления правосудия в свете решений XXV съезда КПСС»²⁶.

Об обязанности суда всесторонне, полно и объективно исследовать фактические данные, относящиеся не только к преступлению и лицу, его совершившему, но и к обстоятельствам, способствовавшим преступному проявлению, говорится в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. «О дальнейшем совершенствовании судебной деятельности по предупреждению преступлений». Одновременно указывается на необходимость проявлять равное внимание ко всем участникам судебного разбирательства при осуществлении ими права представлять доказательства, заявлять ходатайства и участвовать в исследовании собранных по делу доказательств²⁷.

Соответствующие указания судам Российской Федерации содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 17 сентября 1975 г.²⁸

Некоторые руководящие постановления Пленума Верховного Суда СССР посвящены отдельным видам (источникам) уголовно-судебных доказательств. Примером может служить постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам»²⁹.

Не дополняя, не изменяя закон и тем более не противореча ему, руководящие постановления Пленума в качестве особого вида — судебного толкования правовых норм играют огромную роль в обеспечении правильного и единообразного применения норм доказательственного права. Тем не менее именно потому, что руководящие постановления Пленума Верховного Суда СССР, как и пленумов Верховных Судов союзных республик, не могут создавать новых норм права, а издаются во исполнение и обеспечение действующих

²⁵ См.: Там же, с. 21, 23.

²⁶ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1976, № 3, с. 8.

²⁷ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1977, № 1, с. 13—14.

²⁸ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1975, № 12, с. 4.

²⁹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, с. 590 и сл.

правовых норм, именно потому, что они разъясняют соответствующие нормы права, нельзя согласиться с отнесением их к числу источников уголовно-процессуального и, в частности, доказательственного права³⁰.

Итак, доказательственное право как подотрасль уголовно-процессуального права состоит из ряда правовых институтов, каждый из которых, в свою очередь, образуется совокупностью правовых норм, являющихся первичными единицами доказательственного и тем самым уголовно-процессуального права.

§ 3. Теория уголовно-процессуальных доказательств (предмет, метод, система)

В качестве составной части науки советского уголовно-процессуального права теория доказательств представляет собой систему научных положений, имеющих довольно широкий и многогранный предмет исследования. К числу его компонентов следует отнести прежде всего доказательственное право как систему юридических норм, регулирующих цели, содержание, порядок, пределы и правовые средства собирания, проверки и оценки доказательств, обоснованность и мотивированность выводов правоприменительных органов в ходе процессуального доказывания. Было бы неправильно, однако, ограничивать предмет этой теории только доказательственным правом. Как и всякая теория, будучи логическим обобщением опыта общественной практики, теория доказательств имеет своим предметом также практическую деятельность по применению норм доказательственного права субъектами уголовного судопроизводства.

Но и этим не ограничивается предмет теории доказательств. Он охватывает также анализ основных понятий учения о доказательствах, исследование принципов доказывания, истории соответствующих институтов, вопросы доказательственного права и его применения в уголовном процессе зарубежных социалистических государств, критический анализ доказательственного права (его применения) в уголовном судопроизводстве эксплуататорских государств и др.

Важно подчеркнуть, что, имея относительно обособлен-

---

³⁰ Иное суждение см.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 8—9.

ный и завершенный характер, теория доказательств изучает и обобщает совершенно определенный раздел науки советского уголовно-процессуального права, включающий в себя все то, что относится к доказательственному праву, практической реализации его норм, к соответствующей области знаний.

Именно потому, что теория доказательств в системе науки советского уголовно-процессуального права занимает относительно (а не абсолютно) обособленное место, ее компоненты неразрывно взаимосвязаны со всеми компонентами науки уголовно-процессуального права. Представляется очевидным, что просто немыслимо было бы уяснить суть доказательственного права вне анализа уголовно-процессуального права, составной частью которого доказательственное право является; круг и правовой статус субъектов доказательственного права — вне единой системы субъектов уголовно-процессуального права; характер деятельности и правоотношений, складывающихся в связи с обнаружением, закреплением, собиранием, проверкой и оценкой доказательств — вне уяснения места, которое занимают они в единой системе уголовно-процессуальной деятельности и соответствующих правоотношений, и др.

Поскольку соотношение теории доказательств и науки уголовно-процессуального права — это соотношение части и целого, постольку представляется очевидным, что служебная роль данной теории определяется единными задачами науки советского уголовно-процессуального права, состоящими в а) углубленном изучении положений, составляющих предмет данной отрасли знаний, б) теоретическом обобщении практики уголовного судопроизводства в целях ее дальнейшего совершенствования, в) выработке научных рекомендаций по дальнейшему развитию уголовно-процессуального законодательства, г) содействии правовому воспитанию широких масс трудящихся, д) изобличении классовой эксплуататорской сущности уголовного судопроизводства буржуазных государств.

Из этих общих задач науки советского уголовно-процессуального права могут быть вычленены специфические задачи теории доказательственного права, определяемые особенностями ее предмета. В этом случае речь идет об углубленном исследовании названных выше категорий доказательственного права, о теоретическом обобщении практики его применения, о выработке научных рекомендаций по дальнейше-

му совершенствованию норм доказательственного права и практики применения именно этих норм в уголовном судопроизводстве и т. д.

В той мере, в какой дальнейшее развитие теории доказательств предопределяется достижениями науки советского уголовного процесса, развитие последней во многом зависит от накопления и расширения знаний в области теории доказательств.

Было бы неправильно отождествлять эту теорию с доказательственным правом или с соответствующей учебной дисциплиной, в частности, со спецкурсом, имеющим тождественное название.

В отличие от доказательственного права теория доказательств ничего не позволяет и ничего не предписывает. Она исследует соответствующие категории, обобщает практику применения норм доказательственного права, формулирует научные рекомендации по ее совершенствованию и т. д.

Теория доказательств много шире соответствующей учебной дисциплины и по объему, и по задачам. Естественно, что объем учебного материала может быть уже объема материала самой теории. Много скромнее и задачи учебной дисциплины: они состоят в доведении до сведения лиц, изучающих эту теорию, соответствующей информации, в обеспечении усвоения ими норм доказательственного права, порядка реализации этих норм, привития им навыков применения полученных знаний в практике уголовного судопроизводства и др.

Как и правовая наука в целом, теория уголовно-процессуальных доказательств опирается на метод диалектического материализма, в силу которого каждое положение берется «(α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»³¹.

Метод диалектического материализма — единственно научный метод познания действительности — позволяет рассматривать категории доказательственного права в качестве реальных общественных явлений надстроечного характера, социальная сущность которых предопределяется экономической структурой общества и которые, в свою очередь, опосредствованно содействуют его дальнейшему развитию. Исследование всех категорий теории и практики доказательств по уголовным делам в их органической взаимосвязи с конкретными условиями действительности предопределяет изу-

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 329.

чение данных категорий в становлении, «развитии, «самодвижении»..., изменении»³² и тем самым в дальнейшей перспективе. В. И. Ленин подчеркивал, что в общественных науках необходимо «...смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»³³.

В силу метода диалектического материализма категории доказательственного права следует рассматривать как явления классовые, качественно, принципиально отличные от одноименных категорий буржуазного права и вместе с тем как социально однородные (при наличии многочисленных конкретных особенностей) в условиях различных социалистических государств.

Как и правовая наука в целом, теория доказательственного права имеет отчетливо выраженный партийный характер. Это значит, что, будучи основана на марксистско-ленинской методологии, она подходит к исследованию всех вопросов с позиций тех задач, которые поставлены Программой КПСС перед общественными науками, в том числе и перед правовой наукой, по активному содействию в формировании коммунистических общественных отношений.

Важное значение для развития теории доказательств, как и науки советского уголовного процесса в целом, имеют постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» (1964 г.) и «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967 г.)³⁴, решения партийных съездов, особенно XXIV, XXV съездов КПСС, и майского (1977 г.) Пленума ЦК КПСС. Эти решения ориентируют теорию доказательств как составную часть науки советского уголовного процесса на выявление и устранение причин преступности, на активизацию деятельности по предупреждению преступлений и борьбе с преступностью, на усиление связи с практикой коммунистического строительства, на оказание помощи практике уголовного судопроизводства, на активное содействие росту правосознания трудящихся, на решительную

³² Там же, т. 42, с. 290.

³³ Там же, т. 39, с. 67.

³⁴ «Коммунист», 1964, № 12; 1967, № 13.

и непримиримую борьбу с буржуазной правовой идеологией, и др.

Как видно из сказанного, метод диалектического материализма в качестве единственно научного общего метода познания действительности при изучении категорий доказательственного права предполагает использование еще и специальных методов. К их числу следует отнести: генетический метод, предполагающий уяснение соответствующих категорий с позиций их общественно-экономических и политических предпосылок; историко-юридический метод, в силу которого категории доказательственного права рассматриваются, как было отмечено выше, в их возникновении, развитии и дальнейшей перспективе; сравнительно-правовой метод, позволяющий исследовать компоненты доказательственного права в связи с их социально-политическими, собственно юридическими и другими особенностями — как в классово-антагонистических, так и в социально однородных условиях.

Говоря о внутренней системе доказательственного права, мы подчеркнули четкое разграничение соответствующих правовых норм на нормы общей и особенной частей уголовно-процессуального права. Аналогична и система теории доказательств. С учетом того, что предмет данной теории много шире предмета доказательственного права, значительно более широким является объем общей и особенной частей теории доказательств по сравнению с соответствующими частями доказательственного права.

В круг проблем общей части данной теории входят: доказательственное право и его место в системе советского уголовно-процессуального права; система доказательственного права, место теории доказательств в науке советского уголовно-процессуального права; советский уголовный процесс и доказывание; учение об относимости и допустимости доказательств; о предмете, пределах и субъектах доказывания; учение о процессе доказывания и, в частности, об оценке доказательств; классификация доказательств; анализ важнейших проблем теории и практики доказательств в свете современных достижений научно-технического прогресса.

Как мы видим, общая часть теории доказательств охватывает круг проблем, имеющих равное значение для всех видов доказательств, как и для всех стадий уголовного судопроизводства и всех категорий дел, независимо от их специфики.

Особенная часть теории доказательств имеет своим пред-

метом, главным образом, исследование отдельных видов доказательств — показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, заключений экспертов, вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий и иных документов.

Особенная часть предполагает также анализ особенностей доказывания на различных стадиях советского уголовного процесса, а также применительно к специфике некоторых категорий уголовных дел.

Наконец, особенная часть теории доказательств предполагает изучение проблем доказательственного права и теории доказательств в уголовном процессе зарубежных социалистических государств и раскрытие реакционной сущности одноименных институтов доказательственного права в уголовном процессе буржуазных государств.

§ 4. Теория доказательств в системе научных знаний

Методологическую основу теории доказательств, как и всех конкретных правовых наук, составляет марксистско-ленинская философия и, в частности, учение диалектического материализма об истине, ленинская теория познания объективной действительности, диалектический путь познания и практика как критерий познания.

Определяющее значение для решения многих вопросов теории доказательств имеет общая теория права, в частности, учение о предмете и методе правового регулирования, о структуре права и отдельных отраслей права, о формах реализации права, о правоотношениях и т. д.

Особый интерес, однако, представляет взаимосвязь теории доказательств с различными отраслями знаний по горизонтали. В той мере, в какой доказательственное право в качестве подотрасли уголовно-процессуального права неразрывно связано с другими отраслями права, теория доказательств находится во взаимосвязи и во взаимопроникновении с различными правовыми науками. Рассмотрим некоторые линии этой взаимосвязи.

Связь теории доказательств с наукой уголовного права определяется как единством перспективных целей уголовного и уголовно-процессуального права (уничтожение преступности, причин, ее порождающих, и условий, ей способствующих), так и служебной ролью доказательственного права,

как и уголовно-процессуального права в целом, по отношению к праву уголовному. Применительно к доказательственному праву это, помимо всего прочего³⁵, находит свое выражение в том, что а) исследование понятия доказательств представляется осмысленным лишь постольку, поскольку они служат установлению преступлений, понятие и содержание которых составляет предмет науки уголовного права; б) исследование предмета доказывания предполагает уяснение многих институтов уголовного права, таких, как вина, обстоятельства, отягчающие и смягчающие уголовную ответственность, и др.; в) уяснение таких понятий, как «ущерб, причиненный преступлением», «орудие преступления», «лжесвидетельство» и т. д., возможно не иначе, как путем комплексных усилий представителей различных правовых наук, в том числе науки уголовного права и теории доказательств.

Взаимосвязь теории доказательств с областью знаний, изучающих организацию органов уголовного судопроизводства (судоустройством), определяется тем, что только компетентные органы государства (дознания, следствия, прокуратуры, суда) вправе применять нормы уголовно-процессуального, в том числе — доказательственного права, при том, что все другие субъекты уголовного судопроизводства (обвиняемые, подозреваемые, потерпевшие и др.) обязываются к их исполнению и соблюдению³⁶. Было бы неправильно изучать нормы доказательственного права вне учета прежде всего тех субъектов уголовного судопроизводства, которые полномочны их применять к конкретным условиям уголовно-процессуальной ситуации, применять не только в части гипотез и диспозиций, но и в части санкций, вызывая тем самым к жизни новые уголовно-процессуальные отношения. Изучением организации, устройства именно этих органов уголовного судопроизводства и занимается область правовых знаний, называемая кратко судоустройством.

Взаимосвязь и взаимопроникновение норм уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права определяют взаимодействие и теорий доказательств как составных частей соответствующих наук — уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права.

³⁵ См.: Уголовный процесс, Отв. ред. Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, П. С. Элькинд, М., 1972, с. 25—27.

³⁶ О формах реализации норм уголовно-процессуального права см.: Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права, М., 1967.

Координированные усилия представителей этих наук — одно из важных условий эффективности исследования, во-первых, таких общих правовых институтов, какими являются виды судебных доказательств, их относимость и допустимость и т. д., а, во-вторых, того особенного (предмета доказывания, субъектов доказывания, их правового статуса и др.), что объективно обусловлено предметом и методом правового регулирования в одной и другой сфере общественной жизни.

Наиболее тесной представляется связь теории доказательств с криминалистикой. Объясняется это тем, что как теория уголовно-процессуальных доказательств, так и наука криминалистика занимаются исследованием доказательств, способов, методов и форм их обнаружения, закрепления, проверки и оценки.

На протяжении многих лет широко распространенным являлось разграничение предмета исследования теории доказательств и криминалистики по двум основным линиям: 1) по тому, что в отличие от норм доказательственного права (изучением которых занимается теория доказательств) криминалистика имеет своим предметом область неправовой методики, техники и тактики работы с доказательствами и 2) по тому, что доказательственное право регламентирует, а теория доказательств изучает, что надо делать органу дознания, следствия, прокуратуры, суда, а криминалистика — как при этом надо действовать.

Однако события последних лет ломают указанные критерии разграничения доказательственного права, соответственно — теории доказательств — и криминалистики. Обусловлено это тем, что действующее уголовно-процессуальное законодательство значительно расширило объем криминалистических приемов и методов расследования и рассмотрения дел, подлежащих непосредственному правовому закреплению. В их числе и такие, которые вообще не регламентировались законом (например, приемы и методы, используемые при производстве следственного эксперимента, при предъявлении для опознания и др.), и такие, которые ранее регламентировались недостаточно, а затем получили свое более развернутое нормативное закрепление (например, при производстве осмотра). Причем наряду с тактическими уголовно-процессуальные кодексы союзных республик закрепили еще и некоторые технические положения (например, производство измерений, фотографирования, составление планов и схем, из-

готовление образцов почерка, иных образцов для сравнительного исследования и др.). Эти положения, хотя и не получили еще своей достаточно развернутой регламентации в законе, тем не менее приобрели отчетливо выраженное правовое значение и в этом качестве подлежат изучению и теорией уголовно-судебных доказательств, и наукой криминалистикой.

Развитие законодательства отвергло бытовавшее ранее суждение о неподвижной границе между доказательственным правом и криминалистикой. Интересны суждения о комплексном исследовании проблем теории доказательств силами процессуалистов и криминалистов высказал А. И. Винберг³⁷. Однако этим суждениям противоречит его же попытка резко разграничить предмет исследования между процессуалистами и криминалистами, обосновать необходимость самостоятельной, обособленной от процессуальной науки разработки криминалистами ряда положений теории доказательств, сохранить за процессуалистами исследование только вопросов доказательственного права и принципов теории доказывания³⁸. Такая позиция, особенно в условиях научно-технического прогресса, едва ли приемлема. Комплексные усилия процессуалистов и криминалистов — важная гарантия дальнейшего развития доказательственного права, теории и практики доказывания. Необходимость именно таких усилий обусловлена следующими соображениями:

- 1) как криминалистические, так и уголовно-процессуальные средства имеют единую направленность, состоящую в единстве перспективных целей (предупреждения и искоренения преступности) и целей ближайших (ст. 2 Основ, ст. 2 УПК), что не исключает, конечно, возможности определенной дифференциации ближайших целей, тем более, что криминалистика обслуживает не только уголовно-процессуальную, но и оперативную деятельность, содействующую уголовному судопроизводству, но выходящую за его пределы;
- 2) криминалистические приемы и методы обнаружения, собирания, проверки и оценки доказательств не только разработаны соответственно целям уголовно-процессуального и,

---

³⁷ См.: Винберг А. И. Теория судебных доказательств в науке советской криминалистики. — «Советское государство и право», 1977, № 12, с. 71.

³⁸ См.: там же, с. 72—73.

в частности, доказательственного права, но и в своем практическом применении неотделимы от применения норм уголовно-процессуального (доказательственного) права;

3) доказательственное право, в свою очередь, не только опирается на достижения криминалистики, но и определяет характер, условия и пределы применения криминалистических средств в уголовном судопроизводстве, придавая этому в некоторых случаях, как было отмечено, значение правовых требований;

4) дальнейшее развитие доказательственного права и теории доказательств, как и дальнейшее развитие криминалистики, возможно не иначе как при условии взаимообогащения криминалистики и теории доказательств. Достижения криминалистики обогащают теорию доказательств исследованиями новейших тактических, методических и технических приемов обнаружения и использования доказательств. Наряду с этим необходимым условием дальнейшего развития криминалистики является обобщение процессуальной практики собирания, проверки и оценки доказательств, учет новейших достижений теории доказательств.

Хотя правовой характер криминалистики, в том числе криминалистических приемов и методов работы с доказательствами, не должен ныне вызывать сомнений, тем не менее криминалистика — это наука, а не составная часть права, каковой по отношению к уголовно-процессуальному праву является доказательственное право. В своем конкретном выражении, однако, она строится применительно к запросам уголовно-процессуального и, в частности, доказательственного права. Следует лишь учитывать, что сфера практического применения криминалистики выходит далеко за пределы целей уголовно-процессуального и, в частности, доказательственного права, поскольку она используется, как было отмечено выше, и в оперативной деятельности, и в гражданском, и в административном процессах. Области применения криминалистических средств разнородны и многогранны; по мере расширения научно-технического прогресса сфера их применения будет и дальше расширяться и углубляться.

Однако как бы ни расширялось правовое закрепление криминалистических средств в уголовном судопроизводстве, в криминалистике наряду с нормативными положениями будут сохраняться и совершенствоваться положения научно-

рекомендательного характера. Часть криминалистических средств применяется в виде норм уголовно-процессуального, в частности, доказательственного права, не утрачивая при этом криминалистического значения. Другая часть указанных средств, сохраняя характер только научных рекомендаций, используется компетентными органами государства (должностными лицами) в связи с применением норм уголовно-процессуального, в частности, доказательственного права и в пределах, установленных нормами права.

Как в одном, так и в другом случае точное соблюдение уголовно-процессуальных норм и, в частности, системы процессуальных гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве составляет важнейшее условие социалистической законности в криминалистической практике. Дальнейшее нормативное закрепление и углубленное теоретическое исследование проверенных опытом уголовного судопроизводства криминалистических рекомендаций будет способствовать усилению законности в сфере обнаружения, закрепления, проверки и оценки доказательств.

В процессе собирания, проверки и оценки доказательств компетентным органам государства (дознания, следствия, прокуратуры, суда) приходится встречаться с вопросами, разрешение которых требует определенных познаний в области так называемых прикладных наук — судебной медицины, судебной психиатрии, судебной психологии и др.

Судебной медициной называется «...отрасль медицины, содержание которой составляют изучение и разработка вопросов медицинского и биологического характера, возникающих в правовой практике»³⁹. Привлечение соответствующих знаний — необходимое условие правильного решения вопроса о причинах смерти, степени тяжести телесных повреждений и др.

В предусмотренных законом случаях специальные знания в области судебной медицины могут быть использованы в процессе осмотра, например, трупа (ст. 180 УПК), освидетельствования (ст. 181 УПК), при назначении и проведении судебно-медицинской экспертизы (ст. ст. 78, 79 и др. УПК), при участии в деле (в качестве самостоятельного субъекта уголовного судопроизводства) специалиста (ст. ст. 133¹, 253¹ УПК) и др.

---

³⁹ Авдеев М. М. Судебная медицина. М., 1960, с. 5.

Вне взаимосвязи теории доказательств с судебной медициной представляется невозможным не только дальнейшее развитие соответствующих отраслей знаний, но и правильное разрешение повседневных вопросов, связанных с формами и методами собирания, проверки и оценки (в соответствующих случаях) доказательств, с назначением, проведением и оценкой заключения судебно-медицинской экспертизы, с использованием возможностей специалистов в области судебной медицины и т. д.

Тесные узы соединяют теорию доказательств и с судебной психиатрией. Будучи специальной отраслью клинической психиатрии, судебная психиатрия имеет свои особые задачи: она занимается всесторонним изучением психических расстройств и их оценкой в сфере правосудия⁴⁰.

Координация теории доказательств и судебной психиатрии — необходимое условие законного и обоснованного решения таких, встречающихся в практике уголовного судопроизводства вопросов, как о психическом состоянии лица, совершившего общественно опасное деяние, и тем самым о его способности нести уголовную ответственность за совершенное деяние (ст. 11 УК); о психическом состоянии свидетеля и тем самым о его способности правильно воспринимать и воспроизводить имеющие значение по делу обстоятельства (ст. 72 УПК) и др.

Вне необходимого уровня знаний и теории доказательств, и судебной психиатрии нельзя правильно решить вопрос о характере использования специальных знаний в той или иной уголовно-процессуальной ситуации — то ли в форме судебно-психиатрической экспертизы, то ли освидетельствования и т. д. Вне координации соответствующих познаний нельзя оценить результаты определенных усилий, например, специалиста или эксперта, привлеченного для уяснения вопросов, требующих особых познаний в области судебной психиатрии.

Теория доказательств находится в неразрывной взаимосвязи и с судебной психологией. Будучи составной частью общей психологии, судебная психология имеет своим предметом изучение закономерностей человеческой психики в сфере борьбы с преступностью⁴¹.

---

⁴⁰ См.: Калашник Я. Судебная психиатрия. М., 1961, с. 5.

⁴¹ См.: Ратников А. Р. Судебная психология для следователей. Учебное пособие. М., 1967, с. 10—11; Котов Д. П., Шиханцов Г. Г. Психология следователя. Воронеж, 1977.

Судебная психология содействует формированию необходимых познавательных, волевых и эмоциональных качеств юристов, воспитанию и обучению их в направлении, соответствующем задачам советского права и коммунистической морали, овладению наиболее правильными приемами и методами собирания, проверки и оценки доказательств, правильному формированию принимаемых решений, совершенствованию средств воспитательного воздействия уголовного судопроизводства.

Вне должной глубины знания теории доказательств и судебной психологии компетентный орган государства (соответствующее должностное лицо) не может обеспечить эффективное выполнение следственных (судебных) действий, оптимальные результаты их проведения. Представляется очевидным, что для того, чтобы хорошо провести допрос (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля), очную ставку, осмотр, следственный эксперимент и т. д., недостаточно знать законодательство, регламентирующее проведение соответствующего следственного (судебного) действия. Недостаточно для этого и отличного знания материалов конкретного уголовного дела, характера собранных доказательств и др. Для этого необходимо еще и владение основами как общей, так и судебной психологии — психологии допроса, обыска, выемки, следственного эксперимента, иного следственного (судебного) действия, выполняемого компетентным органом государства (соответствующим должностным лицом).

Особый интерес в условиях научно-технического прогресса представляет взаимосвязь теории доказательств и кибернетики — «теории управления и связи в машинах и живых организмах»⁴². Проникая в самые различные области знаний, кибернетика получила свое применение и в сфере права⁴³, в том числе — права доказательственного. Положительное значение имеет использование кибернетических методов учета и классификации доказательственного материала, экспертного исследования почерка, голоса и др. Следует, однако, иметь в виду, что при любой степени автоматизации человек — создатель машины и ее пользователь — остается незаменимым; он незаменим и в сфере уголовного судопроизводства, в частности, при работе с доказательствами. Это значит, что машинный вывод при производстве эксперти-

⁴² Винер Р. Кибернетика. М., 1958, с. 23.

⁴³ См.: Кнапп В. О возможности использования кибернетических методов в праве. М., 1965.

зы (например, голоса или почерка), при систематизации доказательственного материала и т. д., будет выводом человека, использующего машину (например, эксперта, следователя), но не машины. И за качество соответствующего вывода несет ответственность только человек — конкретный субъект уголовного судопроизводства.

Именно поэтому возможности и характер использования машинной техники в сфере работы с доказательствами ограничены и специфичны. Соответственно основам теории доказательств машинная техника может быть использована здесь только в помощь, но не вместо человека и притом не на всех этапах работы с доказательствами. Она не должна применяться, например, в сфере их оценки, составляющей монополию только человеческого разума. Следует заметить, что оценка доказательств лежит в основе выводов органов дознания, следствия, прокуратуры, суда по каждому конкретному уголовному делу, предполагающих решение человеческих судеб.

В той мере, однако, в какой общественные «...отношения не мертвы, а живут и развиваются»⁴⁴, проникновение машинной техники в сферу уголовного судопроизводства ставит на повестку дня вопрос о расширении правового регулирования вновь возникающих здесь общественных отношений (например, между экспертом, с одной стороны и лаборантом или оператором, оказывающим в том необходимую помощь, — с другой), как и о правовом упорядочении требований, которые должны предъявляться к используемой здесь машинной технике (например, ее научная и экспериментальная апробация).

---

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 259.

ЦЕЛЬ, ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ

§ 1. Установление истины — цель доказывания

В уголовном процессе, как в любой другой сфере общественной жизни, действуют люди, стремящиеся к определенным целям, поскольку и здесь «ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели»¹. Правильное определение и нормативное закрепление таких целей предопределяет: а) уяснение целенаправленности уголовно-процессуальной деятельности, как и соответствующих правоотношений; б) содействие оптимальной эффективности такой деятельности (правоотношений), поскольку (при всей спорности понятия эффективности права и правоприменительной деятельности) бесспорным критерием их эффективности является реальное достижение желаемых результатов; в) решительное опровержение применительно к данной сфере общественной жизни макиавеллистской концепции — «цель оправдывает средства», ибо эффективность соответствующей деятельности (правоотношений) предполагает достижение желаемых результатов не любыми средствами, а только соответствующими характеру желаемых целей. «Цель не может оправдать средства... — справедливо замечал А. Ф. Кони. — Высокие цели правосудного ограждения общества и вместе защиты личности от несправедливого обвинения должны достигаться только нравственными способами и приемами»².

Цели уголовного процесса, закрепленные ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК), состоят в быстром и полном раскрытии преступлений, изобличении виновных и обеспечении правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 306.

² Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми т., т. 4, 19637, с. 66.

Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития.

Нас не должно смущать то обстоятельство, что содержание целей уголовного судопроизводства законодатель вкладывает в понятие задач, поскольку нюансы понятий «цели» и «задачи» лежат не в различии их содержания, а в возможности разноаспектного использования. Категория «цель» — философская; категория «задача» имеет более практическое, житейское употребление. Поэтому, когда данная категория подвергается исследованию в ее философском выражении — внутреннем (как мыслительное отражение потребностей в неразрывном единстве со стремлениями, интересами человека) и внешнем (как субъективное отражение объективно, реально существующих возможностей действительности, внешнего мира), субъективном (поскольку цели формулируются людьми) и объективном (поскольку они определяются в конечном счете материальными условиями жизни общества), следует использовать понятие «цель». В тех же случаях, когда речь идет о выражении содержания этой категории в определенных правилах поведения, в нормативных актах, в направленности конкретной практической деятельности, более целесообразно пользоваться понятием «задача», как это и делает законодатель в ст. 2 Основ (ст. 2 УПК).

Анализ целей (задач), закрепленных ст. 2 Основ (ст. 2 УПК), дает основание утверждать, что, составляя цель доказывания, установление истины входит на положении одного из компонентов в общие цели советского уголовного процесса. Это находит свое подтверждение в нормативном требовании полного раскрытия преступлений, изобличения и наказания только виновных, устранения привлечения в качестве обвиняемых и осуждения невиновных.

Такая конструкция представляется объективно оправданной потому, что доказывание в качестве центрального, стержневого компонента уголовно-процессуальной деятельности образует необходимое свойство всего уголовного судопроизводства. Поэтому и цель доказывания образует составную часть общих целей уголовного процесса³.

³ Об установлении истины как специфической цели доказывания, находящейся во взаимосвязи с задачами уголовного судопроизводства, но не входящей в содержание этих задач, см.: Теория доказательств в со-

Что же такое объективная истина в уголовном судопроизводстве?

Как и всякая истина, объективная истина в данной сфере общественной жизни есть высшая форма субъективного отражения объективной действительности, есть полное и точное соответствие субъективных суждений исследуемым фактам и обстоятельствам. Тем не менее, истина в уголовном судопроизводстве имеет определенную специфику, которая, не превращая ее в какой-то особый вид истины, отличает истину, устанавливаемую в уголовном судопроизводстве, от истины в любой иной сфере общественной жизни. В числе таких особенностей следует указать на предмет познания, т. е. специфический круг фактов, относящихся к событию, составу преступления, к лицам, совершившим преступление, и другим обстоятельствам, подлежащим установлению по уголовному делу; на средства и способы установления истины; на пределы доказывания (объем доказательств, необходимых для установления соответствующих обстоятельств, и система следственных и судебных действий, требуемых для получения таких доказательств).

Учет специфических особенностей истины и ее становления в уголовном судопроизводстве, как и стремление показать ее принципиальное, качественное отличие от так называемой формальной истины в буржуазном уголовном процессе⁴, предопределили постановку в литературе вопроса о наименовании такой истины материальной⁵. Однако суть вопроса не в терминологии, а в содержании, которое в соответствующий термин вкладывается. Понятие же «материальная истина» употребляется по существу в смысле истины объективной с учетом ее специфики в сфере советского уголовного судопроизводства и принципиального отличия от формаль-

---

ветском уголовном процессе. М., 1973, с. 116; Голунский С. А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства и судостройства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959, с. 122.

⁴ Под формальной истиной в буржуазном уголовном процессе следует понимать соответствие выводов следствия и суда не объективным обстоятельствам уголовного дела, а определенным, заранее установленным формальным условиям, независимо от того, соответствуют ли эти выводы действительности или не соответствуют. Поскольку истина одна — полное и точное субъективное отражение объективной действительности, постольку всякое иное понимание истины не отражает ее свойств.

⁵ См.: Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, с. 49—51.

ной истины (лженстины) в судопроизводстве буржуазном. «Применение к этим случаям термина «материальная истина» правильно подчеркивает специфику предмета,— замечает М. С. Строгович.— А польза от такого наименования состоит прежде всего в том, что им резко отвергается всякая возможность выдавать за истину в судебных делах то, что отвечает определенным юридическим условиям, но относительно чего нет гарантий, что есть истина в действительности, по существу не формально, а «материально»⁶. Поскольку материальная истина — эта та же объективная истина в применении к судебным делам, постольку в дальнейшем мы будем использовать оба термина («материальная истина» и «объективная истина» в уголовном судопроизводстве) как равнозначные.

Одной из существенных особенностей истины в советском уголовном процессе является то, что познание фактических обстоятельств дела происходит не иначе как в их социально-политической и юридической оценке. Эта особенность обусловлена тем, что познание факта и применение права находятся здесь в неразрывной взаимосвязи. Отделить две указанные стороны единого целого друг от друга практически невозможно. Органы следствия и суда познают, например, факты скупки, продажи, наживы не абстрактно, а потому, что они образуют состав спекуляции. Они познают факты умышленных действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, опять же не абстрактно, а потому, что такие действия образуют состав хулиганства и т. д.

Противники включения в содержание истины в уголовном судопроизводстве не только фактических обстоятельств дела, но и правовой оценки таких обстоятельств утверждают, что поскольку объективная истина это такое содержание, которое не зависит ни от человека, ни от человечества⁷, постольку рассматривать юридическую оценку фактов в качестве компонента истины нельзя, ибо оценка — не объективный факт, а результат субъективного усмотрения лиц, производящих расследование и судебное рассмотрение. К тому же правовые оценки общественно опасных деяний могут изменяться, а истина остается неизменной.

⁶ Там же, с. 51.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 123.

В действительности же нельзя не только умалять значения указанной особенности установления истины в уголовном судопроизводстве — познания фактических обстоятельств уголовного дела не иначе как в их социально-политической и юридической оценке, но и того, что дать правильно именно такую оценку — значит тоже отразить действительность. Н. Н. Полянский замечал: «То, что закон предусматривает определенный состав преступления, это — факт; то, что деяние содержит в себе определенные признаки, это — тоже факт; то, что эти признаки соответствуют тем, которые законом предусмотрены как образующие состав определенного преступления, — тоже факт. Установить все эти факты действительности — в этом и заключается квалификация преступного деяния»⁸.

Что касается возможности изменения законодателем правовых оценок определенных общественно опасных деяний, то ведь истина всегда конкретна и ее познание есть точное отражение фактов действительности в условиях конкретно определенного времени и пространства. Например, рассматриваемое ныне в качестве незначительного хищение нескольких буханок хлеба являлось в условиях военного времени тягчайшим преступлением. Это подтверждает мысль о конкретном характере истины, но не о необходимости исключения из ее содержания общественно-политической и юридической сущности устанавливаемых фактов. В. И. Ленин отмечал, что для того чтобы знать предмет, необходимо вникнуть в его сущность, охватить все связи и опосредствования. «Совокупность всех сторон явления, действительности и их (взаимо) отношения — вот из чего складывается истина»⁹.

Следовательно, цель доказывания может быть признана достигнутой только тогда, когда знание следователей и судей об обстоятельствах уголовного дела правильно отражает факты реальной действительности в их социально-политической и юридической сущности, ибо истина и «есть узнанная

---

⁸ Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956, с. 117. О том же см.: Пашкевич П. Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961, с. 12—13; Мухин И. И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971, с. 45—47; Алексеев Н. С. Доказывание и его предмет в советском уголовном процессе. — В кн.: Актуальные проблемы Советского государства и права в период строительства коммунизма. Л., 1967, с. 431—432, и др.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 178.

сущность»¹⁰. Представляется неправильным, однако, включение в ее объем назначаемых судом мер наказания. Определение наказания есть не познание фактов и обстоятельств прошлого и настоящего, а результат уже состоявшегося познания таких фактов и обстоятельств в их социально-политической и юридической сущности. Иначе говоря, назначение наказания — следствие уже установленной по уголовному делу истины. Поэтому наказание не может быть истинным или неистинным, а является законным или незаконным, обоснованным или необоснованным, справедливым или несправедливым¹¹.

Итак, под объективной (материальной) истиной в советском уголовном процессе следует понимать полное и точное соответствие выводов органов дознания, следствия и суда обстоятельствам конкретного уголовного дела в их социально-политической и юридической оценке.

Мы говорим об истине как о цели доказывания и компоненте общих целей уголовного судопроизводства. В литературе, однако, объективная истина нередко рассматривается в качестве цели и принципа уголовного процесса.

Следует прежде всего возразить против возможности придавать одному и тому же явлению одновременно значение принципа и цели в силу разнохарактерности данных категорий. «Основные положения и цели — две разные вещи... <...> Принципы — это не цель...», — подчеркивал В. И. Ленин¹². В самом деле: категория «цель» в уголовном судопроизводстве отвечает на вопрос — на что направлена деятельность органов следствия и суда; категория «принцип» — как, каким образом она осуществляется.

В качестве одного из основных аргументов в защиту суждения об истине как цели и принципе уголовного процесса обычно приводится Марксово положение о том, что «не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном ито-

¹⁰ Герцен А. И. Избр. филос. соч., т. 1. М., 1948, с. 165.

¹¹ Иное суждение по данному вопросу, обосновывающее включение в объем истины по уголовному делу не только квалификации деяния, но и назначаемой судом меры наказания, см.: Перлов И. Д. Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960, с. 234 и сл.; Пашкевич П. Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961, с. 20—21; Мухин И. И. Указ. соч., с. 50—51.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 24.

ге»¹³. Отсюда делается вывод, что объективная истина отвечает и на один, и на другой из названных вопросов. «Истина-цель относится к истине-принципу процесса так, как результат относится к пути, ведущему к нему, как итог относится к разьединенным звеньям, которые в нем соединяются, как истина — к развернутой истине», — пишет Я. О. Мотовиловкер¹⁴. И далее утверждает, что отрицание за объективной истиной двойного значения — и цели и принципа уголовного процесса — означает едва ли не отказ от ее признания в данной сфере общественной жизни.

В действительности это не так. Суждение К. Маркса об истинности результата исследования и истинности ведущего к нему пути исследования, указывая на общее, вместе с тем подчеркивает и особенное: в одном случае речь идет о результатах как цели исследования, в другом — о пути достижения данной цели. «Исследование как путь, ведущий к познавательному результату... есть процесс отражения, — справедливо замечает А. М. Ларин. — Только этот путь, путь отражения, взаимодействия сознания и объективной реальности приводит к истинному знанию — результату отражения»¹⁵. Это и создает методологическую предпосылку для признания одним из принципов уголовного процесса всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела (ст. 14 Основ, ст. 20 УПК), а целью доказывания — установление истины в качестве такого (всестороннего, полного и объективного) исследования. Следует при этом учитывать, что до подведения итога исследования и тем самым до момента достижения цели исследования, познание обстоятельств уголовного дела может быть разрозненным, несобранным, неполным. Познание же истины в качестве цели доказывания предполагает истину развернутую, соединенные разрозненных звеньев в единое целое.

Итак, истина в советском уголовном судопроизводстве составляет цель доказывания и компонент общих целей всего уголовного процесса. Принципом же является нормативное требование полноты, всесторонности и объективности исследования и судебного рассмотрения уголовных дел как необходимого пути установления истины.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 7—8.

¹⁴ Мотовиловкер Я. О. Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль, 1974, с. 11.

¹⁵ Ларин А. М. От следственной версии к истине. М., 1976, с. 190.

Вопрос об истине, однако, может утратить все свое значение при постановке под сомнение возможности ее познания.

В правовой литературе прошлых лет неоднократно встречались утверждения о том, что познание истины не всегда доступно органам уголовного судопроизводства, которым нередко приходится довольствоваться высокой степенью вероятности¹⁶. В основе этого лежала методологически порочная концепция А. Я. Вышинского о том, что условия судебной деятельности ставят судью перед необходимостью руководствоваться не истинными, не достоверными знаниями, а лишь высокой степенью вероятности¹⁷.

К подобного рода суждениям в прошлом можно было бы не возвращаться, если бы не отзвуки их в настоящее время. Практические трудности, лежащие на пути установления истины в уголовном судопроизводстве, некоторые авторы неправомерно рассматривают как непреодолимые препятствия к ее установлению¹⁸. Преступление в силу этого может быть не только нераскрытым, но и нераскрываемым¹⁹.

Спору нет, путь к установлению истины очень труден. Эти трудности в сфере уголовного судопроизводства осложнены нередко стремлением заинтересованных лиц (обвиняемых, потерпевших и др.) ввести в заблуждение органы дознания, следствия, прокуратуры, суда. Такие трудности, однако, имеют практический, а не гносеологический характер, следовательно, их можно и нужно преодолеть.

Материалистическая философия убедительно доказала отсутствие каких бы то ни было гносеологических препятствий для установления объективной истины. Согласно марксистско-ленинской теории познания и, в частности, ленинской теории отражения, наше сознание, будучи вторичным по отноше-

---

¹⁶ См., например: Чельцов М. А. Советский уголовный процесс, вып. 2. М., 1929, с. 100—101; Уголовный процесс. М., 1948, с. 252, 257, 276 и др.; Голунский С. А. О вероятности и достоверности в уголовном суде. — В кн.: Проблемы уголовной политики, кн. IV. М., 1937, с. 61; Тадевосян В. С. К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе. — «Советское государство и право», 1948, № 6, с. 66.

¹⁷ См. критику этой концепции А. Я. Вышинского в ст.: Рахунов Р. Д. Об извращениях А. Я. Вышинским советской теории доказательства. — «Учен. зап. ВИЮН». М., 1962, вып. 14, с. 123.

¹⁸ См., например: Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, с. 46.

¹⁹ См.: Мотовиловкер В. Д. Установление истины в советском уголовном процессе, с. 20.

нию к бытию, может познавать окружающую нас действительность. Наши ощущения, представления являются слепками, снимками с действительности, получающей свое выражение в наших понятиях и суждениях. Соответственно, вещей, непознаваемых человеческим сознанием, «вещей в себе» нет и быть не может. Имеются обстоятельства еще не познанные, но к познанию которых не может быть никаких гносеологических препятствий. «Быть материалистом, — писал В. И. Ленин, — значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств»²⁰. Никаких исключений для уголовного судопроизводства в этом не существует.

Однако способность познать истину еще не означает ее реального познания. Это значит, что в том или ином случае познающий может ошибиться, принять истину за ложь, а ложь за истину.

Поскольку истина есть субъективное отражение объективной действительности, ее познание всегда включает в себя диалектическое единство двух элементов — объективного и субъективного. Обстоятельства реальной действительности существуют вне и независимо от воли и сознания человека. Но познаны они могут быть не иначе как при помощи их субъективного восприятия человеком, восприятия, которое в том или ином случае, по тем или иным причинам может оказаться несовершенным. Первичным и определяющим всегда остается фактор объективный — бытие, познаваемая действительность.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы применительно к вопросу о познании истины в уголовном судопроизводстве:

а) с какими бы трудностями не пришлось столкнуться органам дознания, следствия, прокуратуры, суда в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела, установление объективной (материальной) истины остается для них в принципе всегда доступным;

б) это не исключает, однако, возможности следственных и судебных ошибок, но исключает их неизбежность и неустранимость;

в) достижение соответствующей цели возможно лишь при условии больших усилий правоприменительных органов, направленных на установление истины по каждому конкретному делу;

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 134.

г) поскольку на пути к установлению истины нет гносеологических препятствий, а имеются лишь трудности практического характера, постольку их преодоление зависит во многом от правильной организации уголовного судопроизводства, особенно — от внедрения в данную сферу общественной жизни достижений научно-технического прогресса и повышения профессионального мастерства следственных и судебных кадров.

Как мы видим, вопрос об истине в уголовном судопроизводстве не может рассматриваться как чисто теоретический. Он имеет большое практическое значение. В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность... своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос»²¹.

Познание истины в уголовном судопроизводстве обеспечивает меткость репрессии — наказание лиц, действительно виновных, оправдание, полную реабилитацию невиновных. Установление истины — необходимое условие законности и обоснованности следственных и судебных актов, их убедительности для широких масс трудящихся, действенного использования таких актов в качестве средства воспитания граждан в духе социалистической законности и советского правопорядка.

Итак, органы расследования и суда могут и должны познавать истину по каждому уголовному делу. Однако какова гносеологическая природа такой истины? Является ли она абсолютной или относительной?

В правовой литературе по данному вопросу имеются три точки зрения.

Некоторые авторы утверждают, что поскольку органы расследования и суда никогда не устанавливают полно и исчерпывающе все (в том числе мельчайшие) детали преступления (для чего им понадобилось бы выходить далеко за пределы предмета доказывания), постольку, будучи познана, истина в уголовном судопроизводстве является относительной²².

²¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1—2.

²² См., например: Кукаров А. Н. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе. — «Соц. законность», 1952, № 2, с. 10; Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959, с. 60.

Другие полагают, что в той мере, в какой предмет познания по уголовному делу четко ограничен рамками обстоятельств, так или иначе относящихся к составу конкретного преступления, истина, познаваемая в уголовном судопроизводстве, должна быть признана достаточно полной по объему, т. е. абсолютной²³.

Высказываются, наконец, суждения о том, что поскольку философские категории абсолютной и относительной истины неприменимы к практической деятельности правоприменительных органов, постольку истина в уголовном судопроизводстве не может быть признана ни абсолютной, ни относительной²⁴.

При решении данного вопроса следует исходить, как мы полагаем, из следующих основных положений.

1. Согласно марксистско-ленинской теории познания, абсолютная истина представляет собой полное и всестороннее знание объективной действительности, охватывающее все свойства и отношения познаваемых предметов и явлений. Относительная истина — истина неполная, не исчерпывающая всех свойств и отношений познаваемой действительности. В. И. Ленин писал, что «...человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин»²⁵.

Значит, каждая ступень человеческих знаний является относительной ступенью в абсолютном познании и, тем самым, содержит в себе частицы абсолютной истины, складывающейся из суммы относительных истин. «...Для диалектического материализма не существует непреходимой грани между относительной и абсолютной истиной», — подчеркивал В. И. Ленин²⁶. И далее: «признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и от человечества истину, значит так или иначе признавать абсолютную истину»²⁷.

2. Сфера уголовного судопроизводства, будучи конкретной сферой общественной жизни, не составляет никакого исключения в данном вопросе. Если абсолютная истина в принци-

²³ См., например: Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, с. 72—73; Перлов И. Д. Приговор в советском уголовном процессе, с. 223.

²⁴ См., например: Ривлин А. Л. Пересмотр приговоров в СССР. М., 1958, с. 14; Иванов О. В. Принцип объективной истины в советском гражданском процессе. М., 1964, с. 35.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 137.

²⁶ Там же, с. 138.

²⁷ Там же, с. 134—135.

не доступна человеческому познанию, то она доступна и компетентным органам государства, расследующим, рассматривающим и разрешающим уголовные дела. Конечно, по отношению к вечно развивающейся материи, вечно развивающемуся миру, по отношению ко всей сумме связей и закономерностей человеческого общества эта истина будет относительной. Однако по отношению к точно определенному предмету доказывания по конкретному уголовному делу, ограниченному совершенно определенным кругом фактов и обстоятельств, временем и пространством, истина в уголовном судопроизводстве является абсолютной. Следует при этом учитывать, что истина в уголовном судопроизводстве вовсе не должна отражать всех деталей преступления. Компетентные органы государства обязаны полно и исчерпывающе установить только то, что имеет существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела, т. е. то, что входит в объем предмета доказывания. А это образует совершенно конкретный круг фактов и обстоятельств, о котором речь пойдет дальше.

Подобного рода истины можно рассматривать (с элементами претенциозности) как истины, которые Ф. Энгельс называл «вечными», окончательными, твердо установленными, если «применять большие слова к весьма простым» в философском смысле вещам²⁸. Однако именно потому, что цель уголовного судопроизводства и состоит в познании совершенно определенных фактов и событий, она, будучи абсолютной, лишается, как справедливо замечает М. С. Строгович, «того характера банальности, плоскости, который... неизбежно приобретает, если к установлению таких истин свести весь процесс познания многообразной и развивающейся действительности»²⁹.

Сказать же, что истина в уголовном судопроизводстве — не абсолютная и не относительная — значит отказаться вообще от решения поставленного вопроса по существу, поскольку с точки зрения марксистско-ленинской философии, истина, будучи объективной, не может не быть абсолютной или относительной.

5. Из принципиально положительного решения вопроса о возможности установления абсолютной истины в уголовном процессе вытекает требование, предъявляемое практическим

²⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 88.

²⁹ Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, с. 73.

работникам органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, — познавать факты и обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения уголовного дела абсолютно полно, исчерпывающе. В этом смысле цель доказывания можно считать достигнутой только тогда, когда знание правоприменительных органов (соответствующих должностных лиц) о юридически значимых обстоятельствах уголовного дела является не только достоверным, но и достаточно полным. Если истина познана не полностью, она утрачивает своего объективного характера. Подлинная истина — истина объективная. Однако, будучи познана не полностью, частично, она не может лечь в основу выводов следствия и суда о всех юридически значимых обстоятельствах и, следовательно, не может быть положена в основу принципиальных по делу решений. Именно поэтому неполнота дознания, предварительного или судебного следствия рассматривается законодателем в качестве основания к отмене или изменению судебного приговора (см. ст. ст. 342, 343 УПК). Следует согласиться с П. А. Лупинской в том, что «соответствие между фактическими обстоятельствами дела и юридическими, нормативными условиями принятия такого решения в значительной мере зависит от того, насколько полно и четко определены в законе те фактические обстоятельства, которые должны быть установлены, и насколько объективно, полно и всесторонне эти обстоятельства исследованы»³⁰. К рассмотрению круга обстоятельств, составляющих предмет доказывания по уголовному делу, мы и перейдем в следующем параграфе.

§ 2. Предмет доказывания

Вопрос о предмете доказывания — это вопрос о том, что подлежит доказыванию в уголовном судопроизводстве, иначе говоря, вопрос о совокупности явлений внешнего мира, познание которых необходимо для достижения задач уголовного судопроизводства.

Правильное определение предмета доказывания представляется очень важным. Его непомерное расширение может повлечь неоправданную затяжку в расследовании и рассмотрении уголовного дела, загромождение дела фактами и обстоя-

³⁰ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве, их виды, содержание и формы. М., 1976, с. 74.

тельствами, не имеющими существенного значения для его законного и обоснованного разрешения, а также отвлечь внимание лиц, производящих дознание, предварительное расследование и судебное разбирательство, от фактов и обстоятельств, имеющих действительно существенное значение по делу. Недозволенное ограничение предмета доказывания неизбежно влечет неполноту и даже односторонность расследования и рассмотрения дела, его последующее возвращение на дополнительное расследование или на новое судебное рассмотрение. Небезынтересно заметить, что неполнота и односторонность предварительного расследования и судебного разбирательства — наиболее распространенное основание, влекущее отмену судебного приговора при проверке его законности и обоснованности в кассационном или надзорном порядке. Согласно ст. 343 УПК, односторонним или неполно проведенным признается дознание, предварительное или судебное следствие, которые оставили невыясненными такие обстоятельства, установление которых могло иметь существенное значение при постановлении приговора.

Следовательно, как расширение, так и ограничение предмета доказывания по уголовному делу противоречит основам социалистической законности в уголовном судопроизводстве. Значит, доказыванию должны подлежать только такие факты и обстоятельства, которые имеют действительно существенное значение для правильного — законного и обоснованного — разрешения уголовного дела.

Мы говорим о фактах и обстоятельствах. В литературе, однако, высказано суждение, обосновывающее неправомерность разграничения данных понятий, по крайней мере, в гносеологическом плане, поскольку оба они представляют образы определенных явлений действительности³¹. Вместе с тем это общее не исключает и существенных различий. «Факт» — истинное событие... явление, реальность, действительность употребляется в значении верно, несомненно...»³²; «обстоятельство» — явление, сопутствующее чему-либо, могущее влиять на что-либо, та или иная сторона дела, события»³³.

Учитывая особенное, ряд авторов справедливо отмечают необходимость рассматривать предмет доказывания как един-

³¹ См.: Банни В. А. Гносеологическая и правовая природа предмета доказывания в советском уголовном процессе, вып. 1. Уфа, 1975, с. 29.

³² Словарь русского языка. Изд. АН СССР, т. 4, с. 750.

³³ Там же, с. 778.

ство фактов и обстоятельств³⁴. Подтверждением тому является действующее законодательство. Ст. 15 Основ (ст. 68 УПК), например, названа так: «Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу». Анализ этих обстоятельств, по существу, позволяет прийти к выводу о том, что законодатель имеет здесь в виду и факты (например, имевшее место в прошлом событие преступления), и собственно обстоятельства (например, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого).

То же самое относится и ко многим другим положениям действующего законодательства. Ст. 20 УПК обязывает суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, для выяснения как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также отягчающих или смягчающих его вину обстоятельств. Согласно ст. ст. 204 и 276 УПК, следователь и суд не вправе отказать в удовлетворении заявленных участниками уголовного процесса ходатайств, если обстоятельства, об уяснении которых они ходатайствуют, могут иметь значение для правильного разрешения дела.

Значит, в этих, как и во многих других случаях, используя термин «обстоятельства», законодатель имеет в виду и факты, и обстоятельства в указанном этимологическом смысле.

Против такой позиции уголовно-процессуального законодательства может быть приведено следующее возражение: до тех пор, пока соответствующее обстоятельство не установлено, не доказано совокупностью собранных по делу доказательств, они не могут рассматриваться как факты, т. е. как явления реальной действительности.

На самом деле это не так. Реальной действительностью факт является независимо от того, познан он или не познан человеком. И в дальнейшем представления о факте могут меняться, но сам факт остается неизменным. Событие преступления, если оно действительно имело место, причиненный преступлением ущерб, если таковой действительно нанесен преступлением, и т. д. — факты реальной действительности. Они

---

³⁴ См., например: Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, с. 20; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968, т. 1, с. 295—298; Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976, с. 49 и сл.

являются таковыми и тогда, когда еще не познаны, но должны быть познаны правоприменительными органами; они остаются таковыми и после их установления.

Таким образом, в предмет доказывания на положении равнозначных входят и факты, и обстоятельства. Но каковы они? Только ли это факты и обстоятельства прошлого или еще и настоящего?

В литературе нередко приходится встречаться с утверждением о том, что поскольку компетентные органы государства имеют дело с событиями прошлого, уже совершенного преступления, постольку в предмет доказывания входят обстоятельства только прошлого. С. А. Шейфер, например, утверждает: «Предмет как факт настоящего служит здесь лишь формой отражения сведений о подлежащих доказыванию фактах прошлого»³⁵. В. А. Арсеньев полагает, что отнесение соответствующих обстоятельств к прошлому по отношению ко времени уголовного судопроизводства составляет одну из важнейших специфических особенностей обстоятельств, подлежащих установлению в уголовном процессе³⁶.

Согласиться с таким суждением нельзя. Конечно, правоприменительные органы имеют дело с обстоятельствами преступления, уже совершенного. Однако наряду с такими обстоятельствами в предмет доказывания входят еще и другие, возникновение и существование которых относится к последующему, в том числе и к настоящему времени. Наиболее отчетливо это видно, когда речь идет, например об освобождении от уголовной ответственности, о прекращении уголовного дела с привлечением лица к административной ответственности, с передачей материалов на рассмотрение товарищеского суда, комиссии по делам несовершеннолетних, с передачей виновного на поруки и т. д. Одной из решающих к тому предпосылок является установление данных, подтверждающих возможность исправления и перевоспитания виновных без применения к ним уголовного наказания. Соответственно это, главным образом, подлежащие доказыванию обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, его поведение после совершения преступления, отношение к труду, семье, товарищам, своим обязанностям и т. д., а также в

³⁵ Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972, с. 5.

³⁶ См.: Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, с. 19, а также см.: Каз Ц. М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов, 1968, с. 4.

значительной мере, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность обвиняемого (подсудимого).

На протяжении многих лет в правовой литературе господствовало суждение о том, что поскольку предмет доказывания зависит от характера конкретного уголовного дела, постольку нормативно определить его компоненты применительно ко всем уголовным делам представляется невозможным. В силу этого вопрос о предмете доказывания не подвергался научному исследованию, не рассматривался в учебной литературе, а ранее действовавшее законодательство определяло круг обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном судопроизводстве лишь применительно к отдельным стадиям и в связи с отдельными процессуальными актами, например, постановлением о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 129 УПК РСФСР 1923 г.), обвинительным заключением (ст. 207 УПК 1923 г.), судебным приговором (ст. 320 УПК 1923 г.) и др.³⁷

Впервые вопрос о предмете доказывания как правовом институте, едином для всего уголовного процесса и для всех его стадий, был нормативно урегулирован Основами уголовного судопроизводства 1958 г. и принятыми в соответствии с ними УПК союзных республик.

Согласно ст. 15 Основ (ст. 68 УПК) при производстве дознания, предварительного следствия и разбирательства уголовного дела в суде подлежат доказыванию: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления; 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, указанные в статьях 38 и 39 УК РСФСР, а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер ущерба, причиненного преступлением. Подлежат выяснению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Избрание законодателем именно такой системы обстоятельств, подлежащих доказыванию, обусловлено целенаправленностью их выявления и наиболее логической последова-

---

³⁷ Высказываемое некоторыми авторами суждение о том, что ранее действовавшее законодательство вовсе не регулировало круг обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном процессе, представляя решение данного вопроса органам расследования и суда, является неправильным (об этом см.: Алексеев Н. С. Указ. соч., с. 444).

тельностью разрешения³⁸. Естественно, что уяснению вопроса о виновности обвиняемого должно быть предпослано установление события преступления; необходимым условием индивидуализации наказания является учет всех обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности обвиняемого, и т. п.

Возведение законодателем доказывания по всем уголовным делам соответствующего круга фактов и обстоятельств в правовую обязанность компетентных органов государства сыграло большую роль, поскольку усилило процессуальные гарантии полноты, всесторонности и объективности их расследования и судебного рассмотрения и, тем самым, познания по каждому конкретному делу объективной истины.

Итак, по любому уголовному делу необходимо прежде всего установить наличие или отсутствие события преступления (п. 1 ст. 68 УПК), т. е. неправомерного деяния, имеющего уголовно-правовое значение. Значит, речь идет не о событии вообще, не о событии в общеупотребительном смысле слова, а о событии преступления, что не всегда одно и то же. По делу об обнаружении трупа с признаками насильственной смерти может быть установлено, что смерть — результат не убийства, а самоубийства; по делу о пожаре может быть установлено, что пожар — результат не поджога, а стихийного бедствия; по делу об аварии на автотранспорте может быть установлено, что причина тому — грубая неосторожность пешехода, и т. д. Во всех таких и им подобных случаях событие, по поводу которого возбуждено уголовное дело, имеется, при том, что события преступления нет. Правовые последствия здесь принципиально иные, нежели при установлении события преступления. Соответственно, устанавливая событие преступления, необходимо руководствоваться не только данной статьей УПК, но и той нормой УК, которая предусматривает ответственность за конкретное преступление.

Для уточнения индивидуальных свойств события преступления необходимо установить время, способ и другие обстоятельства его совершения, поскольку таковые могут иметь существенное значение для юридической квалификации деяния и индивидуализации уголовной ответственности виновного.

Верховный Суд СССР и Верховные Суды союзных республик неоднократно указывают, что суды в каждом конк-

³⁸ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 157—158.

ретном случае должны убедиться в том, что имевшее место деяние является общественно опасным, уголовно-наказуемым, содержащим все элементы состава преступления³⁹.

В соответствии с п. 2 ст. 68 УПК устанавливается далее виновность обвиняемого в совершении преступления. УПК РСФСР и Азербайджанской ССР добавляют «и мотивы преступления», а УПК УССР — «и причинение вреда».

Указанное положение закона содержит три основных элемента: 1) установление факта совершения преступления конкретным лицом, привлеченным к уголовной ответственности; 2) установление виновности данного лица, т. е. совершение им такого деяния умышленно или неосторожно; 3) раскрытие содержания той формы вины, которая имеет место в конкретном случае. Так, если доказано, что лицо действовало умышленно, необходимо доказать мотив, намерение, цель общественно опасного деяния. Если установлено, что лицо действовало неосторожно, требуется доказать в чем именно — в небрежности или самонадеянности выразилась неосторожность.

Следовательно, данный компонент предмета доказывания предполагает уяснение как определенных объективных обстоятельств (причинной связи между конкретным общественно опасным деянием и наступившим результатом), так и субъективной стороны деяния (вины в форме умысла или неосторожности и содержания конкретной формы вины).

В ряде постановлений Пленума и определений судебных коллегий Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик говорится о том, что органы уголовного судопроизводства обязаны собрать доказательства, подтверждающие, что уголовно-наказуемое деяние совершено определенным лицом, что данное лицо может быть субъектом преступления (достигло определенного возраста, является вменяемым), что действовало оно виновно, т. е. умышленно или неосторожно, что виновное деяние и наступивший результат находятся в причинной взаимосвязи⁴⁰.

В предмет доказывания далее входят обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняе-

---

³⁹ См.: Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР. Под ред. В. В. Куликова и Д. С. Карева. М., 1974, с. 5—12.

⁴⁰ См.: Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР. М., 1974, с. 12—17.

мого, указанные в ст. ст. 38 и 39 УК, а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (п. 3 ст. 68 УПК).

Следует учитывать, что перечень обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность, установлен ст. 38 УК ориентировочно. Перечень же отягчающих обстоятельств дан законодателем исчерпывающе (ст. 39 УК). Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, неразрывно взаимосвязаны, более того, во многом совпадают с обстоятельствами, отягчающими или смягчающими вину и ответственность. Однако законодатель расширяет круг первой группы обстоятельств еще и за счет «иных», которые невозможно полностью нормативно урегулировать, но которые в совокупности с предусмотренными в законе дают достаточно полное и всестороннее представление о личности обвиняемого.

Такие обстоятельства разнообразны и многогранны. Они могут относиться к поведению в быту, к служебной, общественной деятельности, могут носить негативный или позитивный характер и т. д. Их полное уяснение содействует дифференциации форм ответственности, наиболее правильному определению ее степени и характера. Учет таких обстоятельств может лечь в основу, например, освобождения лица от уголовной ответственности в связи с привлечением его к административной ответственности, с передачей дела на рассмотрение товарищеского суда, с передачей материалов на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних, с передачей лица на поруки общественной организации или коллективу трудящихся (ст. ст. 6¹—9 УПК); в основу прекращения дела в силу признания лица полностью утратившим общественную опасность (ст. 50 УК, ст. 6 УПК); избрания санкции ниже низшего предела (ст. 43 УК); применения условного наказания (ст. 44 УК), избрания именно той санкции, которая в наибольшей мере соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, личности виновного и обстоятельствам дела, смягчающим или отягчающим ответственность (ст. 37 УК).

Пленумы и судебные коллегии Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик систематически обращают внимание нижестоящих судов на необходимость полного и всестороннего уяснения отягчающих и смягчающих обстоятельств, как и всех данных, характеризующих личность

обвиняемого⁴¹. Причем неполное выяснение таких обстоятельств рассматривается в соответствующих случаях как основание для возвращения дела на дополнительное расследование или на новое судебное рассмотрение.

В соответствии с п. 4 ст. 68 УПК необходимо установить характер и размер ущерба, причиненного преступлением. По своему характеру ущерб может быть моральным, физическим или материальным. В последнем случае следует установить его точный размер, исчисляя таковой во всех реально имеющих место формах проявления (например, срыв по вине расхитителя социалистической собственности и плановых заданий; размер затрат, связанных с лечением потерпевшего, и др.). Необходимо при этом уяснить причинную связь между общественно опасным деянием обвиняемого и тем конкретным ущербом, о котором идет речь. Памятуя об обязательном возмещении ущерба, причиненного преступлением, нужно собрать доказательства, подтверждающие факт наличия у обвиняемого ценностей или имущества, которые могут быть обращены для возмещения последствий совершенного преступления. Следует установить, не были ли они приобретены преступным путем.

Верховный Суд СССР и РСФСР указывают на то, что выяснение характера и размера ущерба, причиненного преступлением, имеет значение не только для правильного применения уголовного закона, определения степени вины и меры наказания, но и для охраны интересов потерпевших, восстановления их прав и законных интересов, нарушенных преступлением⁴².

Наконец, согласно ст. 68 УПК, выяснению подлежат также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. К их числу можно отнести: обстоятельства, способствовавшие формированию антиобщественных взглядов и привычек, преобразованию их в преступный умысел или преступную неосторожность, обстоятельства, облегчившие совершение общественно опасного деяния, и др. Установление таких обстоятельств должно сочетаться с принятием решительных

---

⁴¹ См., например: Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О задачах судов по выполнению Указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР от 8 и 15 февраля 1977 г. «О внесении изменений и дополнений в действующее законодательство». — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1977, № 2, с. 7—9.

⁴² См.: Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР. М., 1974, с. 19—20.

мер по их устранению и предупреждению других преступлений⁴³.

Упущение или недостаточное уяснение одного из обстоятельств, предусмотренных ст. 15 Основ (ст. 68 УПК), неизбежно влечет неполноту или односторонность расследования (судебного рассмотрения). Поэтому при невозможности восполнить допущенные пробелы в последующих стадиях процесса дело по общему правилу должно быть возвращено на дополнительное расследование или на новое судебное рассмотрение. Уяснение этого представляется тем более важным, что из числа отменяемых в кассационном и надзорном порядке судебных приговоров, более 50% отменяются именно потому, что в предыдущих стадиях не устанавливается или неправильно устанавливается тот или иной компонент предмета доказывания.

Возникает вопрос: исчерпывается ли предмет доказывания названным кругом фактов и обстоятельств, предусмотренных ст. 15 Основ (ст. 68 УПК)?

На данный вопрос мы отвечаем отрицательно в силу следующих соображений.

1. Нормативное закрепление предмета доказывания ст. 15 Основ носит общий характер, поскольку:

а) не исключает, а, наоборот, предполагает нормативное закрепление определенных особенностей применительно к некоторым категориям уголовных дел (о преступлениях несовершеннолетних, об общественно опасных деяниях лиц душевнобольных и др.);

б) ст. 15 Основ конкретизируется и восполняется соответствующими статьями УПК союзных республик. Так, если п. 2 ст. 15 Основ говорит о том, что доказыванию подлежит виновность обвиняемого в совершении преступления, то п. 2 ст. 68 УПК добавляет: «...и мотивы преступления». Если п. 3 ст. 15 Основ предусматривает обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, то п. 3 ст. 68 УПК уточняет: «...указанные в ст. ст. 38 и 39 УК РСФСР, а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого». Компонентом предмета доказывания, согласно ст. 68 УПК, являются «обстоятельства, способствовавшие совершению преступления», о чем не сказано в ст. 15

⁴³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. «О дальнейшем совершенствовании судебной деятельности по предупреждению преступлений». — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1977, № 1, с. 11—17.

Основ. Многочисленные различия в нормативном закреплении компонентов предмета доказывания имеют место и в УПК различных союзных республик;

в) нормативно закрепленный круг фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию, конкретизируется в практике уголовного судопроизводства применительно к особенностям каждого конкретного уголовного дела.

Нельзя поэтому согласиться с утверждением о том, что действующее законодательство «детально определяет предмет доказывания»⁴⁴. Правильнее, по-видимому, полагать, что законодатель формулирует родовые свойства данного правового института, предоставляя правоприменительным органам возможность их конкретизировать с учетом обстоятельств каждого уголовного дела и определенных составов преступлений⁴⁵.

2. В качестве правовой нормы, закрепленной ст. 15 Основ (ст. 68 УПК), предмет доказывания имеет общий и общеобязательный характер. Общий в том смысле, что законодатель распространяет его на все уголовные дела и на все стадии уголовного процесса. Применительно к каждому делу и каждой стадии процесса компоненты предмета доказывания конкретизируются, могут восполняться, но ни при каких условиях не могут сужаться. Основанием обобщения соответствующих компонентов является то, что особенности уголовных дел, как и стадий уголовного процесса, не исключают наличия в них общих свойств, к числу которых относятся прежде всего те, которые сформулированы в ст. 15 Основ (ст. 68 УПК).

3. Универсальный характер основных компонентов предмета доказывания для всех уголовных дел и всех стадий процесса сочетается с его динамичным характером в практике уголовного судопроизводства. Это находит свое выражение в том, что реальный объем предмета доказывания на каждой стадии уголовного процесса неразрывно связан с ее задачами и особенностями. Так, в стадии возбуждения уголовного дела внимание правоприменительных органов государства концентрируется главным образом на п.1 ст. 15 Основ (событие преступления, его место, время и другие обстоятельства), что не исключает, конечно же, уяснения по возможности

⁴⁴ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 140.

⁴⁵ Об этом см., например: Колбая Г. Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. М., 1975, с. 67; Мухин И. И. Указ. соч., с. 72.

всех других компонентов предмета доказывания. В стадии расследования внимание следователя сосредоточивается на выяснении наряду с событием преступления еще и виновности обвиняемого в его совершении, отягчающих или смягчающих вину обвиняемого обстоятельств, данных, характеризующих его личность, и др. Достаточно сопоставить компоненты обвинительного заключения (ст. 205 УПК) и судебного приговора (ст. ст. 313—314 УПК), чтобы понять определенную динамику предмета доказывания в стадии судебного разбирательства по сравнению с предметом доказывания в стадии предварительного расследования⁴⁶.

Соответственно терминологии, употребляемой действующим законодательством, в правовой литературе принято разграничивать понятия обстоятельств, подлежащих доказыванию, и иных обстоятельств, имеющих значение для дела, предусмотренных, например, ст. ст. 20, 21, 69, 74, 75, 76, 131, 205, 276 УПК и др. Не включая «иные обстоятельства» в объем предмета доказывания, некоторые авторы относят их то ли к числу промежуточных, т. е. таких, которые, не будучи предусмотрены ст. 15 Основ (ст. 68 УПК), содействуют установлению предусмотренных данной нормой фактов и обстоятельств⁴⁷, то ли к числу таких, которые в отличие от обстоятельств, составляющих предмет доказывания, могут, но не обязательно должны быть доказаны⁴⁸.

Против включения в предмет доказывания так называемых «промежуточных» обстоятельств высказываются самые различные аргументы. Говорят о том, что вспомогательные (промежуточные) обстоятельства сами по себе не имеют юридического значения, что они составляют не цель, а средство доказывания обстоятельств, имеющих юридическое значение, что с промежуточными обстоятельствами правоприменительные органы встречаются не во всех делах, а только в тех, где имеются косвенные доказательства, при том, что предмет доказывания является единым по всем делам и т. д.⁴⁹.

⁴⁶ См.: Арсеньев В. Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству. Иркутск, 1969. (Труды Иркутского ун-та, т. 45, вып. 8, ч. IV); Колдин В. Я. Уровни уголовно-процессуального доказывания. — «Советское государство и право», 1975, № 11.

⁴⁷ См., например: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 141.

⁴⁸ См., например: Шаламов М. П. Теория улик. М., 1960, с. 16.

⁴⁹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 143;

Все эти суждения, однако, свидетельствуют о подлежащих учету различных видах и свойствах компонентов предмета доказывания, но не о том, что некоторые из них выходят за его пределы.

Поскольку под предметом доказывания по уголовному делу мы понимаем факты и обстоятельства, подлежащие доказыванию, постольку все они, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, подлежат доказыванию и, тем самым, входят в предмет доказывания.

Исходя из тождества понятий предмета познания и предмета доказывания, из того, что «доказывание есть процесс познания истины по ...уголовному делу»⁵⁰, мы не можем согласиться с разграничением этих понятий в зависимости от объема познаваемых фактов и обстоятельств. В этом случае предмет доказывания ограничивается кругом обстоятельств, указанных в ст. 68 УПК и в тех статьях УПК, которые предусматривают обстоятельства, имеющие особое значение по отдельным категориям уголовных дел (о преступлениях несовершеннолетних, об общественно опасных деяниях лиц душевнобольных и др.). Доказательственные же факты, как и иные обстоятельства, имеющие значение по делу, но выходящие за пределы предмета доказывания, включаются в так называемый предмет познания⁵¹.

С позиции указанной нами посылки, формулирование двух предметов — доказывания и познания — представляется несколько искусственным, а по существу неоправданным.

За включение в предмет доказывания всех обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела (в том числе и вспомогательных, промежуточных), свидетельствуют, помимо сказанного, еще и следующие аргументы:

1. Как было указано выше, доказывание в уголовном процессе всегда предполагает логический путь от известного, того, что установлено по уголовному делу, к неизвестному, т. е. к тому, что еще не познано, но должно быть познано. Соответственно, в процессе доказывания разграничение между

Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств, с. 23; Ульянова А. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959, с. 31, и др.

⁵⁰ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 235.

⁵¹ См.: Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973, с. 22—23.

так называемыми «конечными» и «промежуточными» обстоятельствами представляется крайне условным, поскольку любое из имеющих значение по делу обстоятельств, будучи доказано, становится как бы промежуточным в качестве средства установления других, еще не познанных, но также имеющих существенное значение по делу обстоятельств.

2. Не только «обстоятельства, подлежащие доказыванию», но и «иные обстоятельства», имеющие значение по делу, — юридически значимы. Не всегда имея прямое влияние на решения, принимаемые по основным вопросам уголовного дела, они тем не менее подлежат обязательному учету при построении версий, при определении подследственности и подсудности, при избрании методики и тактики следственных (судебных) действий и др. Эти обстоятельства предопределяют и соответствующие решения правоприменительных органов, например, о назначении судебно-психиатрической, судебно-медицинской, судебно-психологической экспертизы и др. Именно поэтому, не ограничиваясь нормативным закреплением обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 15 Основ, ст. 68 УПК), законодатель указывает еще и на такие, имеющие значение по уголовному делу обстоятельства, как данные о личности потерпевшего, о взаимоотношениях между свидетелем и обвиняемым, свидетелем и потерпевшим (ст. 74 УПК), потерпевшим и обвиняемым (ст. 75 УПК), об обстоятельствах, послуживших основанием для задержания подозреваемого или применения к нему меры пресечения (ст. 76 УПК), и др.

3. Если ограничивать предмет доказывания только фактами и обстоятельствами, предусмотренными ст. 15 Основ (ст. 68 УПК), то может быть создано превратное впечатление, что эти факты и обстоятельства должны быть установлены достоверно, а все остальные, якобы выходящие за пределы предмета доказывания, в столь достоверном установлении не нуждаются⁵². В действительности же все факты и обстоятельства, имеющие существенное значение по уголовному делу, подлежат точному и безусловному установлению.

Итак, предмет доказывания охватывает все факты и обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела. Это факты и обстоятельства 1) предусмотренные ст. 15 Основ (ст. 68 УПК), 2) получившие свою конкретизацию в других

---

⁵² См.: Мухин И. И. Указ. соч., с. 82.

статьях Основ (УПК), 3) хотя и имеющие существенное значение, но нормативно не закрепленные в качестве общих и общеобязательных правил поведения, зависящие от специфики конкретных уголовных дел и составов преступных проявлений.

Чтобы завершить рассмотрение вопроса о предмете доказывания, следует остановиться еще на одном вопросе.

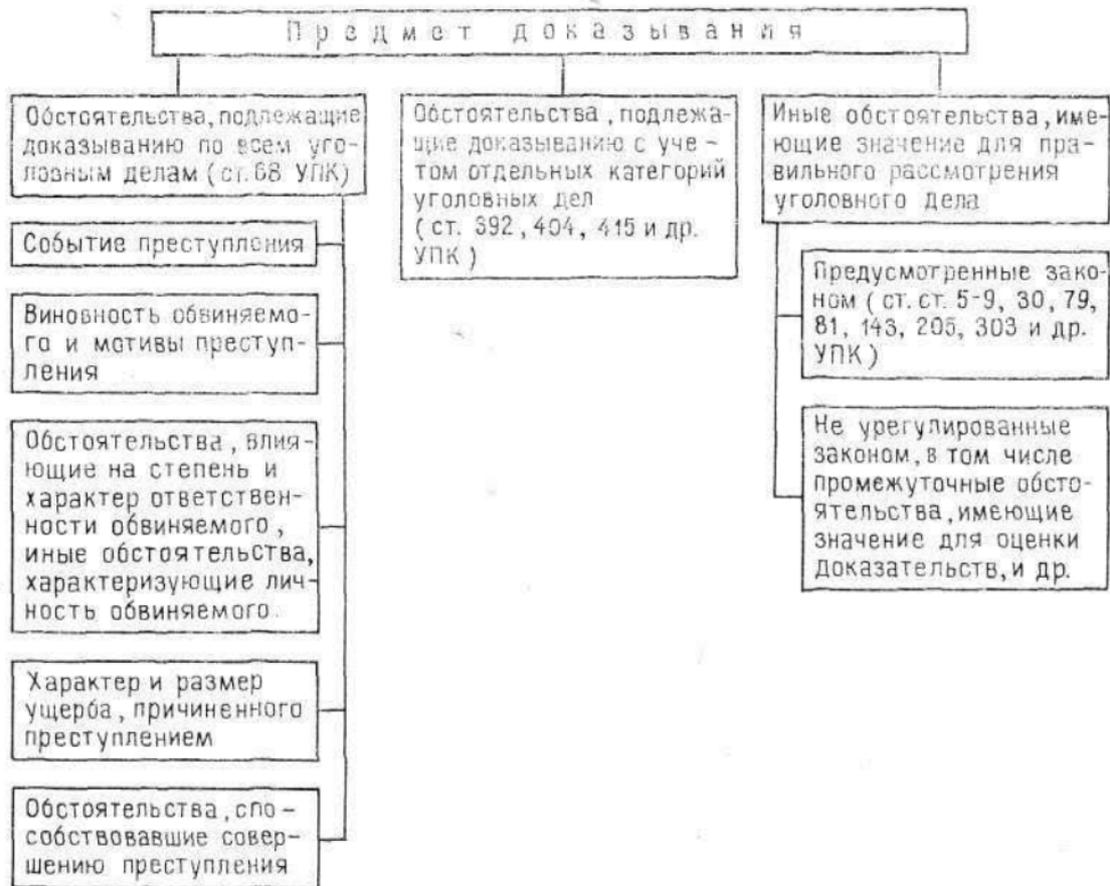
В литературе нередко предмет доказывания называют главным фактом, а фактические данные, выходящие за пределы предмета доказывания, но способствующие установлению его компонентов, — доказательственными фактами.

С позиции нашего понимания предмета доказывания, охватывающего все подлежащие доказыванию по уголовному делу обстоятельства и факты (как главные, так и доказательственные), указанная конструкция себя оправдать не может. Вместе с тем в системе компонентов предмета доказывания действительно содержится главный факт, предопределяющий служебную роль и назначение всех остальных, подлежащих доказыванию фактов и обстоятельств. Таковым, как мы полагаем, является состав преступления во всех его четырех элементах — объекта, субъекта, объективной и субъективной стороны. Имея определяющее для судьбы уголовного дела юридическое значение, главный факт предопределяет назначение доказательственных фактов — служить установлению главного.

Относясь к обстоятельствам побочным, не входящим в состав преступления, и к тому же отдельным, единичным элементам объективной действительности, доказательственные факты только в том случае могут служить средством установления главного факта, если они образуют объективно взаимосвязанную систему таких фактов. Речь идет, разумеется, не о том, что сумма вероятных знаний может породить достоверное знание, а о том, что главный факт (в указанном нами случае) может быть установлен лишь системой объективно взаимосвязанных доказательственных фактов, каждый из которых, реально существуя, указывает, однако, только на отдельный штрих объективной действительности, причинно связанной с составом преступления (главным фактом). Здесь находит свое убедительное подтверждение ленинское положение о том, что «факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь»⁵³.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

Схема предмета доказывания

§ 3. Пределы доказывания

Установление объективной истины, как и достижение других задач уголовного судопроизводства, предполагает правильное решение вопроса не только о предмете, но и о пределах доказывания. Если предмет доказывания, как было установлено выше, образует совокупность фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, то пределы доказывания — круг доказательств, необходимых для достоверного, т. е. истинного установления соответствующих фактов и обстоятельств. Тем самым, если предмет доказывания отвечает на вопрос — на что направлено уголовно-процессуальное доказывание, т. е. что составляет его ближайшую, непосредственную цель, то пределы доказывания отвечают на вопрос о том — при помощи чего, какими средствами обеспечивается оптимальная глубина и достоверность познания фактов и обстоятельств, составляющих предмет доказывания. Следовательно, взаимодействие между предметом и пределами доказывания есть взаимодействие между целью и средствами ее достижения. Определяющая роль в этом взаимодействии принадлежит цели — предмету доказывания, составляющему в значительной мере объективную предпосылку установления тех или иных пределов доказывания. Это не умаляет, однако, значения субъективных суждений лиц, производящих расследование и судебное разбирательство, относительно действительно необходимых и наиболее разумных пределов использования доказательств в интересах достоверного и полного уяснения всех компонентов предмета доказывания. Значение субъективного фактора в решении данного вопроса вытекает из нормативно закрепленного положения об оценке компетентными органами государства собранных доказательств по их внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств уголовного дела (ст. 71 УПК).

Следует заметить, что если родовые свойства предмета доказывания урегулированы законодателем более или менее определенно — по крайней мере, в виде обстоятельств, подлежащих доказыванию, то пределы доказывания — лишь в части исходных положений. Указанные выше компоненты предмета доказывания нормативно закреплены в качестве универсальных по всем уголовным делам (что не исключает, разумеется, их необходимой в каждом случае конкретизации

и даже восполнения). Пределы доказывания зависят от предмета доказывания, от особенностей каждого конкретного дела и избранной должностным лицом методики и тактики его расследования и рассмотрения, поэтому нормативное урегулирование пределов доказывания возможно, как мы заметили, лишь в части исходных положений. Представляется очевидным, что в делах о должностных преступлениях используются доказательства, которые могут не иметь значения по делам о преступлениях против личности; доказательства, используемые при расследовании и рассмотрении дел о воинских преступлениях, могут быть несущественными в делах о хозяйственных преступлениях и т. п.

Тем не менее исходные положения в решении данного вопроса находят и здесь свое нормативное закрепление. Так, требование всесторонности, полноты и объективности (ст. 14 Основ, ст. 20 УПК) относится в равной мере и к предмету, и к пределам доказывания. В одном случае речь идет о полноте, всесторонности и объективности исследования фактов и обстоятельств, образующих предмет доказывания; в другом — о полноте, всесторонности и объективности исследования необходимых по делу доказательств. Красной нитью через все уголовно-процессуальное законодательство проходит мысль о необходимости «достаточных данных» или «достаточных доказательств» для принятия органами дознания, следствия, прокуратуры, суда соответствующих решений. Так, уголовное дело может быть возбуждено только тогда, когда «имеются достаточные данные», указывающие на признаки преступления (ст. 108 УПК). Привлечение лица в качестве обвиняемого возможно не иначе, как при наличии «достоверных доказательств», дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления (ст. 143 УПК). Окончание предварительного расследования с направлением материалов дела в суд для предания обвиняемого суду допустимо лишь тогда, когда собранные доказательства достаточны для этого (ст. ст. 200, 201, 205, 213, 214 и др. УПК). Одним из важнейших вопросов, подлежащих рассмотрению в стадии предания суду, является вопрос о том, «собраны ли по делу доказательства, достаточные для его рассмотрения в судебном заседании» (ст. 222 УПК). Обвинительный приговор суда не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если проверенными в судебном заседании данными «виновность подсудимого в совершении преступления доказана» (ст. 309 УПК). Пленум Верховного Суда СССР

в постановлении «О судебном приговоре» от 30 июня 1969 г. указал, что хотя по большинству уголовных дел приговоры и выносятся в строгом соответствии с законом, тем не менее из-за поверхностного и неполного исследования доказательств и других нарушений закона все еще встречаются случаи незаконных необоснованных приговоров⁵⁴. Рассматривая односторонность или неполноту дознания, предварительного или судебного следствия в качестве основания к отмене или изменению приговора (ст. 342 УПК), законодатель указывает, что односторонность или неполнота имеют место во всяком случае тогда, когда не были допрошены лица, чьи показания играют существенную роль в деле, или не была проведена экспертиза, когда ее проведение по закону обязательно, не были истребованы документы или вещественные доказательства, имеющие существенное значение, и др. (ст. 343 УПК).

Соответственно, если нет достаточных данных (доказательств) для возбуждения уголовного дела, выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (ст. 113 УПК). Если в результате предварительного расследования не собрано достаточно доказательств, подтверждающих событие преступления, состав преступления или виновность в том обвиняемого, дело возвращается на дополнительное расследование (п. «г» ст. 211, ст. 232 УПК), а при невозможности восполнить объем доказательств — прекращается (ст. ст. 208, 234 УПК). Если в подготовительной части судебного разбирательства суд приходит к выводу о невозможности слушать дело по существу вследствие неявки в судебное заседание кого-либо из вызванных лиц или в связи с необходимостью истребования новых доказательств, суд откладывает разбирательство и принимает меры к вызову неявившихся лиц или истребованию новых доказательств (ст. 257 УПК). При недостаточности собранных доказательств суд направляет дело для производства дополнительного расследования (ст. 258 УПК). Если собранными и проверенными в судебном заседании доказательствами не подтверждается событие преступления, состав преступления или участие подсудимого в совершении преступления, суд постановляет оправдательный приговор (ст. 309 УПК), причем поступает так и в тех случаях, когда имеет место высокая степень вероятно-

---

⁵⁴ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1974, с. 580—582.

сти того, что преступление совершил обвиняемый (подсудимый). В основе этого — действие презумпции невиновности, о которой (в связи с доказыванием) речь пойдет особо. Здесь лишь заметим, что именно в силу презумпции невиновности, в силу того, что обвиняемый (подсудимый) признается невиновным, пока его виновность не будет установлена вескими и убедительными доказательствами, недоказанная виновность рассматривается в качестве доказанной невиновности.

Законодатель ориентирует органы дознания, следствия, прокуратуры, суда на необходимость использования по делу всех доказательств, которые могут иметь значение для его законного и обоснованного разрешения. Так, ни следователь, ни суд не вправе отказать участникам процесса в удовлетворении ходатайств о допросе свидетелей, производстве экспертизы и других следственных и судебных действий по собиранию и исследованию доказательств, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, могут иметь значение по делу (ст. ст. 131, 204, 276 УПК). Нарушение этого требования, повлекшее односторонность или неполноту дознания, предварительного или судебного следствия, вызывает необходимость отмены судебного приговора с направлением дела на дополнительное расследование или на новое судебное рассмотрение (ст. ст. 343, 348 УПК). Уяснение этого обстоятельства представляется тем более важным, что в числе причин неполного установления компонентов предмета доказывания наибольший удельный вес составляет непроведение судом таких процессуальных действий, как допрос свидетелей, показания которых могут иметь существенное значение, и экспертиза при наличии важных к тому оснований.

Тем большее удивление вызывает предложение П. Ф. Пашкевича о предоставлении суду права сокращать судебное следствие в случаях, когда он признает полученную доказательственную информацию достаточной для правильного разрешения уголовного дела⁵⁵.

Соответствующая норма была известна ранее действующему уголовно-процессуальному законодательству. Так, со-

---

⁵⁵ См.: Пашкевич П. Ф. Рациональное исследование и использование доказательств в уголовном судопроизводстве. — Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1976, с. 175 (Труды ВНИИСЗ, № 5).

гласно ст. 282 УПК РСФСР 1924 г., если подсудимый соглашался с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признавал правильным предъявленное ему обвинение и давал показания, суд мог не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений сторон.

Эта норма, неоднократно подвергаемая в период ее действия резкой критике, была отвергнута ныне действующим уголовно-процессуальным законодательством, что следует признать вполне оправданным по меньшей мере в силу трех оснований. Во-первых, ставя вопрос о сокращении судебного следствия в зависимость от признания или непризнания обвиняемым своей вины, законодатель явно переоценивал роль такого признания, придавал ему преувеличенное значение. В настоящих условиях это оказалось бы в прямом противоречии с нормативным дозволением придавать доказательственное значение признанию обвиняемым своей вины только при условии, если оно подтверждается совокупностью имеющихся по делу доказательств (ст. 77 УПК). Во-вторых, сокращение судебного следствия как по этому, так и по любому другому основанию, оказалось бы в противоречии с требованием закона основывать судебный приговор лишь на тех доказательствах, которые рассмотрены в судебном заседании (ст. 301 УПК) с соблюдением всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК). Неизбежно связанное с необходимостью восполнять пробелы судебного следствия материалами предварительного расследования, указанное предложение нанесло бы серьезный урон принципу непосредственности, которому П. Ф. Пашкевич неосновательно придает значение второстепенного, вспомогательного⁵⁶. Заметим, что разграничение принципов уголовного судопроизводства на главные и второстепенные должно быть признано принципиально неверным. «Принцип» — принцип — основа, основополагающее начало. Все принципы в их совокупности, как и каждый в отдельности, выражают самое главное, наиболее существенное в советском уголовном судопроизводстве. Нарушение любого из них должно рассматриваться в качестве особо серьезного нарушения закона, влекущего предусмотренные УПК (например, ст. ст. 332, 379) последствия. И, в-третьих, сокращение судебного следствия неизбежно повлекло бы снижение воспитательного эффекта

⁵⁶ См.: там же, с. 168.

судебного разбирательства, как и убедительности судебного приговора для присутствующих в зале судебного заседания граждан⁵⁷.

Как следует из сказанного, необоснованное сужение пределов доказывания может повлечь неполноту и односторонность расследования и судебного разбирательства, т. е. такое положение, при котором те или другие элементы предмета доказывания окажутся не установленными или установленными поверхностно, неполно. Допущенные пробелы в доказательственном материале, впоследствии невосполненные, могут предопределить и недостаточную достоверность выводов в части основных вопросов уголовного дела.

В той мере, в какой недопустимо сужение пределов доказывания, неоправдано и их избыточное расширение, влекущее включение в доказательственный материал данных, не имеющих значения по конкретному делу, не требующих доказывания в силу своей очевидности, устанавливающих то, что уже достоверно установлено другими доказательствами и т. д.⁵⁸. Чрезмерное расширение пределов доказывания, вопреки требованию экономичности уголовного процесса, усложняет доказывание и, что особенно досадно, влечет непроизводительные затраты государственных средств в связи, например, с отрывом граждан (свидетелей, специалистов, экспертов и др.) от их основной работы. Это неизбежно вызывает ничем не оправданную медлительность судопроизводства, значительное отдаление момента постановления приговора от события преступления, в конечном счете — нанесение урона целям (особенно воспитательным) советского уголовного процесса.

Именно поэтому в литературе различают необходимые и фактически имеющие место пределы доказывания. Важно, чтобы исследованию был подвергнут такой круг доказательств, который действительно необходим для достоверного уяснения всех компонентов предмета доказывания с учетом особенностей каждого конкретного уголовного дела. Следует согласиться с тем, что важнейшим условием оптимального приближения фактических пределов доказывания к не-

---

⁵⁷ На это обращал внимание И. Д. Перлов, критикуя ранее имевший место порядок сокращения судебного следствия (см.: Перлов И. Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1955, с. 62).

⁵⁸ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 190—193.

обходимым является тщательное и продуманное планирование расследования и судебного разбирательства⁵⁹.

Итак, правильное определение пределов доказывания имеет большое практическое значение. Во-первых, оно содействует упорядочению собирания и исследования доказательств в объеме, необходимом для формирования у представителей правоприменительных органов достоверных выводов относительно компонентов предмета доказывания. Во-вторых, оно способствует применению наиболее эффективных и в то же время экономичных средств собирания и использования доказательственной информации. В-третьих, правильное определение пределов доказывания — необходимое условие обеспечения достаточной глубины познания соответствующих обстоятельств, как и необходимой надежности и убедительности результатов такого познания. В постановлении «О повышении уровня осуществления правосудия в свете решений XXV съезда КПСС», Пленум Верховного Суда СССР еще раз обратил внимание судов на необходимость «всесторонне и полно исследовать доказательства, не допускать необъективного и одностороннего подхода к их оценке»⁶⁰.

Несмотря на большое значение данного вопроса, он недостаточно исследован в юридической литературе.

В предыдущие годы вопрос о пределах доказывания либо вообще не ставился, либо, если и ставился, то отождествлялся с вопросом о предмете доказывания.

Автор первой в советской правовой литературе монографии, посвященной пределам доказывания в уголовном процессе, Г. М. Миньковский писал, что, несмотря на определенную разницу в общем значении понятий предмета и пределов доказывания, он использует эти понятия как идентичные⁶¹. Не видит самостоятельного значения за институтом пределов доказывания и М. С. Строгович, указывая на то, что определение предмета доказывания означает определение пределов и направления исследования по делу⁶².

---

⁵⁹ См.: Колбая Г. Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. М., 1975, с. 72.

⁶⁰ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1976, № 3, с. 8.

⁶¹ См.: Миньковский Г. М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1956, с. 4. Эту точку зрения сам автор подвергает критике в кн.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 188.

⁶² См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 361.

венных и судебных действий, обеспечивающих полное, всестороннее и объективное установление всех компонентов предмета доказывания по каждому конкретному уголовному делу.

Поскольку предмет доказывания, как было отмечено выше, выходит далеко за пределы ст. 15 Основ (ст. 68 УПК), постольку и пределы доказывания охватывают весь комплекс доказательств и необходимых для их получения процессуальных действий, обеспечивающих полное, всестороннее и объективное установление подлежащих доказыванию фактов и обстоятельств по уголовным делам (ст. 15 Основ, ст. 68 УПК), требующих особого внимания по отдельным категориям дел (ст. ст. 392, 403, 415 и др. УПК), и иных фактов и обстоятельств (в том числе «промежуточных»), имеющих значение по каждому конкретному уголовному делу.

ПОНЯТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ; ИХ ОТНОСИМОСТЬ, ДОПУСТИМОСТЬ, КЛАССИФИКАЦИЯ

§ 1. Понятие доказательств

Факты и обстоятельства, составляющие предмет доказывания, могут быть установлены не иначе как при помощи доказательств. Согласно ст. 16 Основ (ст. 69 УПК), «доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Эти данные устанавливаются: показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами».

Указанная правовая норма, формулирующая понятие доказательства по уголовному делу, толкуется в литературе по-разному. Суждения различных авторов по этому вопросу можно разграничить на две основные группы.

К первой группе следует отнести понимание доказательств только как фактических данных. Сопоставляя закрепленное в УПК 1923 г. понятие доказательств как показаний свидетелей, заключений экспертов, документов и других источников фактических данных (ст. 58 УПК РСФСР 1923 г.), с ныне формулируемым ст. 16 Основ (ст. 69 УПК) понятием доказательств, С. А. Голунский утверждал, что отныне данное понятие надо толковать однозначно. «Уголовно-судебные доказательства — это фактические данные; источники же таких данных доказательствами не являются»¹.

Ф. Н. Фаткуллин полагает, что в той мере, в какой нель-

¹ Голунский С. А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. — «Вопросы судопроизводства и судостройства в новом законодательстве СССР». М., 1959, с. 145 и сл.

зя смешивать находящиеся в органическом единстве судебный процесс и законы, отрицать самостоятельность материального права и процесса, нет оснований и для смешения фактических данных с их источниками. «При всей взаимообусловленности они являются различными видами средств процессуального доказывания, каждый из которых имеет своеобразное назначение и специфическую доказательственную природу»². Соответственно под доказательствами в собственном смысле, по мнению Ф. Н. Фаткуллина, необходимо понимать только фактические данные; источники же их получения оказываются за пределами данного понятия.

Ряд других ученых понимает под доказательствами и фактические данные, устанавливающие или опровергающие соответствующие обстоятельства, и источники, из которых такие данные черпаются. Суждения, высказываемые в обоснование данной точки зрения, могут быть, в свою очередь, также разграничены на две группы.

Одни из них связаны с трактовкой понятия доказательства в двух указанных значениях. М. С. Строгович, например, пишет: «Доказательства — это, во-первых, те факты, на основе которых устанавливается преступление или его отсутствие, виновность или невиновность того или иного лица в его совершении или иные обстоятельства дела, от которых зависит степень ответственности этого лица.

Доказательствами являются, во-вторых, те предусмотренные законом источники, из которых следствие и суд получают сведения об имеющих значение для дела фактах и посредством которых они эти факты устанавливают»³.

А. И. Трусов, вскоре после принятия ныне действующего уголовно-процессуального законодательства, заметил: «Новый закон... не устранил (и не мог, естественно, этого сде-

---

² Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976, с. 99. О понимании доказательств только как фактических данных см. также: Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962, с. 133; Лупинская П. А. О проблемах теории судебных доказательств. — «Советское государство и право», 1960, № 10, с. 121 и сл.; Каз Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960, с. 24; Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств. М., 1966, с. 10, и др.

³ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса т. 1. М. 1968, с. 288—289. О том же см.: Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, с. 78 и сл.; Мухин И. И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971, с. 55 и сл.

лать в силу объективных причин, не зависящих от воли законодателя) двойственного понимания доказательств как фактов и как источников получения фактов»⁴.

Такому двойственному понятию доказательств некоторые авторы противопоставляют единое понятие этого института. Доказательства рассматриваются как неразрывное единство содержания (фактических данных) и процессуальной формы (источников, в которых такие данные содержатся и из которых органы дознания, следствия, прокуратуры и суда их получают)⁵.

Между двумя указанными концепциями — двойственного и единого понятия доказательств, как справедливо замечает Ф. Н. Фаткуллин, нет сколько-нибудь существенных различий⁶, поскольку в одном и в другом случае доказательство рассматривается как сосредоточение двух указанных компонентов.

Учитывая, что правильное понимание доказательства как важнейшей категории доказательственного права имеет принципиальное значение для решения многих уголовно-процессуальных вопросов, постараемся критически рассмотреть указанные суждения и определить свое отношение к этому вопросу.

Сведение доказательств по уголовному делу только к фактическим данным не может быть признано правильным по следующим основаниям.

1. Как видно из содержания ст. 16 Основ (ст. 69 УПК), доказательственное значение могут иметь лишь такие фактические данные, которые получены из точно и исчерпывающе названных в законе источников (показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, заключений экспертов, вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий и иных документов). Значит, вне таких источников нет и быть не может фактических данных, имеющих доказательственное значение.

⁴ Грусев А. И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960, с. 48.

⁵ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 211; Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959, с. 14; Ривлин А. Л., Альперт С. А., Бажанов М. И. О доказательствах в советском уголовном судопроизводстве. — «Соц. законность», 1965, № 9, с. 40; Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972, с. 4, и др.

⁶ См.: Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 95.

2. О невозможности (в силу объективных свойств доказательств по уголовному делу) отделить источники от фактических данных свидетельствует то обстоятельство, что в числе источников доказательств законодатель называет вещественные доказательства. Получается, что источником вещественных доказательств являются сами вещественные доказательства. Если взять не терминологический аспект, а существо вопроса, то указанное положение закона окажется нелогичным при отказе от включения в понятие доказательств наряду с фактическими данными еще и их источников.

3. Уяснить мысль законодателя по данному вопросу можно не иначе как путем сопоставления ст. 16 Основ (ст. 69 УПК) с рядом других статей действующего законодательства. Не следует при этом забывать, что (как было отмечено выше) норма права и статья закона не образуют тождества, что правовая норма нередко находит свое закрепление не в одной, а в нескольких статьях закона, более того — в нескольких нормативных актах. Соответственно уяснить сущность доказательства по уголовному делу можно только путем сопоставления содержания ст. 16 Основ (ст. 69 УПК) со статьями, регламентирующими процессуальный порядок собирания, проверки и оценки доказательств (например, ст. ст. 17 Основ, 70, 71 УПК), правовой статус субъектов доказывания (например, ст. ст. 21, 23, 24, 25, 26 Основ, 46, 51, 52, 53, 54, 55 УПК).

Не вызывает сомнений, что под представлением доказательств соответствующими субъектами уголовного судопроизводства (обвиняемыми, защитниками, потерпевшими, гражданскими истцами и гражданскими ответчиками), под проверкой и оценкой доказательств законодатель опять же понимает и фактические данные, и источники, в которых они содержатся и из которых правоприменительные органы такие данные получают.

Сказанное позволяет согласиться с позицией тех авторов, которые рассматривают доказательства по уголовному делу как сосредоточение двух указанных компонентов. При этом, как было подчеркнуто, принципиальное положение не меняется от того, рассматриваются ли они в состоянии единства или дифференциации. Более того, следует считать необходимым рассмотрение фактических данных и их источников в состоянии и единства, и дифференциации. Именно единство создает объективные предпосылки для уяснения их в качестве компонентов единого понятия доказательства; в осно-

ве же дифференциации лежат специфические свойства фактических данных и их источников, которые отнюдь не нивелируются их органическим единством.

Такой подход к решению данного вопроса, правильно отражая объективные свойства доказательств, имеет большое практическое значение, ибо ориентирует органы дознания, следствия, прокуратуры и суда на необходимость в каждом конкретном случае тщательно проверять достоверность как источников, из которых соответствующие сведения черпаются, так и фактических данных, в них содержащихся. Так, например, в начале допроса свидетеля целесообразно уяснить его отношение к обвиняемому и потерпевшему, а также выяснить другие необходимые сведения о личности допрашиваемого (ст. 158 УПК). Это представляется, по-видимому, нужным для того, чтобы иметь возможность установить степень добросовестности свидетеля, наличие или отсутствие данных о его личной заинтересованности в исходе дела и др. Однако доброкачественность источника фактических данных отнюдь не предрешает правильность их воспроизведения. Свидетель может давать не только заведомо недостоверные показания; он может еще и добросовестно заблуждаться. Причин тому бывает много — и объективных (например, свидетель воспринимал интересующие следствие и суд данные в состоянии страха или испуга, в условиях стихийного бедствия и т. п.), и субъективных (например, страдающий плохим слухом свидетель сообщает о том, что он слышал; страдающий пониженным зрением — о том, что он видел и т. д.). Значит, недостаточно убедиться в том, что источник доброкачествен, надо установить еще и достоверность сообщаемых или содержащихся в источниках фактических данных. Именно к этому и обязывает правоприменительные органы указанное понимание доказательств.

Итак, доказательства в уголовном процессе — это, прежде всего, любые фактические данные, на основе которых следователь и суд устанавливают то, что составляет предмет доказывания.

Что же следует понимать под «фактическими данными»?

В правовой литературе нередко приходится встречаться с утверждением о том, что фактические данные — это только реальные факты объективной действительности. Однако сведение таких данных только к фактам противоречит элементарным законам логики и действующему законодательству. Подтверждением тому служат следующие соображения:

а) Хотя факт как таковой — это и есть реальная, неоспоримая действительность, тем не менее специфика уголовного судопроизводства состоит в том, что любой факт может быть положен в основу выводов органов следствия и суда только после его тщательной и всесторонней проверки и оценки в совокупности со всеми другими, собранными по уголовному делу доказательствами. В таком качестве он выступает лишь в результате процессуального доказывания, т. е. для органов расследования — в момент окончания расследования, для суда — в момент постановления приговора. Важное значение, однако, имеет работа с доказательствами в ходе доказывания — в процессе установления соответствующих фактов, когда правоприменительные органы располагают главным образом сведениями о фактах. В показаниях обвиняемых, свидетелей, потерпевших, в заключении экспертов и других содержатся не сами факты реальной действительности, а конкретные сведения о них, при помощи которых правоприменительные органы и познают, устанавливают факты.

б) Если бы доказательствами были одни только факты, их нельзя было бы опровергать, признавать недоброкачественными, при том, что (согласно ст. 205 и 314 УПК) правоприменительные органы не только вправе отвергать недоброкачественные доказательства, но и обязаны указывать мотивы признания их таковыми. И в этих случаях речь идет, по видимому, не о фактах, а сведениях по поводу соответствующих фактов⁷. Факт реальной действительности, как было отмечено выше, нельзя опровергнуть. Он может быть познан или не познан, от чего не утрачивает своих свойств факта реальной действительности. Значит, опровергнуть, признать недоброкачественными можно не факты, а лишь сведения о них.

Сказанное не дает, однако, оснований и для вывода о том, что «фактические данные» — это только сведения о фактах⁸ или же о том, что именно они — сведения о фактах играют «решающую роль в процессе доказывания»⁹.

Подтверждением тому может служить следующее.

1. Понятие «факт», как уже было подчеркнуто, — емкое и многогранное. О фактах в уголовном судопроизводстве речь

⁷ Более обстоятельно об этом см.: Лукашевич В. З. О понятии доказательства в советском уголовном процессе. — «Правоведение», 1963, № 1, с. 112.

⁸ Об этом см., например: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 224.

⁹ Лукашевич В. З. Указ соч., с. 118.

может идти как об искомых и тех, которые, будучи установлены, перестают быть искомыми, как о главных и доказательственных, как о тех, которые составляют компонент предмета доказывания, так и о тех, при помощи которых предмет доказывания познается, т. е. о так называемых «промежуточных».

Поскольку логика доказывания необходимо предполагает установление и обоснование доказываемых суждений при помощи других, уже доказанных¹⁰, постольку не только сведения о фактах, но и установленные факты служат средством познания искомых, еще не установленных.

В том, что познанные факты выступают именно как факты-доказательства можно убедиться путем анализа взаимодействия прямых и косвенных доказательств. Если прямые доказательства прямо указывают на искомый факт, то косвенные — через посредство доказательственных фактов, образующих в многогранной системе фактов именно факты-доказательства.

2. К выводу о том, что фактические данные — это не только сведения о фактах, но и сами факты, мы приходим и при анализе форм познания истины в уголовном судопроизводстве.

Искомые факты познаются и опосредствованно, и непосредственно. Не сохранившиеся факты и обстоятельства прошлого (совершенного преступления) могут быть, естественно, установлены в уголовном судопроизводстве только опосредствованно, и притом, главным образом, через сведения об утраченных фактах и обстоятельствах. Однако факты и обстоятельства настоящего, причинно связанные с прошлым (например, сохранившиеся вещественные доказательства, данные, характеризующие личность субъекта преступления в последующее время, и др.), познаются и опосредствованно, и непосредственно. При этом, непосредственное познание фактов-доказательств не следует, конечно же, отождествлять с непосредственным познанием компонентов главного факта, что исключило бы для познающего возможность быть следователем (судьей) и поставило бы его в положение свидетеля.

В содержании понятия «фактические данные» — факты и сведения о фактах не всегда занимают один уровень. Объясняется это тем, что сведения о фактах могут служить средством установления как главных фактов, так и доказательственных, тогда как доказательственные факты служат по

¹⁰ См.: Эйсман А. А. Логика доказывания. М., 1971, с. 12, 21, и др.

общему правилу (не без исключений) средством установления главного факта, в силу чего они, в отличие от главного, и называются доказательственными. Несмотря, однако, на возможность несовпадения уровней, сведения о фактах, как и познанные факты (факты-доказательства), образуют необходимые компоненты единого понятия «фактических данных».

Значит, «фактические данные» это и сведения о фактах, и сами факты (установленные, служащие средством познания других, еще не установленных, но подлежащих познанию обстоятельств и фактов).

Фактические данные, как было отмечено выше, могут быть использованы в качестве доказательств лишь при условии, если они получены из точно установленных в законе источников. Нормативно закрепленный их перечень следует считать исчерпывающим. Это значит, что сведения о факте, как и сами факты, могут иметь доказательственное значение только в том случае, если они содержатся именно в этих источниках. Представляется очевидным, что законодатель не может заранее предусмотреть фактические данные, которые могут иметь существенное значение по всем уголовным делам, поскольку это зависит от специфики каждого дела. Так, фактические данные, имеющие существенное значение по делу о хищении социалистической собственности (жизнь не по средствам, приобретение дорогостоящих вещей и проч.) могут не иметь значения по делу, например о хулиганстве, и т. д. Именно поэтому законодатель говорит о любых фактических данных, на основе которых правоприменительные органы устанавливают наличие или отсутствие имеющих существенное значение по уголовному делу фактов и обстоятельств. Что касается источников соответствующих данных, то законодатель может и должен их ограничить. Получение фактических данных только из точно и исчерпывающе предусмотренных законом источников — необходимое условие допустимости доказательств, о чем будет сказано несколько дальше. Не следует думать, что, имея исчерпывающий характер, круг источников фактических данных остается и впредь неизменным. По мере развития и совершенствования уголовного судопроизводства может возникнуть вопрос о его восполнении новыми источниками. Однако обязательным условием практического использования будет их нормативное признание, закрепление в законе.

Таким образом, роль данного компонента доказательства

состоит в том, что он является носителем фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

Было бы неверно полагать, что каждому факту или конкретным сведениям о факте соответствует один источник. Вполне допустимо такое положение, когда сведения о конкретном факте (например, о хулиганском проявлении) содержатся не в одном, а в нескольких источниках (например, в показаниях потерпевшего, свидетелей, обвиняемого) и, наоборот, когда в одном источнике (например, только в показаниях определенного свидетеля) содержится несколько фактических данных, характеризующих, например, факты неоднократной скупки, продажи, наживы.

Так или иначе, но доказательство по уголовному делу всегда имеет фактическое содержание и процессуальную форму сохранения и воспроизведения необходимой информации. Фактическим содержанием являются сведения о фактах, как и доказательственные факты, а процессуальной формой сохранения и воспроизведения информации являются те предусмотренные законом источники, из которых правоприменительные органы такую информацию получают.

В правовой литературе доказательства по уголовному делу обычно называют уголовно-судебными. Это не совсем точно. В той мере, в какой процесс доказывания охватывает все стадии уголовного процесса, ограничивать терминологически значение доказательств только стадией судебного разбирательства нельзя. Правильнее говорить поэтому об уголовно-процессуальных доказательствах или доказательствах по уголовному делу.

Для того чтобы фактические данные могли быть использованы в качестве доказательств, они должны отвечать требованию относимости; источники же таких данных могут иметь доказательственное значение лишь при условии, если они отвечают требованию допустимости. Перейдем к рассмотрению этих требований.

§ 2. Относимость доказательств

Под относимостью доказательств следует понимать возможность их использования для установления подлежащих доказыванию по уголовному делу фактов и обстоятельств в силу существующей между ними взаимосвязи.

Требование относимости доказательств складывается из

двух критериев: 1) значения для дела обстоятельств, устанавливаемых конкретными доказательствами, и 2) значения этих доказательств для установления именно таких обстоятельств. В данном контексте это требование нормативно закреплено в ст. 16 Основ (ст. 69 УПК), в соответствии с которой доказательствами могут быть только такие фактические данные, при помощи которых правоприменительные органы «устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела».

Это общее положение правовой нормы, формулирующей одно из важнейших свойств процессуальных доказательств, получает свою конкретизацию в нормативном урегулировании их отдельных видов, как и в закреплении процессуальных прав и обязанностей субъектов уголовного судопроизводства, участвующих в доказывании. Так, например, свидетель обязан «сообщить все известное ему по делу...» (ст. 73 УПК); соответственно он может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию по данному делу...» (ст. 75 УПК).

Итак, главное значение для признания доказательства относящимся к делу имеет решение вопроса о том, входят ли обстоятельства и факты, для установления которых оно используется, в круг тех, которые имеют существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела и, тем самым, подлежащих доказыванию. Если входят, значит отвечают требованию относимости, а если не входят, то такому требованию не отвечают и поэтому доказыванию не подлежат. При этом для признания доказательства относящимся к делу не имеет значения, входят ли обстоятельства и факты, им устанавливаемые, в круг тех компонентов предмета доказывания, которые непосредственно предусмотрены ст. 15 Основ (ст. 68 УПК), сформулированы ли они в других статьях Основ (УПК) или относятся к числу так называемых «промежуточных» фактов и обстоятельств, при помощи которых могут быть установлены основные компоненты предмета доказывания, предусмотренные ст. 16 Основ (ст. 69 УПК), поскольку все они в конечном счете составляют предмет доказывания.

Не имеет в этом смысле значения и то, указывает ли доказательство на обстоятельства и факты позитивного или негативного характера, устанавливает или, наоборот, опровер-

гает оно событие преступления, виновность конкретного лица в совершении преступления и другие, подлежащие доказыванию обстоятельства и факты. В силу закона (ст. 14 Основ, ст. 20 УПК) правоприменительные органы обязаны применять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявления как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также отягчающих или смягчающих его вину обстоятельств.

Возникает вопрос: не определяем ли мы относимость доказательств через свойства, лежащие за их пределами, находящиеся, в частности, не в доказательствах, а в предмете доказывания, в том, что подлежит доказыванию?

Нет, речь идет о содержании самого доказательства, ибо его относимость к делу не случайна; она определяется объективной связью доказательства с соответствующими фактами и обстоятельствами. Показания свидетеля (как и потерпевшего, подозреваемого и др.) могут быть признаны относящимися к делу именно потому, что посетитель этих показаний (именно он, а не кто-либо другой) располагает важной доказательственной информацией, полученной им в силу определенной жизненной ситуации. Тем же — объективной связью с обстоятельствами дела — определяется относимость к нему и всех других доказательств.

Понимая под таковыми «любые фактические данные», на основе которых компетентные органы государства устанавливают интересующие их по делу обстоятельства и факты, законодатель имеет в виду не относимость доказательств к делу или их неотносимость, а презюмируя только относимость, не придает в этом плане значения тому, являются ли они позитивными или негативными, содержатся ли в одном или другом предусмотренном законом источнике, в одном или нескольких источниках, доказывают ли они один или несколько компонентов доказывания и др. Указание законодателя на «любые» фактические данные объективно обусловлено тем, что в правовой норме, имеющей общий и общеобязательный характер, просто невозможно, как мы заметили, предусмотреть круг фактических данных, который может иметь существенное значение по всем уголовным делам. Значение фактических данных определяется, следовательно, конкретными обстоятельствами каждого уголовного дела. Тем самым их использование в указанном смысле не ограничено никакими нормативными рамками при условии относимости к уголовному делу.

В литературе приходится встречаться с утверждением о том, что некоторые обстоятельства и факты не подлежат в уголовном судопроизводстве доказыванию. К их числу относятся обстоятельства и факты очевидные, противоречащие общепризнанным и установленным наукой, а также политическим и нравственным устоям общества.

Конечно, доказывать правомерность безнравственных фактов и обстоятельств в уголовном процессе нельзя. Что же касается очевидных и бесспорных, то здесь требуется существенная оговорка. Едва ли нужно доказывать, что 1 Мая и 7 ноября — праздничные дни, что воскресенье — нерабочий день и т. п. В то же время предметом доказывания при значимости соответствующего факта должна быть его причинная связь с обстоятельствами уголовного дела. Будучи общевыходным днем, воскресенье для определенного лица могло оказаться днем рабочим, несмотря на праздничный день, человек по тем или иным причинам мог оказаться на территории предприятия и т. д. Значит, доказыванию в соответствующих случаях подлежит не сам общественный, бесспорный факт, а его связь с конкретными обстоятельствами уголовного дела, значение его для уяснения этих обстоятельств.

В существенной оговорке нуждается и вопрос о возможности уяснения обстоятельств и фактов, противоречащих общепризнанным и установленным наукой. В условиях научно-технического прогресса общепризнанные положения сегодня могут оказаться не общепризнанными завтра; то, что было апробировано наукой вчера, может быть опровергнуто научными открытиями сегодня. Поэтому понятие общепризнанных и апробированных наукой обстоятельств и фактов не статично; оно динамично. Соответственно рассматривать такие обстоятельства и факты нужно не в статике, а в динамике, в органической взаимосвязи с самыми новейшими достижениями в области науки и техники.

Практическое значение требования относимости доказательств состоит в том, чтобы, с одной стороны, обеспечить достаточно полное и всестороннее установление обстоятельств и фактов, имеющих существенное значение по делу, а с другой — не загромождать материалы дела данными, не имеющими отношения к предмету доказывания и тем самым излишне не осложнять расследование и рассмотрение уголовного дела.

§ 3. Допустимость доказательств

Под допустимостью доказательств следует понимать их соответствие требованиям закона относительно источника, способа получения и закрепления фактических данных¹¹. Тем самым, если требование относимости доказательств характеризует причинную связь фактических данных с предметом доказывания, то требование допустимости — закономерность источников, способов получения и закрепления фактических данных.

Рассмотрим кратко указанные свойства требования допустимости.

1. Как уже было сказано, фактические данные могут быть получены только из точно и исчерпывающе предусмотренных законом источников. Следует решительно отвергнуть суждения, как противоречащие этому бесспорному положению, так и умаляющие его значение.

Нельзя, например, согласиться с утверждением о доказательственном значении данных одорологии (науки о запахах), облеченных в справку сотрудника соответствующего учреждения (органа милиции и др.), удостоверяющую факт выборки собакой по запаху человека или предмета¹², или же в форму так называемой «одорологической» экспертизы, поскольку в действительности содержанием любой из таких форм является придание доказательственного значения самому акту выборки собакой по запаху человека или предмета. Успешное использование служебно-розыскных собак (располагающих значительно более тонким обонянием, чем человек) в сфере оперативной деятельности, в процессе которой собирается материал для построения версий, не дает, однако, оснований для признания за результатами выборки доказательственного значения в сфере деятельности уголовно-процессуальной, где дело решается по существу. Значение, конечно, имеет не только то, что такой источник фактических данных не предусмотрен ст. 16 Основ (ст. 69

¹¹ Г. М. Резник включает в понятие допустимости доказательств еще и законность условий их использования (см.: Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., 1977, с. 27). Однако весьма важное требование законности условий использования доказательств выходит за пределы их допустимости, поскольку следует за признанием доказательств допустимыми.

¹² См.: Винберг А. И. Криминалистическая одорология. — «Соц. законность», 1976, № 11.

УПК). Нельзя так же не учитывать, что поскольку все еще не распознан механизм образования запахов, постольку поведение служебно-розыскной собаки не поддается и поныне объективному анализу и проверке. Там же, где выборку собакой человека или предметов предлагается принимать «на веру», там нет мыслительной деятельности как необходимого условия проверки и оценки доказательств¹³.

В контексте рассматриваемого вопроса принципиальное значение имеет следующее положение, содержащееся в определении Верховного Суда СССР по одному из конкретных дел: «Факт привода служебно-розыскной собаки к дому Фадеевых не может служить доказательством против Фадеева»¹⁴.

Не соответствуют требованию допустимости доказательств и обосновываемые некоторыми авторами инструментальные средства регистрации изменения физиологических параметров допрашиваемых. Во-первых, само стремление принудительного проникновения в мысли допрашиваемого обвиняемого противоречит требованию законности и, в частности, его праву на дачу показаний. Во-вторых, превращение допрашиваемого из субъекта уголовного судопроизводства в беспомощный объект исследования противоречит требованию и законности, и этичности уголовного судопроизводства. В-третьих, полученные таким образом данные не отвечают и требованию подлинной научности, поскольку не в состоянии объяснить причину соответствующих изменений — вызваны ли они желанием солгать или, наоборот, возмущением по поводу лжи других лиц.

Решительные возражения вызывает в этом смысле утверждение А. Н. Васильева о возможности придавать результатам использования такой аппаратуры доказательственное значение в случаях, когда с их помощью устанавливается недостоверность или ложность показаний, а «...местонахождение трупа... орудий преступления, похищенных вещей, что само по себе могло бы служить доказательством по делу, независимо от источника полученных сведений»¹⁵. Такое

¹³ Подробнее об этом см.: Строгович М. С. О криминалистической одорологии. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Иркутск, 1970 (Труды Иркутского ун-та, т. 85, вып. 10, ч. 4); Шиканов В. И. К вопросу о сущности одорологического эксперимента и его месте в системе криминалистических методов. — Там же.

¹⁴ Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. М., 1964, с. 152.

¹⁵ Васильев А. Н. Следственная тактика. М., 1976, с. 126.

утверждение принципиально неправильно, во-первых, потому, что одним из условий допустимости доказательств является, как было отмечено, законный источник фактических данных, а во-вторых, потому, что средство, служащее только внепроцессуальным ориентиром местонахождения доказательства, не будучи само по себе доказательством, может быть использовано лишь как оперативное средство его получения.

Весьма противоречивы по данному вопросу суждения Г. А. Злобина и С. А. Яни. С одной стороны, авторы говорят о недопустимости использовать инструментальные средства фиксации эмоциональных реакций человека в качестве доказательств по уголовному делу, с другой — признают полиграф одним из «очень важных средств установления истины в уголовном судопроизводстве»¹⁶. В одном случае они утверждают, что полиграф не в состоянии ответить на вопрос о том, лжет испытуемый или говорит правду, в другом — усматривают его достоинство в том, что он позволяет «заподозрить ложь в показаниях допрашиваемого»¹⁷. Ратуя за соблюдение в уголовном процессе прав личности, авторы в то же время приветствуют отказ от исторически сложившейся недозволённости принудительного вторжения в чужие мысли и чувства¹⁸. Выступая с предложением нормативно закрепить применение полиграфа в наших условиях лишь с письменного согласия испытуемого, авторы распространяют это только на полиграфы с датчиками, которые касаются тела испытуемых. Что же касается полиграфов, используемых на расстоянии, то для их применения согласия не требуется¹⁹. Значит, если полиграф применяется открыто, получение согласия испытуемого обязательно, а если тайно — такого согласия не требуется (?!).

Но главное не в этой системе противоречий по конкретным вопросам проблемы. Главное — в крайней противоречивости отправных, исходных положений авторов. Правильно утверждая, что применение полиграфа в условиях ряда буржуазных стран — возмутительное средство принудительного или тайного проникновения в область сугубо личной сферы, они тем не менее всемерно приветствуют использование то-

¹⁶ Злобин Г. А., Яни С. А. Проблема полиграфа. — В кн.: Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1976, с. 124. (Труды ВНИИСЗ, № 6).

¹⁷ Там же, с. 129.

¹⁸ Там же, с. 130—131.

¹⁹ См. там же, с. 134.

го же полиграфа в наших, советских условиях, хотя и признают, что «...с помощью полиграфа... может быть добыта информация... связанная с той областью личного, принудительное или тайное проникновение в которую противоречит гарантированным Конституцией СССР правам и свободам гражданина»²⁰.

В системе социальных ценностей нашего общества охрана человеческого достоинства, прав и законных интересов личности представляет одну из самых высоких ценностей. Познание истины по уголовному делу, изобличение и справедливое наказание виновных не может осуществляться за счет нарушения этой ценности. Как справедливо замечает Г. М. Резник, «безусловное признание доказательства недопустимым должно наступать не только в случае, когда оно получено из ненадлежащего источника, но и тогда, когда его получение было сопряжено с существенным нарушением прав и законных интересов граждан»²¹⁻²².

Было бы неправильно полагать, что имея исчерпывающий характер в настоящее время, круг источников фактических данных, предусмотренный ст. 16 Основ (ст. 69 УПК), останется навсегда неизменным. По мере развития науки и техники, по мере совершенствования общественных отношений он может быть расширен. Однако необходимым условием использования в практике уголовного судопроизводства новых источников фактических данных явится их нормативное признание и закрепление.

В любом случае источниками фактических данных в наших условиях никогда не будут известные буржуазному судопроизводству средства, нарушающие интересы личности. В их числе может быть назван гипноз, применение которого дозволено у нас в лечебной практике, но абсолютно неприемлемо в судопроизводстве, поскольку превращает загипнотизированного из субъекта процесса в беспомощный объект испытаний.

Советскому уголовному процессу чужды рекламируемые в буржуазной литературе различного рода медикаментозные средства, позволяющие подавлять волю допраши-

²⁰ Там же, с. 131.

²¹⁻²² Резник Г. М. Указ. соч., с. 27.

ваемых при сохранении у них способности реагировать и отвечать на вопросы, а также многочисленные психологические приемы, рассчитанные на подавление психики свидетелей и обвиняемых в целях получения от них в уголовном процессе необходимых показаний.

Как было отмечено, любые фактические данные и сведения о них, отвечающие требованию относимости, могут быть получены из любого, предусмотренного законом источника. Тем не менее, законодатель в виде исключения предусматривает возможность установления некоторых обстоятельств только при помощи доказательств, полученных из точно указанных в законе источников, способных обеспечить установление истины. Примером тому является ст. 79 УПК, согласно которой причины смерти, степень и характер телесных повреждений, психическое состояние обвиняемого, подозреваемого, свидетеля и потерпевшего, а равно установление (в необходимых случаях) возраста обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего, могут быть установлены только при помощи соответствующей экспертизы. Это указание закона не исключает, разумеется, возможности использования для установления соответствующих фактов и обстоятельств еще и других доказательств, что не освобождает, однако, правоприменительные органы от обязанности проведения в тех же целях экспертизы.

В некоторых случаях, наоборот, действуют правовые нормы о недопустимости доказательств. Так, например, согласно ст. 74 УПК не могут служить доказательствами фактические данные, сообщаемые свидетелем, если он не в состоянии указать источник своей осведомленности. Тем самым законодатель заранее не допускает свидетельство «по слуху», аморальное по своему характеру и которое нельзя объективно проверить.

Не может быть источником доказательств анонимное заявление. Если при проверке содержащиеся в нем факты подтвердятся, они используются в качестве доказательств лишь при условии установления их источника, предусмотренного действующим законодательством.

2. Другим свойством требования допустимости доказательств является соответствие закону способа их получения.

Единственно законным способом получения доказательств по уголовному делу являются следственные и судебные действия, исчерпывающе предусмотренные действующим законо-

дательством. Согласно ст. 70 УПК, лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд вправе по находящимся в их производстве делам вызвать в порядке, установленном настоящим Кодексом, любое лицо для допроса или дачи заключения в качестве эксперта; производить осмотры, обыски и другие предусмотренные настоящим Кодексом следственные действия; требовать от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан представления предметов и документов, могущих установить необходимые по делу фактические данные; требовать производства ревизий. Доказательства могут быть представлены участниками процесса, а также любыми гражданами, учреждениями, предприятиями и организациями.

Фактические данные, полученные иным, не предусмотренным законом способом, должны быть признаны не отвечающими требованию допустимости.

В правовой литературе высказано суждение о том, что следственные действия в стадии предварительного расследования — не единственный способ получения доказательств, что наряду со следственными действиями такими способами могут быть: истребование предметов и документов, требование о назначении ревизии, представление доказательств участниками процесса, гражданами и организациями²³.

Однако следует заметить, что данные приемы получения доказательств осуществляются не помимо, а в рамках соответствующих следственных действий²⁴. В самом деле: при всех особенностях каждого из таких приемов все они так или иначе связаны либо с выемкой соответствующих материалов (например, в случаях представления их участниками процесса), либо с осмотром (например, если истребованный документ имеет признаки вещественного доказательства), либо с допросом (например, если лицо заявляет о том, что ему известны существенные обстоятельства дела) и др.

Предусмотренный законом круг следственных и судебных действий, являющихся средствами получения доказательств, имеет, как мы заметили, исчерпывающий характер. Соответственно нельзя признать правомерной, например, получившую определенное распространение практику проверки пока-

²³ См., например: Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972, с. 38.

²⁴ См.: Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. М., 1965, с. 60 и сл.

заний на месте в качестве самостоятельного следственного действия на территории тех союзных республик, законодательство которых данное следственное действие не предусматривает²⁵.

Нельзя признать правильными предложения оформлять как самостоятельные следственные действия моделирование, реконструкцию и другие действия, не предусмотренные в таком качестве действующим законодательством²⁶.

Конечно, нормативно закрепленный ныне круг следственных и судебных действий в дальнейшем будет совершенствоваться и изменяться. Однако, как справедливо замечал в свое время М. М. Гродзинский, пока новый способ получения доказательств полностью не разовьется и не получит всех своих характерных черт, он должен будет рассматриваться как разновидность известных следственных действий, облекаться в нормативно признанную форму, и только в дальнейшем сможет выступить в качестве самостоятельного средства получения доказательств при условии, разумеется, признания законодателем его самостоятельности как следственного действия²⁷. Значит, до этого указанные действия могут осуществляться лишь как соответствующие приемы при производстве регламентированных законом следственных действий (например, проверка показаний на месте — при осмотре, моделирование и реконструкция — при следственном эксперименте и др.).

Однако предусмотренные законом следственные и судебные действия могут обеспечить допустимость доказательств лишь при условии точного соблюдения процессуального порядка их проведения. Нельзя в этом смысле признать допустимыми доказательства, получение которых сопровождалось нарушением правовых требований.

В ст. 14 Основ, например, сказано: «Запрещается домогаться показаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных

---

²⁵ Обзор различных суждений по данному вопросу см.: Степичев С. С. Еще раз о выходе на место. — «Вопросы криминалистики», 1964, № 14; см. также: Весенин Э. Я. Понятие и задачи проверки показаний. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, вып. 10. Л., 1969; Хлындов М. И. Проверка показаний на месте. Саратов, 1971; Строгович М. С., Александров Н. Г. Неправильная практика. — «Соц. законность», 1960, № 3.

²⁶ См., например: Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. Л., 1973, с. 167—173.

²⁷ См.: Гродзинский М. М. О способах получения доказательств в советском уголовном процессе. — «Советская юстиция», 1958, № 6, с. 14.

незаконных мер». Принуждение к даче показаний путем применения угроз или иных незаконных действий со стороны лица, производящего дознание или предварительное следствие, влечет уголовную ответственность (ст. 179 УК РСФСР).

Интерес в этом плане представляет следующее обстоятельство. В правовой и криминалистической литературе возник вопрос о возможности применения при допросах психического воздействия на допрашиваемых в целях получения наиболее достоверных и полных показаний. Не впадая ли в одну из крайностей — либо запрета использования при этом возможностей современной психологии, либо предоставления правоприменительным органам (должностным лицам) ничем не ограниченного в этом отношении права, следует уяснить различие между понятиями психического воздействия, содержащего элементы психического насилия, и положительного психического влияния, создающего оптимально благоприятные условия для развития нормальных психических процессов, ориентирующего допрашиваемого на наиболее точное и полное воспоминание и воспроизведение имеющих значение для дела обстоятельств. Значит, недопустимым следует признать такое психическое воздействие на допрашиваемого, которое выражается в прямом или косвенном, открытом или замаскированном психическом насилии и, в частности, психическом влиянии в направлении нарушения нормальной психической деятельности допрашиваемого.

Пленум Верховного Суда СССР неоднократно обращал внимание судов на недопустимость основывать судебные приговоры на материалах, полученных «... с нарушением процессуального порядка собирания доказательств»²⁸.

Применительно к конкретным процессуальным действиям Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР указывают: заключению экспертов, проводивших экспертизу без соблюдения требований уголовно-процессуального закона, не следует придавать доказательственного значения²⁹; следственный эксперимент, проведенный с нарушением норм УПК,

---

²⁸ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1974, с. 285. О том же см. постановление Пленума «О судебном приговоре». — Там же, с. 582—583.

²⁹ См.: Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. М., 1974, с. 494.

«не имеет никакого доказательственного значения»³⁰; протокол опознания «не может служить доказательством, поскольку опознание было произведено с грубым нарушением установленного порядка»³¹, и др.

В этих и других подобных случаях презюмируется, что нарушение при выполнении следственных или судебных действий норм УПК наносит урон гарантиям достоверности получаемых таким путем фактических данных и сведений о них.

3. Наконец, еще одним свойством требования допустимости доказательств является соответствие закону формы их закрепления. Определенная информация приобретает характер доказательственной только в том случае, если она облечена в предусмотренную законом форму фиксации. Последняя образует в то же время необходимое условие сохранения доказательственной информации.

Действующее законодательство предусматривает исчерпывающий круг уголовно-процессуальных актов компетентных органов государства (должностных лиц). Эти акты фиксируют либо их решения по соответствующим вопросам уголовного дела (например, постановления следователя, определение, приговор суда), либо — те или другие обстоятельства уголовного дела, в том числе производство следственных и судебных действий (например, протоколы следственных действий, протокол судебного заседания). Значит, если в постановлениях, определениях и приговорах находит свое выражение оценка (частичная или полная) уже собранных по делу доказательств, то факт их обнаружения, собирания получает свое закрепление главным образом в соответствующих протоколах (следственных действий, судебного заседания и др.).

Наряду с ранее существовавшей рукописной формой изготовления протоколов действующее законодательство предусматривало возможность использования при составлении процессуальных актов машинописи и стенографии (ст. 102 УПК РСФСР). Однако, будучи основной формой фиксации доказательственной информации, протоколирование не является в этом отношении единственной формой. Конкретным выражением внедрения в уголовное судопроизводство достижений науки и техники явилось узаконение использования в тех же целях фотографирования, киносъемки, изготовления диапо-

³⁰ Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР. М., 1974, с. 32.

³¹ Там же, с. 42.

зитивов, планов, схем, слепков и оттисков следов (ст. 141 УПК) и звукозаписи (ст. 141¹ УПК)³².

Соответственно ныне используются такие формы закрепления доказательств, как 1) письменная (в том числе машинописная) форма (протокол), 2) звуковая (звукозапись), 3) образная (фотонизображение, киноизображение), 4) предметная (слепки, оттиски)³³.

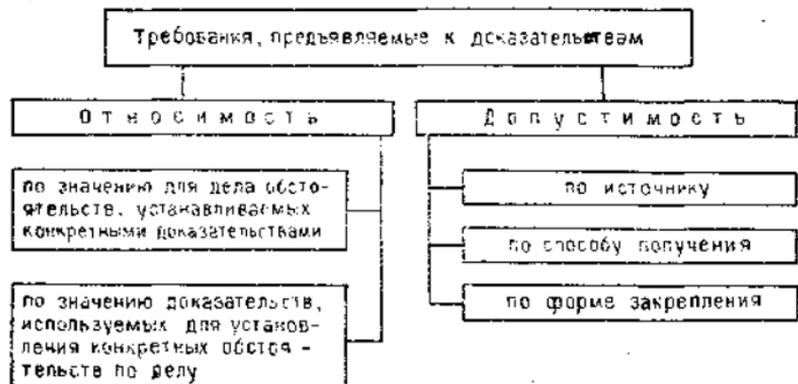
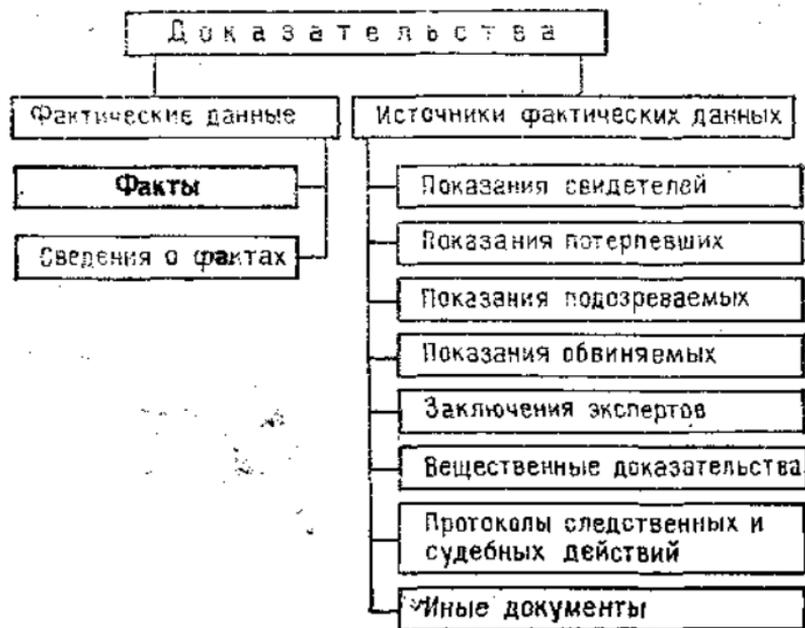
Некоторые из указанных средств закрепления доказательственной информации могут применяться только как основные (например, протоколирование), другие — только как дополнительные (например, схемы, слепки). Соответствующие формы фиксации могут быть использованы в качестве самостоятельных или смешанных. Применение видеомэганитофона, например, предполагает одновременное использование и звукозаписи, и киносъемки.

Степень и формы «технизации» закрепления доказательственной информации не безразличны для целей доказывания. Использование здесь достижений науки и техники призвано служить более полной, точной и качественной фиксации соответствующей информации; экономии сил и времени следственных и судебных работников; повышению культуры уголовного судопроизводства в целом, собирания и оформления доказательственной информации в частности. Именно поэтому использовать в уголовном судопроизводстве можно только такие формы закрепления доказательств, которые нормативно закреплены в качестве наиболее надежных, апробированных теорией и практикой. Мы, разумеется, не имеем в виду здесь собственно технико-криминалистические, сугубо вспомогательные средства собирания доказательств (молоток для простукивания, паста для дактилоскопирования, лупа для обнаружения следа и т. п.), которые не требуют правовой регламентации. Речь идет о научно-технических средствах закрепления доказательственной информации, точно и исчерпывающе предусмотренных законом. Возникновение новых возможностей в этом отношении также требует их нормативного признания.

Итак, понятие доказательства по уголовному делу и требований, которым оно должно отвечать, может быть изображено схематически следующим образом.

³² Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г. («Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1966, № 36, ст. 1018).

³³ Более обстоятельно см.: Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе, с. 33 и сл.

§ 4. Классификация доказательств

В правовой литературе было высказано суждение о том, что классификация доказательств имеет «главным образом... учебное значение...»³⁴.

Учебное значение классификации доказательств бесспорно; она способствует систематизации накопленных знаний, обеспечивает правильное использование понятий, терминов и т. п. Однако представляя собой необходимое условие их эффективного собирания и закрепления, анализа и синтеза, объективной оценки, успешного применения для установления истины, классификация доказательств, используемая в единстве и взаимосвязи классифицируемых явлений, имеет еще и большое практическое значение.

Для того чтобы быть действенным средством осуществления задач доказывания, классификация доказательств должна базироваться на правильном учете объективных свойств классифицируемых явлений. Только в этом случае она будет отвечать требованиям подлинной научности, необходимым условием которой, как замечал Ф. Энгельс, является классификация явлений согласно внутренне присущей им последовательности³⁵.

Доказательства могут быть классифицированы следующим образом:

1. По механизму формирования и носителю доказательственной информации они могут быть разграничены на исходящие от лиц (показания обвиняемых, подозреваемых, потерпевших, свидетелей, заключения экспертов) и содержащиеся в предметах и документах (вещественные доказательства, документы, протоколы следственных и судебных действий, фиксирующие не показания лиц, а иную информацию).

Говоря о значении разграничения доказательств на так называемые «личные» и иные, авторы монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» сводят, однако, вторую разновидность доказательств только к вещественным³⁶, с чем согласиться нельзя, поскольку вещественные доказательства составляют один из компонентов доказательств, исходящих не от граждан. Следует учитывать, что

³⁴ Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1948, с. 287.

³⁵ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 564—565.

³⁶ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, М., 1973, с. 258.

протоколы следственных и судебных действий могут удостоверить либо информацию, исходящую от определенных лиц (например, протокол допроса, либо содержащуюся в предметах или документах (например, протокол осмотра вещественного доказательства, протокол обыска с указанием на обнаруженный при обыске документ и др.). И хотя любой протокол подписывается конкретными лицами и по этому формальному признаку мог бы быть отнесен к доказательствам, исходящим от лиц, тем не менее решающее значение имеет его содержание — закрепляет ли он информацию, исходящую от лиц или содержащуюся в предметах и документах.

Аналогично следует решать вопрос и о принадлежности к соответствующей классификации документов. При этом следует иметь в виду, что понятие документов ныне резко расширилось. Это уже не только письменные документы (как о том говорилось в ранее действовавшем уголовно-процессуальном законодательстве), изготовленные вне уголовного судопроизводства. Таковыми могут быть и звукозапись, и фотокинодокументы, изготовленные как вне уголовного судопроизводства и приобщенные в установленном законом порядке к уголовному делу (например, звукозапись исполнения определенным лицом роли в драматической постановке, свидетельствующая о его артистической деятельности), так и в уголовном судопроизводстве (например, изготовленное следователем фотоизображение места автопроисшествия).

Конечно, если речь идет о документе, исходящем от определенного лица и являющемся продуктом его воли и сознания, классификационная принадлежность документа не вызывает сомнений. Сложнее, когда он — техническое отображение объективно существующих фактов и обстоятельств (кинодокумент, фотодокумент и др.). Такого рода документы мы относим к доказательствам, выходящим за пределы так называемых «личных»³⁷, поскольку технически фиксируемые определенными лицами факты и обстоятельства, существуя независимо от их воли и сознания, отображаются вне психической переработки человеком, а, наоборот, в том виде, в каком они объективно существуют, независимо от субъективного восприятия того, кто их закрепляет.

---

³⁷ По указанным соображениям мы не разделяем точку зрения авторов «Теории доказательств в советском уголовном процессе», согласно которой все протоколы следственных и судебных действий и все документы относятся к доказательствам, имеющим «личный» характер (с. 258—265).

Практическое значение данной классификации доказательств состоит в следующем:

а) Доказательственная информация в первом случае исходит от людей, способных воспринимать, запоминать, воспроизводить и уточнять интересующие следствие и суд обстоятельства и факты, что исключается в тех случаях, когда доказательственная информация содержится в неодушевленных предметах. Нельзя, однако, не учитывать, что отвечающие необходимым требованиям вещи и предметы могут в том или ином конкретном случае дать компетентному органу государства более достоверную информацию, нежели человек. На процессе психической переработки полученной информации человеком неизбежно сказываются его субъективные свойства (симпатии, антипатии и др.), что исключено тогда, когда речь идет о доказательствах-предметах, доказательствах-вещах, одним словом, о доказательствах не «личного» характера.

б) На процессе собирания и исследования доказательств не могут не сказаться и различные возможности хранения информации. Запоминание человеком того, что он видел или слышал связано как с объективными, так и с субъективными факторами. Поэтому при анализе доказательств, исходящих от человека, очень важно уяснить и обстановку, в условиях которой он воспринимал событие (днем или ночью; в хорошую, ясную погоду или в дождь, снег; вблизи или на большом расстоянии и др.), и его личностные свойства (в том числе, качество зрения, слуха и др.).

Собирая и исследуя доказательственную информацию, содержащуюся в неодушевленных предметах, органы следствия и суда сосредоточивают внимание на другом — на качестве отображения, степени влияния на отображение времени, среды и др.

в) ~~Не безразлична для восприятия и оценки информации форма ее передачи~~ — языковая, письменная, звуковая или иная. Каждая из таких форм, находясь в прямой зависимости от механизма образования и носителя доказательственной информации, предполагает специфические методы ее уточнения и проверки (постановку дополнительных вопросов, проверку подлинности документа путем его осмотра, проведения экспертизы и т. д.).

Сказанное дает основание не согласиться с утверждением о том, что разграничение доказательств на исходящие от человека и содержащиеся в материальных предметах ведет

к их противопоставлению³⁸. Отнюдь не противопоставляя одни доказательства другим, следует использовать данную классификацию для уяснения и применения наиболее эффективных средств и методов собирания, проверки и оценки доказательственной информации, исходящей от человека и содержащейся в предметах и документах.

2. По источнику сведений о доказательственных фактах доказательства разграничиваются на первоначальные и производные.

Первоначальные доказательства — это те, которые правоприменительные органы получают непосредственно от первоначального носителя информации, так сказать, «из первых рук», в силу чего их нередко называют первоисточниками (подлинник документа, показания свидетеля о том, что он сам видел или слышал, и др.).

Производные доказательства — те, которые органы дознания, следствия, суда получают от вторичного источника информации, «из вторых рук» (копия документа, показания свидетеля о том, что он слышал от другого лица, непосредственно наблюдавшего соответствующее событие, и др.).

Практическое значение данной классификации состоит в том, что она содействует уяснению следующих обстоятельств, весьма важных для успешного собирания, проверки доказательств и правильной их оценки.

а) Производные доказательства нуждаются в более тщательной проверке. Пропорционально тому, как доказательство удаляется от первоисточника соответствующей информации, возрастает вероятность наличия в нем ошибок, неточностей. Подлинник документа обычно достовернее копии; первая копия — достовернее второй, третьей и последующих. Поэтому пользоваться в практике уголовного судопроизводства следует, поскольку это возможно, доказательствами первоначальными.

б) Но так как получить первоначальное доказательство не всегда возможно (подлинник документа безвозвратно утрачен, свидетель-очевидец умер и т. п.), правоприменительные органы вынуждены нередко использовать доказательства производные. В таком случае совершенно необходимо установить первоисточник производного доказательства или его судьбу.

---

³⁸ См.: Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, с. 311.

Производная информация, первоисточник которой не установлен, утрачивает свое доказательственное значение и в силу ненадежности, непреодолимых препятствий к проверке ее достоверности не может быть положена в основу выводов следствия и суда об обстоятельствах уголовного дела.

в) В следственной и судебной практике могут иметь место случаи, когда установить первоначальное доказательство можно не иначе, как через производное, например, данные о свидетеле-очевидце сообщает свидетель, которому очевидец рассказал о том, что видел или слышал.

г) В случаях, когда у компетентных органов государства (должностных лиц) возникают сомнения в достоверности первоначальных доказательств (не содержит ли подлинник документа подлог, не содержат ли показания свидетеля-очевидца элементы лжесвидетельства и т. п.), производные доказательства могут быть использованы для проверки степени достоверности первоначальных.

Все доказательства по уголовному делу подлежат тщательной и всесторонней проверке; производные доказательства, по указанным причинам, подлежат особенно обстоятельному исследованию, проверке и оценке в совокупности со всеми другими доказательствами, собранными по уголовному делу. Соответствующую необходимость мы не исключаем, разумеется, и в отношении доказательств первоначальных. Явка с повинной (первоначальное доказательство) может оказаться результатом желания скрыть более тяжкое преступление, признавшись в совершении преступления менее тяжкого; может быть выражением самооговора, например, желания принять на себя вину близкого человека и др. Наоборот, производное доказательство (например, добросовестные показания свидетеля, который воспроизводит суду то, что он слышал от очевидца преступления) может в том или другом конкретном случае иметь преимущества перед доказательствами первоначальными со всеми вытекающими из этого последствиями. Это не устраняет и не умаляет, однако, значения указанных выше положений, которые, будучи правилом, должны учитываться органами дознания, следствия, прокуратуры, суда при расследовании и судебном рассмотрении каждого конкретного уголовного дела.

3. По отношению к факту совершения преступления конкретным лицом доказательства разграничиваются на прямые и косвенные. Прямые доказательства — те, которые прямо, непосредственно указывают на данное обстоятельство. Кос-

венные доказательства — те, которые указывают на иные, побочные обстоятельства, дающие основание для вывода о том, кто именно совершил преступление.

Показания свидетеля-очевидца преступления, явка с повинной с последующим признанием обвиняемым своей вины и рассказом об обстоятельствах совершения преступления — прямое доказательство.

Показания свидетелей о том, что в ночь совершения преступления подозреваемый не ночевал дома, что его видели удаляющимся от места преступления вскоре после совершения преступления, что ранее он угрожал потерпевшему совершением таких действий, обнаруженная на месте преступления вещь, принадлежащая заподозренному, и прочее — косвенные доказательства. Эти доказательства не указывают прямо на факт совершения преступления данным лицом. Они указывают на так называемые «побочные обстоятельства» или «промежуточные факты», при помощи которых органы следствия и суда могут сделать вывод о том, кто именно совершил данное преступление.

В правовой литературе приходится встречаться с различными точками зрения по поводу критерия разграничения доказательств на прямые и косвенные.

Мы не можем согласиться с тем, что соответствующим критерием следует считать предмет доказывания³⁹, поскольку, как было указано выше, понимаем под предметом доказывания все то, что подлежит доказыванию по уголовному делу, в том числе и факты побочные, промежуточные. При таком понимании предмета доказывания он не может быть положен в основу данной классификации как стирающий существующие в действительности различия между доказательствами прямыми и косвенными. Нельзя рассматривать в качестве классификационного критерия и главный факт (состав преступления), поскольку объем состава преступления шире указанного нами классификационного критерия. Судить же об отнесении доказательств к прямым или косвенным по тому, непосредственно или опосредствованно оно указывает, например, на тот или другой признак субъективной стороны состава преступления, просто невозможно. Именно поэтому классификационным критерием следует считать в данном случае не весь состав преступления в его четырех элементах, а

³⁹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 271; Чельцов М. А. Советский уголовный процесс, с. 135.

совершение конкретным лицом инкриминируемого ему преступления, что связано главным образом с субъектом и объектом состава преступления.

Представляется недопустимым смешивать разграничение доказательств по источнику и по отношению к факту совершения определенным лицом инкриминируемого ему преступления. В первом случае речь идет о свойстве источника, о том, является ли он первоначальным или производным. Во втором случае имеются в виду свойства фактических данных, указывают ли они непосредственно или опосредствованно на совершение конкретным лицом соответствующего преступления.

Именно поэтому доказательство может быть первоначальным (например, показания жены потерпевшего о том, что она сама слышала), но косвенным (ее показания о том, что мужу угрожал убийством гражданин А.), производным (например, показания врача о том, что он слышал от умирающего потерпевшего), но прямым (например, его показания о том, что потерпевший назвал имя убийцы) и т. п.

Как следует из сказанного, критерий разграничения доказательств на прямые и косвенные характеризуется не одним, а двумя признаками: во-первых, содержанием устанавливаемого конкретным доказательством обстоятельства, которым (когда речь идет о прямом доказательстве) является факт совершения определенным лицом конкретного преступления и, во-вторых, тем, указывает ли данное доказательство на соответствующее обстоятельство непосредственно или опосредствованно.

Разграничение доказательств на прямые и косвенные имеет большое практическое значение, которое состоит в следующем:

а) В уяснении мысли о том, что прямые доказательства не лучше косвенных, а косвенные — не хуже прямых, иначе говоря, в недопустимости переоценивать прямые доказательства и недооценивать косвенные.

В следственной и судебной практике встречаются дела, обвинение по которым основывается только на косвенных доказательствах. Как и прямые, косвенные доказательства образуют не менее достоверный и убедительный материал для разрешения дела по существу. Судебный приговор, основанный на косвенных доказательствах, располагает такой же законной силой, как и судебный приговор, основанный на прямых доказательствах.

б) Хотя значение косвенных доказательств не меньше, нежели значение прямых доказательств, тем не менее использование косвенных доказательств в практике уголовного судопроизводства представляется более сложным, нежели использование прямых доказательств. Объясняется это тем, что логический путь от косвенного доказательства к решению важнейшего вопроса уголовного дела — совершил ли данное преступление обвиняемый — значительно длиннее и извилистей, нежели логический путь к данному вопросу от доказательства прямого. Прямое доказательство указывает на этот важнейший искомый факт непосредственно, без каких бы то ни было посредствующих звеньев. Косвенное доказательство, как было отмечено, указывает непосредственно на побочный, производный факт и только через него позволяет правоприменительному органу сделать вывод о важнейшем искомом факте.

в) Именно потому, что косвенное доказательство непосредственно указывает на побочный факт, оно приобретает юридическое значение не иначе, как в органической взаимосвязи с другими доказательствами. Соответственно одно лишь косвенное доказательство не может рассматриваться как достаточный доказательственный материал для разрешения уголовного дела. Только одна вещь, обнаруженная на месте преступления, принадлежащая заподозренному, только один факт пребывания его в момент совершения преступления в данном месте, только недоброжелательное отношение данного лица к потерпевшему, более того, лишь одна угроза убийством — не дают оснований для утверждения о том, что именно данное лицо совершило это убийство. Взятые в своем единстве, эти факты создают тот доказательственный материал, который может быть признан достаточным для соответствующих выводов по существу уголовного дела.

Было бы неверно полагать, что для прямых доказательств, в отличие от косвенных, требование совокупности доказательств не обязательно, что одно прямое доказательство достаточно для разрешения дела по существу⁴⁰. Предусмотренное законом требование основывать оценку доказательств «на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности» (ст. 71 УПК) распространяется и на прямые, и на косвенные доказательства. Это

⁴⁰ Соответствующую точку зрения высказала П. А. Лупинская. См.: Лупинская П. А. Доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, с. 15.

требование, однако, для косвенных доказательств, в силу их специфики, имеет особое и притом повышенное значение.

г) Для того чтобы реальные факты не оказались подмененными догадками и предположениями правоприменительных органов, необходимо установить объективную, а не случайную связь косвенных доказательств, необходимо, чтобы причинная связь охватывала не только косвенные доказательства, но и совокупность косвенных доказательств с предметом доказывания, с составом преступления и, в частности, с тем важнейшим фактом, который образует классификационный критерий разграничения доказательств на прямые и косвенные.

з) Наконец, совокупность косвенных доказательств может быть признана достаточной для вывода о виновности данного лица в совершении инкриминируемого ему преступления только в том случае, если в своем завершённом виде она исключает возможность каких бы то ни было иных версий, иных выводов, если только данный вывод является единственно причинно обусловленным, объективно вытекающим из соответствующей совокупности фактических данных и сведений о них. Следует при этом иметь в виду, что недоказанная виновность равносильна доказанной невинности, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления безусловно доказана (ст. 309 УПК РСФСР).

Следовательно, косвенные доказательства — это не разрозненные факты и сведения о них, а единое целое, составные части которого находятся в причинной органической взаимосвязи и во взаимопроникновении. Только в таком виде они образуют доказательственную и притом неотвратимую силу, позволяющую судить о виновности конкретного лица в совершении определенного преступления.

4. По отношению к предмету обвинения доказательства разграничиваются на обвинительные и оправдательные.

Обвинительные доказательства — это фактические данные и сведения о фактах, устанавливающие виновность лица в совершении определенного преступления, а также отягчающие ответственность обвиняемого.

Оправдательные доказательства — такие, которые исключают или смягчают вину и ответственность обвиняемого.

Бывает так, что один источник содержит несколько фактических данных (сведений о фактах) — обвинительного и оп-

равдательного характера. В таких случаях речь идет не об одном, а о двух или нескольких доказательствах обвинительных и оправдательных, имеющих один источник.

Едва ли можно согласиться с утверждением о том, что некоторые доказательства, содействуя установлению истины, не являются при этом уличающими или оправдывающими⁴¹. Не располагая свойством обвинительного или оправдательного характера по отношению к предмету обвинения, тот или иной факт, как и сведения о нем, утрачивают доказательственное значение⁴².

В литературе высказывалось суждение о том, что разграничение доказательств на обвинительные и оправдательные является неправильным, что оно имеет чисто схоластический, искусственный характер.

Согласиться с подобного рода суждением нельзя, хотя бы потому, что необходимой предпосылкой познания по каждому конкретному делу объективной истины является выполнение правоприменительными органами нормативного требования относительно всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, выявления как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, как отягчающих, так и смягчающих его вину обстоятельств (ст. 20 УПК).

Тем не менее данная классификация имеет весьма условный характер.

В ходе уголовного судопроизводства возможны случаи, когда доказательства, выступающие на первый взгляд в качестве оправдательных, в дальнейшем оцениваются как доказательства обвинительного характера и, наоборот, доказательства, воспринимаемые как обвинительные, вслед за тем приобретают оценку оправдательных. Например, обосновывая свое алиби, обвиняемый представляет документ, свидетельствующий о том, что в соответствующий день и час он находился в другом месте. Однако, исследуя документ, следователь (суд) убеждаются в его подделке. Значит, отнесение того или иного доказательства к числу обвинительных или оправдательных зависит не от раз навсегда данной природы доказательства, а от характера его связи с искомыми обстоя-

⁴¹ См.: Рахунэв Р. Д. Вещественные и письменные доказательства в советском уголовном процессе. — «Учен. зап. ВИЮН», 1959, вып. 10, с. 211—212.

⁴² См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 284—285.

тельствами уголовного дела. Поскольку в процессе доказывания оценка доказательств может меняться, постольку определить наиболее точно — имеет ли доказательство обвинительный или оправдательный характер можно лишь в результате окончательной оценки всех собранных по делу доказательств в их совокупности, иначе говоря — только в совещательной комнате при вынесении приговора. Следовательно, до этого указанное разграничение доказательств представляется весьма и весьма условным.

Учитывая, однако, что данная классификация, как было отмечено выше, ориентирует правоприменительные органы на полное, всестороннее и объективное собрание, исследование, проверку и оценку доказательств, на правильное планирование предварительного расследования и судебного разбирательства, вовсе отказаться от нее было бы неверно. Поэтому, памятуя об условном характере данной классификации, органы дознания, следствия, прокуратуры и суда должны использовать ее, как и ранее рассмотренные виды классификации, в интересах оптимального достижения задач уголовного судопроизводства, в частности — быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен в качестве обвиняемого и осужден.

Анализируя классификацию доказательств, мы в том или ином случае отмечаем преимущества, впрочем как и недостатки, одних доказательств перед другими (например, первоначальных перед производными). Это отнюдь не означает, что мы склонны а priori разграничивать доказательства по уголовным делам на лучшие и худшие. Такое разграничение не признает законодатель; оно должно быть отвергнуто правовой теорией и практикой. Однако учитывать более слабые, в одном отношении и более сильные — в другом стороны классифицируемых явлений можно и нужно. Уяснение этого предопределяет в значительной мере смысл самой классификации доказательств. Что же касается признания одних доказательств (точнее сведений о фактах) доброкачественными, а других — недоброкачественными, то это предопределяется отнюдь не их классификацией, а качеством каждого конкретного доказательства, его относимостью и допустимостью, что причинно связано с обстоятельствами каждого конкретного уголовного дела.

Рассмотренные виды классификации доказательств могут быть схематично изображены следующим образом.

Схема классификации доказательств

ВИДЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Фактические данные по уголовному делу устанавливаются: показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями обвиняемого, показаниями подозреваемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами (ст. 69 УПК). Все эти источники в совокупности с содержащимися в них фактическими данными являются самостоятельными видами доказательств. Их рассмотрению посвящена настоящая глава.

§ 1. Показания свидетелей и потерпевших

1. **Значение и сущность показаний свидетелей.** Показания свидетелей являются одним из самых распространенных в уголовном судопроизводстве видов доказательств. Без них, как правило, не обходится ни предварительное следствие, ни судебное разбирательство. В этом прежде всего их значение в установлении истины по делу, в решении задач уголовного процесса.

Советская уголовно-процессуальная наука подвергла обоснованной критике теорию ненадежности свидетельских показаний, получившую распространение в буржуазной правовой науке и заключающуюся в том, что показания свидетелей — далеко не совершенный способ установления истины и потому не заслуживает доверия. «Научно» это объясняется отрицательными качествами человеческой природы, тем, что по своей психобиологической сущности человек якобы не способен давать объективную информацию, а по своей нравственной сущности способен на ложь. В буржуазной теории уголовного процесса идея недоверности и непригодности показаний свидетелей имеет прежде всего классовую подоплеку и вызвана, в частности, стремлением заменить, когда это

необходимо буржуазному «правосудию», объективных свидетелей системой штатных, платных осведомителей, полицейских агентов, неодоушевленными доказательствами (вещественными доказательствами, документами), которые легче фальсифицировать. Причем свидетельским показаниям против себя, признанию своей вины отводится основная роль среди доказательств. Все это приводит к грубейшему нарушению прав личности, произволу и беззаконию¹.

В социалистическом уголовном процессе человек, оказавшийся свидетелем преступления, становится активным помощником органов расследования и суда в раскрытии преступления и установлении истины. Это обуславливается прежде всего единством общественных и личных интересов борьбы с преступностью.

Доверие к свидетелю основано на многолетней общественной практике, подтверждающей, что человек обладает необходимыми физическими, психологическими, нравственными качествами для того, чтобы быть надежным средством информации о тех фактах, которые нашли свое отражение в его сознании. Нравственными принципами морального кодекса строителя коммунизма являются: высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушителям общественных интересов, честность и правдивость, непримиримость к несправедливости и др.² Они лежат в основе добросовестности свидетелей и объективности их показаний. В советском уголовном судопроизводстве действует презумпция добропорядочности свидетелей. Это, однако, не исключает необъективность свидетеля, его ложь, а также неправильное освещение фактов в результате добросовестного заблуждения. Все это, несомненно, затрудняет познание обстоятельств, подлежащих доказыванию, и установление истины, но не может этому помешать, поскольку такие показания свидетелей являются редким исключением, а главное — органы расследования и суд располагают необходимыми средствами для всесторонней проверки и оценки таких показаний, для выявления лжесвидетельства и объективного заблуждения свидетелей.

---

¹ См.: Лубенский А. И. Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств. М., 1977, с. 59—65, 73—74, 93—99; Николайчик В. М. США: «биль о правах» и полицейское расследование. М., 1973, с. 213—251; Гуценко К. Ф. Уголовный процесс основных капиталистических государств. М., 1969, с. 19—43.

² См.: Программа КПСС. М., 1974, с. 120.

Роль свидетельских показаний и их распространенность в уголовном судопроизводстве делают проблему показаний свидетелей одной из первостепенных в теории доказательств. С ней связаны: совершенствование системы гарантий достоверности и полноты показаний свидетеля и обеспечение защиты прав личности свидетеля как участника уголовного судопроизводства.

Свидетелем для дачи показаний может быть вызвано любое лицо, которому известны какие-либо обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу (ст. 72 УПК). Свидетель — это участник уголовного процесса. Лицо, вызванное на допрос к следователю, прокурору, в суд приобретает с этого момента процессуальные права и обязанности свидетеля и вступает в определенные процессуальные отношения, становится их участником, а следовательно, и участником судопроизводства. Лишены достаточных оснований и внутренне противоречивы утверждения о том, что, хотя свидетель привлекается к участию в деле, он «...не является участником процесса»³, что свидетели «...являются субъектами отдельных уголовно-процессуальных правоотношений, но не субъектами процесса, не его участниками»⁴. В качестве основных аргументов в пользу таких утверждений иногда ссылаются на то, что о свидетелях не упоминается в главе 3 УПК, посвященной участникам процесса, и что у них иной объем прав и обязанностей, иное назначение в процессе, чем у лиц, названных в этой главе УПК.

Прежде всего, уголовно-процессуальный закон относит к участникам процесса не только лиц, перечисленных в главе 3 УПК. Так, например, ст. 262 УПК предусматривает, что «все участники процесса обращаются к суду, дают свои показания и делают заявления стоя». Несомненно, в данном случае к участникам процесса закон относит и свидетелей. Нельзя не обратить внимание и на такое обстоятельство. В главе 3 УПК в качестве участника процесса назван переводчик (ст. 57 УПК). Допустим, следователь для допроса свидетеля был вынужден вызвать переводчика. Какие соображения могут убедить в том, что лицо, которое дает показания, — не участник процесса, а тот, кто переводит эти показания, — участник. Но главное не в этом. Методологиче-

³ Якуб М. Л. Показания свидетелей и потерпевших. М., 1963, с. 83.

⁴ Смыслов В. И. Свидетель в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 41.

ской основой правильного решения в уголовно-процессуальной теории вопроса об участниках судопроизводства должно быть соотношение категорий общего, частного и особенного. То, что те или иные лица обладают процессуальными правами, несут определенные обязанности, могут вступать в процессуальные отношения и осуществлять процессуальную деятельность, является тем общим признаком, который позволяет объединить их всех общим понятием «участники процесса». Различный объем их процессуальных прав и обязанностей, различное назначение в процессе носят частный характер и могут быть использованы для той или иной классификации участников процесса. Такой подход ориентирует на выяснение как общих, так и особенных свойств участников процесса. С этих позиций необходимо решать вопрос и о процессуальном положении свидетеля, о его правовом статусе, о его процессуальных правах и обязанностях (ст. ст. 73, 74, 155—160, 282—286 УПК).

Показания свидетеля характеризуются определенными признаками. Основные из них состоят в следующем:

— это устное сообщение о фактах, а не письменная информация;

— это сообщение об обстоятельствах, имеющих значение по уголовному делу;

— это сообщение, которое делают лица, специально вызванные для допроса в качестве свидетеля;

— это сообщение, которое получают в установленном законом порядке должностные лица и органы, имеющие право допрашивать свидетелей в уголовном процессе.

Анализируя сущность показаний свидетеля, иногда подчеркивают, что это — сообщение, которое сделано «...лицом, не несущим ответственности за совершение данного преступления»⁵, т. е. лицом, непричастным к преступлению. Но это совсем не обязательный признак показаний свидетеля. Как правило, бывает так, но возможно и другое. Закон не запрещает лицу, вызванному в качестве свидетеля, рассказать о своем участии в преступлении; в этом случае его показания не перестают быть показаниями свидетеля. Право на такие показания у свидетеля есть, другое дело, что он не несет обязанности давать подобные показания, но это уже иной аспект данного вопроса, и он будет рассмотрен позже.

---

⁵ Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 567.

Показания свидетелей в уголовно-процессуальной теории и на практике принято рассматривать как один из видов источников доказательств. Это верно лишь в том случае, если к доказательствам относятся только фактические данные. Но поскольку доказательства, как это отмечено ранее, представляют собой единство фактических данных и их процессуальных источников, правильнее показания свидетелей (как и другие источники) рассматривать в качестве видов доказательств.

В основе показаний свидетеля лежит личное восприятие событий, действий, фактов, тех или иных обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу. Показания свидетеля состоят из сообщения сведений о фактах, которые он сам наблюдал, об обстоятельствах, которые ему лично известны. Свидетель может сообщить сведения и о фактах, которые он лично не наблюдал, но знает о них из других источников, при условии, если, как было отмечено выше, он может указать источник своей осведомленности (ст. 74 УПК). Если свидетель не в состоянии этого сделать, то его информация теряет значение доказательства, но она может сыграть определенную роль в познавательном процессе, например, для построения версий и т. д. Вместе с тем показания свидетеля со слов других лиц, когда источник осведомленности назван, образуют полноценные доказательства, которые в равной мере с другими должны проверяться и оцениваться. Причем иногда показания со слов других лиц содержат более верные сведения о фактах, чем показания самих очевидцев этих фактов. Поэтому нельзя согласиться с тем, что «самостоятельное доказательственное значение показаний таких лиц невелико, и суд не должен основывать свои выводы по делу на показаниях свидетелей, сообщающих о происшедшем со слов других лиц»⁶.

В уголовно-процессуальной теории очень распространено суждение о так называемой «незаменимости» свидетелей⁷, чем якобы и объясняется запрещение совмещать обязанности свидетеля, судьи и некоторых других участников процесса (ст. ст. 59, 63, 67 УПК). Но дело здесь совсем не в том, что свидетель незаменим. Запрещение совмещать обязанности свидетеля с обязанностями следователя, судьи и т. д. вызвано прежде всего необходимостью обеспечить объективность

⁶ Смыслов В. И. Указ. соч., с. 13.

⁷ См.: Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976, с. 133; Смыслов В. И. Указ. соч., с. 30.

лиц, осуществляющих судопроизводство, которые, собирая, проверяя и оценивая доказательства, не должны находиться в зависимости от сложившегося у них субъективного представления о тех или иных событиях в результате личного наблюдения этих событий. Учитывается в данном случае и то, что лицо, наблюдавшее обстоятельства, имеющие значение по делу, целесообразнее использовать как свидетеля, как источник доказательств, поручив расследование и рассмотрение дела другим лицам. Поэтому следователь, прокурор, судья, оказавшись очевидцами событий преступления, не должны по данному делу выполнять свои профессиональные функции на всех стадиях процесса, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела. Не основано на законе утверждение, что они имеют право возбудить дело с тем, чтобы расследование проводили уже другие лица⁸. Правило об отводе участников процесса касается всего производства по делу, и для стадии возбуждения уголовного дела закон не предусматривает каких-либо исключений.

В отдельных случаях получить свидетельские показания можно от лиц, которые выполняли или выполняют обязанности некоторых участников процесса.

В качестве свидетелей могут быть допрошены законные представители обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего (ст. 72 УПК). В уголовно-процессуальном законе не урегулирован порядок допроса гражданских ответчиков. Если ими являются граждане, которым известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение по делу, надо полагать, что их допрос в качестве свидетелей вполне допустим.

Понятые, специалисты, переводчики могут дать показания в качестве свидетелей относительно обстоятельств, связанных с проведением следственных действий, в которых они принимали участие.

Сотрудники милиции, оперативные работники могут быть допрошены, например, о действиях лица в момент его задержания и по другим вопросам. Это влечет их отстранение от участия в расследовании данного уголовного дела.

В некоторых особых случаях может возникнуть необходимость в получении свидетельских показаний от следователя, прокурора, судьи, принимавших участие в производстве по делу, например, для выяснения обстоятельств утраты доказательства и по другим вопросам. Закон не запрещает подоб-

⁸ См.: Смыслов В. И. Указ. соч., с. 31.

ных допросов, после которых должностное лицо, разумеется, должно быть отстранено от дальнейшего участия в производстве по делу.

Закон не предусматривает каких-либо возрастных ограничений для свидетелей. Показания в качестве свидетелей могут давать и малолетние и престарелые лица. Если у следователя или суда возникают сомнения в способности этих лиц давать правильные показания, то для решения этого вопроса должна быть назначена экспертиза.

Предусматривая, что в качестве свидетеля для дачи показаний может быть вызвано любое лицо, уголовно-процессуальный закон устанавливает лишь два исключения из этого правила (ст. 72 УПК):

1. Не допрашивается в качестве свидетеля защитник обвиняемого об обстоятельствах дела, которые стали ему известны в связи с выполнением обязанностей защитника. Правило это является необходимым условием эффективности института защиты в уголовном судопроизводстве, гарантией права обвиняемого на защиту. Исходя из этого следует полагать, что защитник не может быть допрошен об обстоятельствах, ставших ему известными по делу, не только после того, как он принял на себя защиту, но и в других случаях выполнения им своих профессиональных обязанностей, например, в ходе беседы с обвиняемым и другими лицами, пришедшими к адвокату за юридической консультацией.

2. Не допрашивается в качестве свидетеля лицо, которое в силу своих физических или психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. Поэтому при возникновении сомнений в способности лица давать правильные показания необходимо всегда назначать соответствующую экспертизу (п. 3 ст. 79 УПК).

Уголовно-процессуальный закон не предусматривает каких-либо ограничений в допросе свидетелей, непосредственно заинтересованных в исходе дела. Это содействует всестороннему и полному исследованию обстоятельств дела, а также принципу свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению. Не устанавливает закон и каких-либо исключений для допроса в качестве свидетелей близких родственников обвиняемого. Но вопрос этот заслуживает особого внимания. Деятельность органов расследования и суда свидетельствует о том, что возложение на близких родственников обвиняемого обязанности во всех случаях давать показания

существенно затрагивает их интересы, а, с другой стороны, иногда отрицательно отражается на установлении истины и решении задач судопроизводства. Нередко некоторые лица, несмотря на возложенную на них обязанность давать показания, в силу причин, заслуживающих внимания, пытаются уклониться от ее выполнения, а если им приходится давать показания, то изложение обстоятельств, известных им по делу, не всегда бывает правдивым. Все это осложняет работу органов расследования и суда, мешает быстрому раскрытию преступления.

Отношения между обвиняемым и свидетелем — близким родственником обвиняемого очень сложные и своеобразные. Свидетель часто находится в трудном положении. Он понимает значение совершенного преступления и свой моральный долг рассказать о нем и вместе с тем, испытывая естественные родственные чувства к обвиняемому, желает защитить его. Подавлять эти чувства, требовать показаний под угрозой уголовной ответственности вряд ли целесообразно и нравственно оправданно. В подобных случаях обстоятельства преступления необходимо устанавливать иными путями и средствами, не прибегая к допросу свидетеля — близкого родственника обвиняемого. Практически при умелой организации расследования и рассмотрения дела в суде это всегда можно сделать.

Свидетельский иммунитет не следует рассматривать как помеху в решении задач судопроизводства. Иногда утверждают, что по некоторым уголовным делам нет иных источников доказательств, кроме свидетелей — близких родственников обвиняемого. Это неверно. Опытный, квалифицированный следователь, судья всегда сумеет найти иные источники доказательств. Опыт других социалистических стран свидетельствует о том, что использование свидетелями — родственниками обвиняемого своего права отказаться от дачи показаний не препятствует успешному осуществлению правосудия. Изучение этого опыта и учет нашей судебной практики могут повлиять на решение вопроса о свидетельском иммунитете близких родственников обвиняемого. Введение свидетельского иммунитета содействовало бы расширению нравственных начал уголовного судопроизводства и более удачному сочетанию задач уголовного судопроизводства и интересов личности⁹.

⁹ О свидетельском иммунитете см.: Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971, с. 124—129; Смыслов В. И. Указ. соч., с. 26—29.

2. **Предмет показаний.** В показаниях свидетелей должны содержаться сведения о фактах, установление которых имеет значение по уголовному делу. Прежде всего — это обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу и предусмотренные ст. 68 УПК: событие преступления; виновность обвиняемого и мотивы преступления; обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого; характер и размер ущерба, причиненного преступлением.

Кроме того, с помощью показаний свидетелей выясняются и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (ч. II ст. 68 УПК). Но предмет свидетельских показаний этим не ограничивается. В показаниях свидетеля могут содержаться сведения о побочных, вспомогательных, доказательственных фактах; об обстоятельствах, установление которых необходимо для обнаружения других доказательств, для правильной оценки доказательств, для решения частных вопросов, таких, например, как судьба вещественных доказательств, и др.

Показания свидетеля должны содержать сведения о его взаимоотношениях с обвиняемым и потерпевшим и в связи с этим данные о личности обвиняемого, потерпевшего и самого свидетеля. Это необходимо для проверки и правильной оценки доказательств.

Предмет показаний свидетеля — это конкретные факты, так как лишь в том случае, когда свидетель сообщает сведения о конкретных фактах, им воспринятых, органы расследования и суд получают доказательства. Но это не означает, что «предмет показаний свидетеля составляют только фактические данные, известные ему, но не доводы и объяснения фактов и не предположения»¹⁰, что «выводы свидетеля о фактах, им не воспринятых или забытых, не допускаются как доказательство и не могут составлять предмет его показаний»¹¹. В данном случае смешиваются два вопроса: что может быть доказательством при получении информации от свидетеля и что может быть предметом показаний свидетеля. Разумеется, оценочные суждения, выводы и объяснения, а также всякого рода предположения не составляют доказательства, но это не значит, что они не могут содержаться в показаниях свидетеля и не имеют никакого значения для доказывания. Они входят в предмет показаний свидетеля и могут влиять на процесс познания фактических обстоятельств дела

¹⁰ Якуб М. Л. Указ. соч., с. 89.

¹¹ Там же, с. 90.

и установление истины. На их основе органы расследования и суд могут строить версии, планировать ход расследования и рассмотрения дела.

Необходимо иметь в виду и то, что сообщение свидетелем сведений о фактах неразрывно связано с оценкой им этих фактов, с его суждениями о них. Суждения эти помогают проникнуть в суть фактов, лучше их понять. Но для правильного использования в уголовно-процессуальном доказывании свидетельских показаний важно различать в них сведения о конкретных фактах и суждения, не основанные на личном восприятии фактов. Не всегда это просто сделать, помочь в этом следователю, прокурору, судье могут их знания и практический опыт¹².

Предметом показаний свидетелей могут быть обстоятельства, составляющие государственную или служебную тайну. Свидетель не вправе отказаться сообщить те или иные сведения на том основании или под предлогом, что они составляют государственную или служебную тайну. Для сохранения государственной тайны проводится закрытое судебное разбирательство (ст. 18 УПК).

Хотя уголовно-процессуальный закон не предусматривает каких-либо исключений для получения свидетельских показаний, составляющих государственную или служебную тайну, необходимо иметь в виду, что в некоторых законодательных актах установлены особые правила сохранения тайны. Так, ст. 19 Закона РСФСР о здравоохранении предусматривает, что врачи не вправе разглашать сведения о болезни, интимной и семейной сторонах жизни больного и что сведения эти по требованию следственных и судебных органов могут быть даны лишь руководителями учреждений здравоохранения. В ст. 110 Кодекса о браке и семье РСФСР предусмотрено запрещение разглашать тайну усыновления и сообщать какие-либо сведения об усыновлении, а в ст. 124¹ УК РСФСР предусмотрена уголовная ответственность за разглашение тайны усыновления против воли усыновителя.

В юридической литературе уже обращалось внимание на необходимость, с одной стороны, устранить некоторое несоответствие в этом вопросе между нормами различных отраслей права, предусмотрев определенный порядок получения показаний свидетелей, касающихся государственной или служебной тайны, а с другой стороны, разрабо-

¹² См.: Якуб М. Л. Указ. соч., с. 91—96.

тать дополнительные гарантии, обеспечивающие сохранность тайны в ходе расследования и судебного разбирательства уголовных дел¹³.

Рассматривая предмет свидетельских показаний, следует решить вопрос о том, могут ли к нему относиться обстоятельства, указывающие на причастность к преступлению самого свидетеля. По данному вопросу Ф. Н. Фаткуллин пишет: «Все факты и обстоятельства, составляющие предмет свидетельских показаний, должны относиться к преступному деянию, совершенному другим лицом. Нельзя включать сюда противоправные действия (бездействие), учиненные лицом, выступающим в роли свидетеля»¹⁴. Это неточно. Неверно исключать указанные обстоятельства вообще из предмета показаний свидетеля. Свидетель имеет право касаться своего отношения к преступлению, и своего участия в нем, если считает это необходимым. Это может быть связано и с самообвинением и с желанием оправдать себя в тех случаях, когда в отношении него возникли какие-то подозрения. В этих случаях показания свидетеля могут содержать сведения о его причастности к преступлению.

Другой вопрос состоит в том, что на свидетеля нельзя возлагать обязанность давать показания о своем участии в преступлении. Такая обязанность превращала бы свидетеля, по существу, в обвиняемого или подозреваемого, а они, как известно, не несут обязанности давать показания. Обосновывая все это, М. Л. Якуб, однако, полагает, что в некоторых случаях свидетели, давая показания, должны рассказывать и о своем отношении к преступлению. К таким случаям он относит допрос лиц, причастных к преступлению, если они не достигли возраста, по наступлении которого возможна уголовная ответственность, если они по тем или иным причинам освобождены от уголовной ответственности с прекращением уголовного дела, а также в случаях, когда в совершении преступления подозреваются несколько лиц, а оснований для привлечения их в качестве обвиняемых или подозреваемых нет¹⁵.

Нетрудно заметить, что все эти исключения сводят на нет само правило, заключающееся в том, что закон не возлагает как на обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, так и вообще на любого другого человека обязанности давать показан-

¹³ См.: Смыслов В. И. Указ. соч., с. 34—39.

¹⁴ Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 132.

¹⁵ См.: Якуб М. Л. Указ. соч., с. 101—104.

ния о своем участии в преступлении. Между тем на практике в стадии предварительного расследования перед свидетелями нередко ставят вопросы, отвечая на которые, они вынуждены говорить о своем участии в преступлении. Оправдывается это тем, что для привлечения лица в качестве обвиняемого или подозреваемого еще нет оснований, а поскольку это лицо допрашивается свидетелем, следовательно, давать показания и отвечать на вопросы является его обязанностью. Но истинные причины этого в другом. Как видно, следовательно иногда «удобнее» иметь дело со свидетелем, чтобы получить от него необходимую информацию, чем с обвиняемым или подозреваемым, которые могут отказаться от дачи показаний, заявить, например, отвод следователю, воспользоваться и некоторыми другими своими правами, которых нет у свидетеля. Допрашивают в качестве свидетелей лиц об их причастности к преступлению еще и с надеждой получить больше оснований для последующего привлечения этих лиц в качестве обвиняемых или подозреваемых.

Военная коллегия Верховного Суда СССР в своем частном определении по уголовному делу обратила внимание на нарушение закона, которое выразилось в том, что на протяжении всего предварительного следствия свидетеля допрашивали о его участии в преступлении, лишив его тем самым права на защиту¹⁶. Если у следователя нет оснований для привлечения лица в качестве обвиняемого или подозреваемого, то у него нет оснований и для постановки перед этим лицом вопроса об его участии в преступлении. Такой вопрос является незаконной формой предъявления обвинения. Требование обязательного ответа на него лишает человека права на защиту. Подобные вопросы свидетелю недопустимы со стороны следователя в какой бы форме они ни были заданы. Недопустимы они как в том случае, когда у следователя уже есть основания для привлечения лица в качестве обвиняемого или подозреваемого, так и тем более в случае, когда таких оснований нет. Таким образом, показания свидетелей могут содержать сведения об их причастности к преступлению только в результате реализации ими своего права дать такие показания. Свидетель не обязан рассказывать об этом, ему не могут быть заданы вопросы об его участии в преступлении.

В юридической литературе обоснованно предлагалось до-

¹⁶ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1974, № 4, с. 25—26.

полнить уголовно-процессуальный закон нормой, которая за-
прещала бы ставить перед свидетелем вопросы о его участии
в преступлении и предусматривала бы его право не давать
показания об обстоятельствах, касающихся его участия в
преступлении.

3. **Допрос.** Средством получения показаний свидетеля яв-
ляется его допрос. Порядок допроса регламентирован уголов-
но-процессуальным законом. Процессуальные нормы, уста-
навливающие порядок допроса, точное их исполнение являют-
ся гарантией полноты и достоверности показаний свидетелей.
Но обеспечивается это не только правовыми процессуальны-
ми средствами. Гарантиями полноты и достоверности показа-
ний свидетелей являются также тактические, психологиче-
ские, этические приемы допроса свидетелей, разрабатывае-
мые криминалистикой, юридической психологией, судебной
этикой¹⁷.

«Волны жизни, — писал А. Ф. Кони — выбрасывают в суд
массу свидетелей со всем разнообразием их общественного
положения, мирозерцания, образования, темперамента и
способа выразиться»¹⁸. Все это необходимо учитывать сле-
дователю, прокурору, судье в многочисленных и разнообраз-
ных ситуациях, возникающих в ходе допроса свидетеля. Один
и тот же свидетель может рассказать разное в зависимости
от того, как следователь или судья обошлись с ним: какой
тактики допроса они придерживались. Для них допрос сви-
детеля обычное, повседневное дело, а для свидетеля — это
может быть, единственное в его жизни событие подобного ро-
да. Поэтому он относится к нему с волнением и тревогой.
Успех допроса прежде всего зависит от уважительного и вни-
мательного отношения к свидетелю. В этом случае свидетель
проникается сознанием важности своей миссии и данных им
показаний.

Основой тактических приемов допроса являются поло-
жения уголовно-процессуального закона.

Свидетель обязан явиться по вызову следователя, про-
курора, суда и дать правдивые показания (ст. 73 УПК). Вы-
зывается свидетель на допрос повесткой (ст. 155 УПК). Если

¹⁷ См.: Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1975, с. 299—
338; Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика.
Воронеж, 1973, с. 98—117; Порубов Н. И. Допрос в советском уго-
ловном судопроизводстве. Минск, 1973; Васильев А. В., Карнее-
ва Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970.

¹⁸ Кони А. Ф. Избр. произв. в 2-х т., т. 1. М., 1959, с. 140.

Он не явился на допрос без уважительной причины, то может быть подвергнут приводу. За отказ или уклонение от дачи показаний свидетель несет ответственность по ст. 182 УК, а за дачу заведомо ложных показаний — по ст. 181 УК. Свидетели по одному и тому же делу допрашиваются порознь, в отсутствие других свидетелей; следователь должен принимать меры к тому, чтобы они не общались между собой (ст. 158 УПК). Перед допросом следователь и суд удостоверяются в личности свидетеля, разъясняют ему обязанности и предупреждают об ответственности за отказ и уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний (ст. ст. 158, 282 УПК). Закон не предусматривает перед допросом разъяснение свидетелю его прав, но это следует делать в целях охраны интересов личности и повышения у свидетеля чувства гражданского долга.

Действующее законодательство в отличие от прошлого предусматривает разъяснение в судебном заседании обязанностей свидетеля и его ответственности каждому свидетелю отдельно перед его допросом, а не всем вместе в подготовительной части судебного разбирательства, как это делалось раньше по УПК РСФСР 1923 г. Однако на практике это правило нередко нарушают, а некоторые практические работники предлагают вернуться к прежнему порядку и даже ограничиться разъяснением свидетелям их обязанностей и ответственности один раз — в стадии предварительного расследования, поскольку в суде это занимает чрезвычайно продолжительное время и отнимает у суда много сил, которые целесообразнее было бы использовать для целей установления истины по делу¹⁹. Все это свидетельствует о недооценке действующего правила предупреждения свидетелей, как определенной гарантии полноты и достоверности их показаний. Формальное исполнение этого правила снижает его эффективность. Судьям необходимо, несмотря на привыкание к однообразию своих действий, выполнять акт предупреждения свидетеля перед его допросом в каждом случае в такой форме, чтобы это носило торжественный, серьезный характер и повышало у свидетеля чувство гражданской ответственности.

На практике весьма распространено неоднократное предупреждение в суде свидетелей об ответственности. Если

¹⁹ См.: Совершенствование организации и усиление воспитательно-предупредительного воздействия судебных процессов, Тез. докл. и сообщ. на Всесоюзн. науч. практич. конференции. М., 1974, с. 28, 134.

свидетель скажет в суде не так, как он говорил на допросе у следователя, ему начинают напоминать о ст. ст. 181, 182 УК, вновь предупреждать об ответственности за ложь. Закон не предусматривает повторного предупреждения в суде свидетеля об его ответственности; прибегая к этому, судьи должны представлять себе, что это может привести не к желаемому результату — склонить свидетеля к правдивым показаниям, а к психологическому насилию, в результате которого свидетель иногда признает «выгодным» для себя подтвердить прежние показания независимо от их достоверности.

В начале допроса следователь и суд устанавливают отношение свидетеля к обвиняемому, потерпевшему и выясняют сведения о личности допрашиваемого. Это необходимо для проверки и оценки показаний свидетеля.

Допрос по существу начинается с предложения свидетелю рассказать все известное ему по делу. Эта часть допроса называется свободным рассказом, смысл которого состоит в том, чтобы свидетель свободно, самостоятельно изложил все, что он считает нужным сказать об обстоятельствах, для выяснения которых он вызван на допрос. Только после этого свидетелю могут быть заданы вопросы. Тактическое значение этого процессуального правила для получения полных и достоверных показаний очевидно, однако следователи и судьи иногда от него отступают, перебивая свободный рассказ вопросами. Если свидетель затрудняется определить, о чем должен быть его рассказ, следователь и суд могут уточнить предмет показаний свидетеля, но направлять их своими рекомендациями и вопросами они не должны.

В законе закреплено очень важное тактическое правило допроса, заключающееся в том, что свидетелю нельзя задавать наводящие вопросы, т. е. вопросы, из содержания которых уже можно получить какие-то сведения для ответа.

Уголовно-процессуальное законодательство союзных республик предусматривает некоторые особенности допроса свидетелей в суде. Так, ст. 283 УПК РСФСР установила, что допрос свидетеля начинают судьи, а ст. 303 УПК УССР это право предоставила прокурору. Последнее правило более соответствует процессуальному положению прокурора и судей, состязательности судопроизводства.

В судебном заседании могут быть оглашены показания свидетеля, которые были им даны на предварительном следствии. Возможно это при наличии существенных противоречий между показаниями в суде и на предварительном

следствии, а также при отсутствии в судебном заседании свидетеля по причинам, исключающим возможность его явки в суд (ст. 286 УПК). Оглашать показания можно только после того, как свидетель закончит свободный рассказ. Между тем нередко стоит свидетелю, приступившему к своим показаниям в суде, сказать о чем-то не так, как он говорил на допросе у следователя, председательствующий в суде останавливает его, начинает оглашать ранее данные показания, выяснять, подтверждает ли он их. Это препятствует объективному исследованию материалов дела.

Иногда в суде оглашают показания неявившихся свидетелей, не выяснив причину их неявки, а также в том случае, когда они не смогли явиться по уважительной причине. Но закон разрешает оглашать показания свидетелей, если они отсутствуют в судебном заседании по причинам, исключающим возможность их явки в суд (смерть, длительная болезнь и т. д.), а не просто по уважительным причинам. В последнем случае, если суд считает невозможным рассмотреть дело без показаний неявившихся свидетелей, рассмотрение дела должно быть отложено, а свидетели вызваны для допроса в суд²⁰.

Законом предусмотрены некоторые особенности допроса несовершеннолетних свидетелей (ст. 156, 159, 285 УПК). Свидетелям, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, разъясняется необходимость правдиво рассказать все известное им по делу, но они не предупреждаются об ответственности по ст. ст. 181 и 182 УПК. При допросе лиц в возрасте до 14 лет, а по усмотрению следователя и суда — в возрасте от 14 до 16 лет — принимает участие педагог. В случае необходимости вызываются также законные представители несовершеннолетнего или его близкие родственники. В судебном заседании допрос несовершеннолетнего свидетеля, когда этого требуют интересы установления истины, может быть проведен в отсутствие подсудимого.

Показания свидетелей протоколируются с соблюдением требований ст. ст. 141, 142, 159, 160, 264 УПК. Кроме того,

---

²⁰ Уголовно-процессуальное законодательство некоторых союзных республик допускает возможность оглашения в суде показаний свидетелей, не явившихся в судебное заседание по уважительным причинам (ст. 268 УПК Казахской ССР). Правило, предусмотренное в ст. 286 УПК РСФСР и аналогичных статьях УПК других союзных республик, более соответствует принципу непосредственности судопроизводства и задаче установления объективной истины по делу.

при допросе свидетеля может применяться звукозапись (ст. 141¹, 264 УПК). Протокол допроса и звукозапись предъявляются свидетелю для прочтения и прослушивания. Свидетель имеет право требовать внесения в них необходимых поправок и дополнений. По просьбе свидетеля ему должна быть обеспечена возможность написать свои показания собственноручно.

4. Показания потерпевшего. Показания потерпевшего являются одним из видов доказательств, на основании которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (1958 г.) существенно изменили положение в уголовном процессе лиц, пострадавших от преступления. В прошлом их роль чаще всего сводилась к даче свидетельских показаний, сейчас они признаются потерпевшими и как участники судопроизводства пользуются широкими процессуальными правами, несут процессуальные обязанности.

В характеристике показаний свидетелей и показаний потерпевших много общего. Однако последние отличаются некоторыми особенностями, которые вытекают из специфики процессуального положения потерпевших.

Прежде всего возникает вопрос о круге лиц, которые дают свои показания в роли потерпевших. Потерпевшими, как предусматривает закон, признаются лица, которым преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред (ст. 53 УПК). В уголовно-процессуальной теории и на практике высказаны различные суждения о понятии «потерпевший» и тем самым о круге лиц, которых необходимо допрашивать в качестве потерпевших²¹.

Потерпевшими следует признавать и допрашивать лиц, в отношении которых есть данные, указывающие на возможность причинения им преступлением не только морального, физического или имущественного вреда, но и иного вреда в виде нарушения охраняемого законом интереса. Такой вред может быть причинен, например, при совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 127, 128, 132, 134, 135 УК РСФСР.

В качестве потерпевших допрашиваются лица, которым вред хотя и не причинен, но мог быть причинен действиями,

²¹ См.: Савицкий В. М., Потеружа И. И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963, с. 5—19; Кокорев Л. Д. Потерпевший от преступления. Воронеж, 1964, с. 5—16; Дубровный В. А. Потерпевший на предварительном следствии. Саратов, 1966, с. 5—39.

заключающимися в приготовлении к преступлению или покушении на преступление.

Исходя из виктимологических исследований, иногда утверждают, что не следует признавать потерпевшими лиц, которые, хотя и пострадали от преступления, но своим ненадлежащим поведением способствовали совершению преступления и потому должны участвовать в деле и допрашиваться лишь в качестве свидетелей²². Суждения эти не соответствуют действующему законодательству, не согласуются они и с задачами судопроизводства. Предоставление лицам, лично заинтересованным в исходе дела, процессуальных прав преследует не только защиту их личных интересов, но и создание условий для более успешного расследования и рассмотрения уголовных дел и установления объективной истины. Лишение под тем или иным предлогом любого участника уголовного судопроизводства, будь то обвиняемый, потерпевший или иное лицо процессуальных прав не только ущемляет его интересы, но и приводит к серьезным ошибкам в доказывании, в осуществлении правосудия. Поэтому пострадавший от преступления всегда должен быть признан потерпевшим и именно в этом качестве давать показания в уголовном судопроизводстве. В профилактических целях следователь и суд должны выявлять виктимологические обстоятельства, но реагировать на них необходимо путем вынесения представлений и частных определений.

По делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть пострадавшего от преступления, его близкие родственники пользуются правами потерпевшего (ст. 53 УПК). В этом случае их допрашивают и они дают показания в качестве потерпевших.

Каждый пострадавший от преступления должен быть признан потерпевшим. Установив пострадавшего от преступления, следователь выносит постановление, а суд — определение о признании лица потерпевшим; ему разъясняются права и обязанности потерпевшего, лишь после этого он может быть допрошен.

К особенностям показаний потерпевшего в сравнении с показаниями свидетеля можно отнести следующие.

Потерпевший, как и свидетель, обязан давать правдивые показания (ст. 75 УПК) и несет ответственность по ст. ст.

²² См.: Дубровный В. А. Указ. соч., с. 22—39; Стремовский В. А. Участники предварительного следствия. Ростов н/Д, 1966, с. 209.

181, 182 УК²³. Но в отличие от свидетеля он имеет право давать показания. Реализуя свое право, потерпевший может настаивать на том, чтобы органы расследования и суд в любой момент процесса выслушали его. Этому праву соответствует обязанность следователя, суда допросить потерпевшего и с учетом его показаний проводить расследование и разбирательство дела. Подобного права нет у свидетеля²⁴.

Особенностью показаний потерпевшего является то, что они исходят от человека, лично заинтересованного в исходе дела. Заинтересованность эту необходимо рассматривать в двух аспектах: как стимул к активному участию потерпевшего в раскрытии преступления и установлении истины по делу и как причину возможной необъективности потерпевшего. Поэтому показания потерпевшего и его показания нужно эффективнее использовать в уголовно-процессуальном доказывании, а, с другой стороны, сведения, полученные от него, — тщательно проверять и оценивать с учетом возможной его необъективности.

Особенностью показаний потерпевшего является и то, что они исходят от участника процесса, который имеет возможность знакомиться с материалами дела и потому его показания иногда могут отражать не факты, непосредственно им воспринятые, а сведения, почерпнутые из материалов дела. Это необходимо учитывать при проверке и оценке показаний потерпевшего. Вместе с тем, как свидетельствует практика, потерпевшие в абсолютном большинстве случаев используют свое право на ознакомление с материалами дела не для построения затем ложных показаний, а для того, чтобы изложить свое мнение об имеющихся и возможных доказательствах по делу.

В судебном заседании, как предусматривает закон, по-

---

²³ Законодательство Украинской ССР не предусматривает обязанности потерпевшего давать показания и тем самым ответственности за отказ от дачи показаний и устанавливает лишь ответственность за дачу заведомо ложных показаний, в том случае, когда потерпевший решил их дать.

²⁴ В. И. Смыслов полагает, что свидетель имеет право давать показания, поскольку ст. 70 УПК указывает, что доказательства могут быть представлены любыми гражданами (Смыслов В. И. Указ. соч., с. 49). Нетрудно заметить, что в ст. 70 УПК речь идет не о праве граждан давать показания, а об их праве представлять доказательства. Кстати, в числе лиц, имеющих это право, в ст. 70 УПК названы обвинитель, защитник, которым, как это очевидно, не принадлежит право давать показания.

терпевший допрашивается по правилам, установленным для допроса свидетелей (ст. 287 УПК). Но в допросе потерпевшего есть некоторые особенности. Он не удаляется до допроса из зала судебного заседания и участвует в судебном разбирательстве на всем его протяжении; допрашивают потерпевшего в присутствии других потерпевших и, как правило, ранее допроса свидетелей. Это позволяет, с одной стороны, исключить влияние показаний свидетелей в суде на показания потерпевшего, а с другой — предоставить ему возможность активно участвовать в исследовании доказательств с начала судебного следствия.

§ 2. Показания обвиняемых и подозреваемых

1. Значение и сущность показаний обвиняемых. Показания обвиняемых — один из видов доказательств, на основании которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела (ст. 69 УПК). Они исходят от лица, в отношении которого на основании ст. ст. 143, 144 УПК вынесено постановление о привлении в качестве обвиняемого.

Показания эти прежде всего касаются сущности предъявленного обвинения, но в них могут содержаться и сведения об иных обстоятельствах, имеющих значение по уголовному делу. Показания обвиняемых, как и другие источники фактических данных, могут быть получены лишь в определенном, законом установленном порядке. Таким образом, показания обвиняемого — это сообщения лица, привлеченного в качестве обвиняемого, об обстоятельствах, составляющих сущность предъявленного обвинения, и иных обстоятельствах, имеющих значение по делу, полученные в порядке, предусмотренном законом.

Показания обвиняемых — один из важных источников информации. Они содействуют установлению истины, решению задач уголовного судопроизводства. Показания эти исходят от лиц, как правило, особо заинтересованных в благоприятном для них исходе дела, и это иногда влияет на объективность в изложении ими фактов, а еще чаще порождает сомнения в правдивости показаний этих лиц. Однако, как свидетельствует практика уголовного судопроизводства, по большинству уголовных дел обвиняемые дают правдивые показания, особенно к концу расследования и в судебном разбирательстве.

Рассматривая значение показаний обвиняемого, следует прежде всего иметь в виду два момента: их роль как источника фактических данных и их значение в осуществлении права обвиняемого на защиту.

Показания обвиняемого как источник сведений о фактах содействуют, во-первых, выяснению виновности или невиновности обвиняемого, и, во-вторых, установлению иных обстоятельств по делу, в частности, участия в преступлении других лиц.

Обвиняемый вправе давать показания, он не несет уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний (ст. 46 УПК). Этим его процессуальное положение существенно отличается от положения иных лиц, в частности свидетелей, для которых давать правдивые показания является обязанностью.

Право обвиняемого давать показания не сводится лишь к возможности отказаться от дачи показаний. Оно заключается также в праве на то, чтобы следователь, прокурор, суд выслушали его показания, учли и проверили все сказанное им. Многие ошибки в ходе уголовно-процессуального доказывания являются результатом невыполнения органами расследования и судом этой обязанности, результатом невнимательного, безразличного отношения к показаниям обвиняемых.

Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР неоднократно подчеркивали, что доводы обвиняемого, выдвинутые им в свою защиту, подлежат тщательной и всесторонней проверке; что приговор должен быть отменен, если по делу остались непроверенными показания обвиняемых, имеющие существенное значение для решения вопроса об обоснованности предъявленного им обвинения²⁵.

То, что обвиняемый имеет право, а не несет обязанности давать показания, иногда объясняют тем, что «...возложение на обвиняемого обязанности давать показания и установление за ее невыполнение уголовной (как это сделано в отношении свидетелей) или иной ответственности подорвало бы тот фундамент, на котором покоится достоверность показа-

²⁵ См.: Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. 1946—1962 гг. М., 1964, с. 40—43; Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР (1938—1969). М., 1971, с. 284—286, 332, 369—370; Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964—1972 гг. М., 1974, с. 447—454; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1977, № 1, с. 25—27; 1975, № 5, с. 27—30; 1971, № 1, с. 33—36.

ний обвиняемого,— их добровольность»²⁶. С таким объяснением причины, почему закон предоставил обвиняемому право, а не возложил на него обязанность давать показания нельзя согласиться. Добровольность показаний лиц, заинтересованных в исходе дела, вовсе не является гарантией достоверности их показаний.

Причина такого решения вопроса заключается не в надежде получить от обвиняемого правдивые показания, а в необходимости реально обеспечить ему право на защиту, с которым просто несовместима обязанность давать показания. Это вытекает и из нравственных принципов судопроизводства, согласно которым недопустимо заставлять человека доказывать свою невиновность, а тем более самому изобличать себя.

Закон не установил в отношении обвиняемого уголовной ответственности за ложные показания, но это совсем не означает, что за обвиняемым признано право на ложь. Правдивость — нравственный принцип советского человека, и никакого исключения из этого для обвиняемого закон не делает и не может сделать, так как это означало бы поощрение аморального поведения.

Необходимо разграничивать отсутствие у обвиняемого обязанности давать правдивые показания и право обвиняемого давать неправдивые показания²⁷. Смысл освобождения обвиняемого от уголовной ответственности за ложные показания не в том, чтобы предоставить ему право на ложь, а в том, чтобы гарантировать ему право на защиту. Ложные показания обвиняемого получают лишь моральную оценку. Только в том случае, когда они заключаются в оговоре заведомо невиновного лица, они, как обстоятельство, отягчающее ответственность, могут повлечь за собой правовые последствия (ст. 39 УК РСФСР).

За отказ от дачи показаний и за ложные показания обвиняемый не только не несет никакой ответственности, в этих случаях по отношению к нему недопустимы и какие-либо отрицательные процессуальные последствия.

Следователи и судьи иногда расценивают отказ обвиняемого от дачи показаний, а также то, что им даны ложные

²⁶ Каминская В. И. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. М., 1960, с. 35.

²⁷ См.: Мотовиловкер Я. О. Показания и объяснения обвиняемого, как средство защиты в советском уголовном процессе. М., 1956, с. 16—18.

доказания, как косвенное доказательство его вины. Аргументы в пользу этого можно встретить и в юридической литературе²⁸. Такая практика и попытка обосновать ее были подвергнуты справедливой критике²⁹. Ответственность за ложные показания, а также использование их во вред обвиняемому как обвинительное доказательство, означало бы нарушение его права на защиту, права давать показания.

Нельзя не учитывать и того, что ложные показания могут объясняться не только стремлением лица избежать ответственности, но и другими причинами. Кроме того, при наличии доказательств вины обвиняемого нет смысла приводить еще и такое «доказательство», как факт его ложных показаний, а если достаточных доказательств вины нет, то ссылка на такое «доказательство» вообще бесполезна.

Закон предусматривает право обвиняемого давать показания и объяснения (ст. ст. 46, 69, 77, 280 УПК), не указывая на особое различие между ними. В нормах уголовно-процессуального кодекса в одних случаях речь идет о показаниях обвиняемого, в других аналогичных случаях — о его объяснениях. Так, например, в ст. 46 УПК говорится о праве обвиняемого давать объяснение по предъявленному ему обвинению, а в ст. 77 УПК — о праве давать показания.

Несмотря на то, что в показаниях и объяснениях обвиняемого много общего, нельзя не заметить и определенного различия между ними. Показания, как правило, связаны с сообщением определенных фактов, являются их источником, у объяснений иная роль — отражать оценку, анализ различных обстоятельств по делу.

В своих показаниях обвиняемый излагает факты, подтверждающие или опровергающие предъявленное ему обвинение и влияющие на решение всех иных вопросов при осуществлении доказывания. Он может также приводить факты о действиях иных лиц, об их участии или неучастии в совершении преступления.

В своих объяснениях обвиняемый выражает свое отношение к предъявленному обвинению, анализирует доказательства и юридическую квалификацию, высказывает свое мнение

---

²⁸ См.: Мотовиловкер Я. О. Указ. соч., с. 17; Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967, с. 210.

²⁹ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, с. 429—430; Петрухин И. Имеют ли доказательственное значение ложные показания обвиняемого? — «Советская юстиция», 1965, № 7, с. 15—17.

относительно тех или иных ходатайств и действий других участников процесса, т. е. определяет свою позицию, свое отношение ко всему, что происходит в уголовном судопроизводстве.

2. Предмет показаний и объяснений обвиняемого. Обвиняемый вправе дать показания по предъявленному ему обвинению, по поводу иных известных ему обстоятельств по делу, имеющих в деле доказательств (ст. 77 УПК).

Предмет его показаний прежде всего определяется содержанием предъявленного ему обвинения. Обвиняемый имеет право знать, в чем его обвиняют и на основании каких материалов (ст. 46 УПК). Процессуальными гарантиями этого права являются: ознакомление обвиняемого с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 148 УПК), ознакомление его с материалами дела перед составлением обвинительного заключения (ст. 201 УПК) и после предания обвиняемого суду (ст. 236 УПК), вручение обвиняемому копии обвинительного заключения (ст. 237 УПК). Зная, в чем его обвиняют, обвиняемый дает свои показания относительно конкретных обстоятельств, связанных с обвинением, и тех доказательств, на которых оно основано.

Но предмет показаний обвиняемого не ограничивается лишь обстоятельствами, относящимися к составу преступления, в совершении которого ему предъявлено обвинение. В предмет показаний входят и все иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Предметом показаний могут быть мотивы и причины преступного поведения, сведения о потерпевшем, о взаимоотношениях с ним обвиняемого и т. д.

В своих показаниях обвиняемый говорит не только о себе, о своем участии или неучастии в преступлении. Его показания могут касаться действий других лиц, в том числе его соучастников. Показания обвиняемого в отношении других лиц иногда называют «оговором», о сущности которого в юридической литературе высказаны различные мнения. В основном спор идет о том, можно ли под оговором понимать любые уличающие показания обвиняемого, или только те, которые являются заведомо ложными³⁰. Наряду с этим воз-

³⁰ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 603; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 427—428; Добровольская Т. Н. Показания обвиняемого против других лиц в советском уголовном процессе. — «Учен. зап. ВИЮН», 1957, вып. 1 (5), с. 78 и сл.

никают сомнения и в необходимости такого особого процессуального понятия, как «оговор». Прежде всего, следует отметить, что отождествление оговора с любыми уличающими показаниями обвиняемого относительно других лиц не дает ничего нового, оригинального в решении той или иной процессуальной проблемы. Необходимо учитывать и то, что выделение из показаний обвиняемого особой их разновидности — «оговора» может породить представление о его особом доказательственном значении. Между тем любые показания обвиняемых, в том числе и в отношении иных лиц, являются рядовым доказательством и подлежат проверке и оценке наравне с другими доказательствами по делу.

Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР неоднократно обращали внимание судов на то, что обвинение не может быть основано лишь на показаниях сообвиняемого, если эти показания не подтверждаются другими объективными доказательствами³¹. Но это совершенно не означает, что показания обвиняемого о другом обвиняемом являются доказательствами «второго сорта». С точки зрения практики и теории доказательств один-единственный источник фактических данных (показание обвиняемого, свидетеля и т. д.) не может рассматриваться как достаточный для признания обвинения доказанным. То, что Верховные Суды СССР и РСФСР подчеркивают это в большей степени по отношению к показаниям обвиняемых, свидетельствует лишь о распространенности судебных ошибок, связанных с неправильным отношением к показаниям обвиняемых, когда в отдельных случаях им придают особое значение, а в других — недооценивают. Понимать под оговором только ложные, уличающие показания обвиняемого нет смысла, поскольку иметь окончательное суждение об истинности или ложности любого доказательства можно лишь тогда, когда оно уже выполнило свою роль как доказательство и получило оценку в приговоре суда.

В решении данного вопроса нельзя не учитывать и общепринятого понимания оговора как ложного обвинения, возведенного на другое лицо. В таком понимании оговор может быть не только со стороны обвиняемого, но и со стороны свидетеля, потерпевшего.

Предусмотренные законом такие понятия, как показания

---

³¹ См.: Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР, с. 284—286.

и объяснения обвиняемого, как видно, не нуждаются в том, чтобы различать с точки зрения процессуальной сущности и значения какие-либо их разновидности, в том числе и так называемый оговор.

В связи с тем, что обвиняемый может давать показания не только о себе, но и о других лицах, возникает вопрос: правом или обязанностью для обвиняемого является дача показаний о других лицах? По одному уголовному делу обвиняемые всегда вправе, а не обязаны давать показания друг о друге. Несколько иначе следует подходить к решению данного вопроса, когда обвиняемый (осужденный, оправданный, лицо, в отношении которого дело прекращено) дает показания о другом лице и по другому делу. Допрос обвиняемого о других лицах по другому делу возможен по разным причинам. Так, обвиняемый может быть осужден или оправдан, а затем возникнет необходимость его допроса в отношении другого лица по делу, которое было выделено в отдельное производство или позже возбуждено. Как свидетельствует практика, в подобных случаях обвиняемого (осужденного, оправданного, лицо, в отношении которого дело было прекращено) допрашивают в качестве свидетеля, предупреждая его об ответственности за отказ от дачи показаний и за ложные показания. Такие рекомендации содержатся и в юридической литературе³². Есть и другое мнение, заключающееся в том, что указанных лиц следует допрашивать по правилам допроса обвиняемых³³. Однако решить этот вопрос нужно несколько иначе. Указанные лица, когда возникает необходимость их допроса, участвуют в уголовном процессе не в качестве обвиняемых, а именно как свидетели. Поэтому их допрос должен соответствовать порядку допроса свидетелей, с предупреждением об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний. Это вполне оправдано, поскольку в данном случае показания одних лиц касаются действий других лиц. В тех же случаях, когда такие показания будут касаться личных действий тех, кто дает эти показания, касаться их обвинения в преступлении, хотя и рассмотренного ранее, давать такие показания должно быть правом, а не обязанностью этих лиц. Решение данного вопроса должно быть связано с решением общего вопроса о праве

³² См.: Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. Отв. ред. А. К. Орлов. М., 1976, с. 115.

³³ См.: Якуб М. Л. Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе. М., 1963, с. 73—80.

свидетеля не давать показания о своем участии или неучастии в преступлении.

К предмету показаний и объяснений обвиняемого необходимо отнести также его суждения, связанные с оценкой материалов дела, доказательств, обоснованности обвинения, юридической квалификации. Эта часть предмета показаний и объяснений обвиняемого вытекает из его права на защиту и имеет самое непосредственное отношение к процессу доказывания.

В своих показаниях и объяснениях обвиняемый может высказать те или иные версии по делу, заявить ходатайства. Закон (ст. 46 УПК и др.) особо говорит о праве обвиняемого давать показания, объяснения и о праве заявлять ходатайства. Несомненно, они имеют разную процессуальную природу, но это не дает оснований для утверждения, что ходатайства «...не могут быть отнесены к предмету показаний обвиняемого»³⁴. Обвиняемый в любой момент судебного производства может заявить то или иное ходатайство; он может это сделать и в ходе своих показаний и объяснений. Так часто и бывает, причем многие ходатайства непосредственно вытекают из показаний, тесно с ними связаны.

Верховный Суд СССР неоднократно обращал внимание судов на то, что каждое ходатайство обвиняемого должно тщательно обсуждаться и что недопустимо их отклонение лишь по тем основаниям, что они заявлены несвоевременно³⁵.

С показаниями обвиняемого могут быть связаны ходатайства, направленные на выяснение обстоятельств преступления, установления истины по делу, например, ходатайства о проверке тех или иных доказательств, о проведении следственных действий и т. д. С показаниями обвиняемого могут быть связаны ходатайства о принятии органами расследования, судом тех или иных процессуальных решений: о прекращении дела, о направлении дела для дополнительного расследования и т. д.

Следователь, прокурор, суд должны внимательно относиться к каждому заявленному ходатайству, независимо от того, содержится оно в показаниях и объяснениях обвиняемого или представляет собой самостоятельное процессуальное

³⁴ Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 602.

³⁵ См.: Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. 1946—1962 гг. М., 1964, с. 148—149, 211, 258—259; Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР, с. 330—331.

действие. Ходатайства, имеющие значение для дела, подлежат обязательному удовлетворению (ст. ст. 131, 276 УПК). Анализ следственной и судебной практики свидетельствует о том, что многие судебные ошибки являются результатом невнимательного отношения к заявлениям обвиняемых, результатом необоснованного отклонения их ходатайств.

По своему содержанию показания и объяснения обвиняемого относительно предъявленного ему обвинения могут заключаться либо в признании своей вины, либо в ее полном или частичном отрицании.

Показания обвиняемого в сравнении с другими источниками фактических данных не обладают никакими преимуществами с точки зрения их доказательственного значения. Все доказательства равноценны в их значении по установлению любых обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Между тем на практике очень распространены, с одной стороны, переоценка значения показаний обвиняемых, признающих свою вину, а с другой — недооценка показаний обвиняемых, опровергающих обвинение. Причем и то и другое является проявлением одной и той же ошибки — обвинительного уклона в оценке показаний обвиняемого. Нередко следователи, прокуроры и судьи с недоверием относятся к показаниям обвиняемых, в которых те отрицают свою вину, и в связи с этим не проверяют всесторонне эти показания. Признание же обвиняемым своей вины расценивается как надежное доказательство, облегчающее и упрощающее весь процесс доказывания. Такое отношение к показаниям обвиняемых, как свидетельствует судебная и следственная практика, приводит к ошибкам в доказывании.

В законе предусмотрено, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу (ст. 77 УПК). Правило это рождено судебно-следственной практикой и отражает ее потребности. В известной степени оно вносит формальный характер в оценку доказательств, ограничивая оценку доказательств по внутреннему убеждению определенной, заранее сформулированной в законе оценкой признания обвиняемым своей вины. Но внесение в данном случае формальных начал в оценку доказательств полностью соответствует задачам доказывания. Казалось бы, признание обвиняемым своей вины в большей степени, чем что-либо иное, свидетельствует о совершении им преступления, о его желании понести справедливое

наказание. Однако интересы правосудия не допускают осуждения человека, если признание им своей вины не подтверждается совокупностью доказательств по делу. Судебная практика знает немало случаев ложного признания своей вины, вызванного различными причинами. Однако переоценка значения признания обвиняемым своей вины и как следствие обвинительный уклон и судебные ошибки — не такая уж редкость. Это неоднократно отмечал Верховный Суд СССР. Так, в постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» Пленум Верховного Суда СССР потребовал «...устранить встречающиеся в судебной практике ошибочные взгляды об особом доказательственном значении признания обвиняемым своей вины»³⁶. В постановлении от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» Пленум Верховного Суда СССР вновь вынужден был обратить внимание судов на то «...что признание подсудимым своей вины может быть положено в основу обвинительного приговора лишь при подтверждении его совокупностью других доказательств, собранных по делу»³⁷. Подобные указания содержатся и в других постановлениях и определениях Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР³⁸.

В свете сказанного нельзя не согласиться с суждениями о том, что как бы ни вел себя обвиняемый — соглашался с обвинением или оспаривал его, — «необходимо, чтобы независимо от поведения обвиняемого были собраны доказательства, достаточные для вывода о виновности»³⁹. Возражения, высказанные в юридической литературе⁴⁰ против этого суждения, не учитывают, что оно направлено на обеспечение условий для наибольшей объективности и обоснованности выводов о виновности обвиняемого и может сыграть определенную роль в искоренении переоценки значения признания обвиняемым своей вины. Требование обосновать вину обвиняемого независимо от его показаний полностью вытекает из предписания закона (ст. 77 УПК) и соответствует задачам доказывания. Вывод о виновности обвиняемого должен вы-

³⁶ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973. М., 1974, с. 286.

³⁷ См. там же, с. 583.

³⁸ См.: Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР, с. 255, 284.

³⁹ Петрухин И. Имеют ли доказательственное значение ложные показания обвиняемого..., с. 16.

⁴⁰ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 607.

текать из всей совокупности доказательств, но если устранение из этой совокупности показаний обвиняемого приводит к тому, что обоснованность обвинения рушится, следует признать, что уголовно-процессуальное доказывание страдает в этом случае существенным изъяном, а объективная истина не установлена.

Все это вовсе не умаляет, как иногда полагают⁴¹, значения показаний и объяснений обвиняемого в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Разумеется, с их помощью необходимо устанавливать обстоятельства преступления и объективную истину, но в окончательном решении вопроса о доказанности обвинения, показания обвиняемого не должны играть решающей роли.

О переоценке в следственной и судебной практике значения признания обвиняемым своей вины свидетельствует стремление многих следователей, прокуроров и судей непременно добиться от обвиняемых чистосердечного раскаяния. Закон рассматривает чистосердечное раскаяние как обстоятельство, смягчающее ответственность (ст. 38 УК РСФСР). Оно, разумеется, желательно по каждому делу, и следователь, прокурор, судья должны разъяснять обвиняемому гуманный смысл закона. Но, как свидетельствует практика, речь о чистосердечном раскаянии очень часто идет не в отношении лиц, признавших себя виновными, а в отношении лиц, отрицающих свою вину, причем целью всего этого является получение от обвиняемого показаний, в которых он признал бы свою вину. Лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание, в подобных случаях интересует не столько чистосердечное раскаяние обвиняемого, сколько сам факт признания вины. В ходе допроса обвиняемым неоднократно «напоминают», что чистосердечное раскаяние смягчает ответственность, «убеждают» в необходимости раскаяться. Иногда это носит характер недопустимого психологического воздействия. В юридической литературе уже обращалось внимание на то, что гуманное положение уголовного права (п. 9 ст. 38 УК РСФСР) нельзя использовать в качестве процессуального средства принуждения обвиняемого признать свою вину⁴². Чистосердечное раскаяние обвиняемого должно возникнуть как проявление пробудившейся у него совести или чувства стыда, оно возможно лишь как совершенно добро-

⁴¹ См.: Мотовиловкер Я. О. Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль, 1974, с. 58—59.

⁴² См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. т. 1, с. 421—422.

вольная потребность лица признать свою вину, осудить свое поведение.

3. Допрос обвиняемого. Средством получения показаний и объяснений обвиняемого является его допрос. Порядок допроса регламентирован уголовно-процессуальным законом, который является основой тактических приемов допроса. Эти общие процессуальные правила получения показаний обвиняемого заключаются в следующем.

Обвиняемый обязан явиться по вызову следователя, прокурора и суда. В случае неявки без уважительных причин он может быть подвергнут приводу (ст. ст. 146, 147, 246, 247 УПК). Это не означает принуждения обвиняемого к даче показаний. Такая мера обусловлена обязанностью обвиняемого не уклоняться от следствия и суда, принять участие в уголовном судопроизводстве, а также необходимостью предъявить ему обвинение.

Прежде чем приступить к допросу обвиняемого следователь должен предъявить ему обвинение и разъяснить сущность обвинения (ст. 148 УПК), а также процессуальные права, которыми обвиняемый пользуется (ст. 149 УПК).

Предъявив обвинение, следователь обязан немедленно допросить обвиняемого. Допрос не разрешается в ночное время, кроме случаев, не терпящих отлагательства (ст. 150 УПК).

Обвиняемые, вызванные по одному и тому же делу, допрашиваются порознь, причем следователь принимает меры, чтобы они не общались между собой.

Приступив к допросу, следователь должен выяснить у обвиняемого данные, характеризующие его. К ним относятся не только биографические данные, но и иные сведения, которые необходимы по обстоятельствам дела, и которые могут, в частности, повлиять на последующую проверку и оценку показаний обвиняемого.

В начале допроса следователь выясняет у обвиняемого, признает ли он себя полностью или частично виновным. Получив лаконичный ответ, необходимо убедиться, что обвиняемый верно понимает сущность обвинения и правильно выражает свое к нему отношение.

Затем обвиняемый может дать показания и объяснения относительно предъявленного ему обвинения. Они должны носить характер свободного рассказа об известных ему обстоятельствах дела с объяснением своего отношения к предъявленному обвинению.

Лишь выслушав свободный рассказ обвиняемого, следователь может задать ему необходимые вопросы (ст. 150 УПК). Нередко следователи спешат прервать рассказ обвиняемого вопросами, полагая, что это должно помочь более быстрому и правильному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу. Такие действия следователей, как и судей в судебном разбирательстве, не способствуют установлению истины и нарушают права обвиняемого, которому закон предоставляет возможность прежде, чем ему будут заданы вопросы, самому свободно изложить все, что он считает необходимым и что имеет отношение к делу.

Если обвиняемому вменяется в вину совершение нескольких преступлений, в его показаниях должны быть изложены конкретные обстоятельства каждого из них.

Показания и объяснения обвиняемого фиксируются в протоколе допроса. Он составляется по правилам, изложенным в ст. ст. 141, 142, 151, 152 УПК. По просьбе обвиняемого ему должна быть предоставлена возможность после допроса написать свои показания собственноручно. При допросе обвиняемого может применяться звукозапись.

Уголовно-процессуальные кодексы некоторых союзных республик предусматривают такое следственное действие, как проверка показаний обвиняемого на месте⁴³. Следует иметь в виду, что указанное следственное действие, не заменяя собой допроса обвиняемого, должно служить лишь средством проверки его показаний, полученных в ходе допроса. Поэтому недопустимо подменять этим следственным действием допрос обвиняемого или тем более ограничиваться лишь его проведением для получения показаний обвиняемого.

К проверке показаний обвиняемого на месте прибегают и следователи тех союзных республик, уголовно-процессуальное законодательство которых не предусматривает такого следственного действия. Обоснование возможности его проведения повсеместно⁴⁴ не соответствует, как уже было отмечено раньше, закону, в частности, ст. 70 УПК РСФСР, устанавливающей, что следователи и другие лица могут прове-

---

⁴³ См. ст. 205 УПК Литовской ССР; ст. 185 УПК Латвийской ССР, ст. 183 УПК Таджикской ССР; ст. 173 УПК Туркменской ССР; ст. 130 УПК Казахской ССР.

⁴⁴ См.: Гаврилов А. К., Ефимичев С. П., Михайлов В. А., Туленков П. М. Следственные действия по советскому уголовно-процессуальному праву. Учебное пособие. Волгоград, 1975, с. 105.

дить лишь «предусмотренные настоящим кодексом следственные действия».

Обвиняемый (подсудимый) непременно должен быть допрошен в судебном заседании. Верховный Суд СССР неоднократно указывал на то, что рассмотрение дела без допроса подсудимого, не отказавшегося от дачи показаний, является основанием для отмены приговора⁴⁵.

Уголовно-процессуальное законодательство союзных республик по-разному решает вопрос о возможности рассмотрения судом дела в отсутствие подсудимого. По законодательству ряда республик это допустимо лишь в одном случае — когда подсудимый находится вне пределов СССР и уклоняется от явки в суд⁴⁶. Такое решение вопроса больше соответствует задачам правосудия, установления истины по делу. Суды, как правило, не должны допускать заочного рассмотрения дел в отношении подсудимых.

На практике и в литературе по-разному решается вопрос о времени допроса подсудимого в судебном следствии. Очень распространено мнение, что если подсудимый признает себя виновным, то его необходимо допрашивать первым, а если отрицает свою вину, то первым его допрашивать нецелесообразно, так как в этом случае в показаниях подсудимого якобы не будет достаточной информации, и «открытие судебного следствия с допроса такого подсудимого может поставить суд в затруднительное положение»⁴⁷. С этим нельзя согласиться. Если подсудимый не отказывается от дачи показаний, но не признает себя виновным, судебное следствие и в этом случае лучше начинать с его допроса, учитывая при этом, по крайней мере, два обстоятельства.

Прежде всего, показания подсудимого в начале судебного следствия позволяют выяснить доводы, которые он может высказать против обвинения в свою защиту и тем самым создать условия для всестороннего, полного и объективного исследования материалов дела как с позиции обвинения, так и с позиции защиты. Это тем более важно, если подсудимый действительно не совершил преступления и поэтому не признает себя виновным.

Допрос подсудимого в начале судебного следствия такти-

⁴⁵ См.: Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР, с. 332, 369, 388.

⁴⁶ См.: ст. 245 УПК БССР; ст. 228 УПК Казахской ССР и др.

⁴⁷ Соля-Серко О. Порядок допроса подсудимого. — «Соц. законность», 1969, № 12, с. 43.

чески оправдан, так как дает возможность услышать его показания раньше, чем будут исследованы иные доказательства; это лишает подсудимого возможности внести в свои показания те или иные нюансы в зависимости от того, как сложатся доказательства в ходе судебного следствия.

В юридической литературе неоднократно и убедительно обосновывалась необходимость начинать судебное следствие всегда с показаний и объяснений подсудимого, независимо от того, признает он себя виновным или нет⁴⁸.

Уголовно-процессуальные кодексы большинства союзных республик предусматривают, что подсудимого первыми допрашивают судьи, а затем обвинитель и другие участники процесса (ст. 280 УПК). УПК Украинской, Узбекской, Грузинской, Эстонской республик предоставляют право первого допроса прокурору, что следует признать более правильным.

Председательствующий в судебном заседании, огласив обвинительное заключение и первым приступив к допросу, нередко невольно ведет этот допрос в плане подтверждения предъявленного подсудимому обвинения. В этих условиях ему значительно труднее остаться на позициях объективности и беспристрастности, чем в случае, если бы первым допрашивал подсудимого прокурор. Конечно, «можно первым допрашивать подсудимого и объективно вести допрос, так же как можно утратить объективность, допрашивая подсудимого последним»⁴⁹. Однако нет сомнения в том, что сам порядок, согласно которому первым допрос подсудимого проводит прокурор, больше соответствует беспристрастности судей — очень важному условию для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Многие судьи право допросить первым подсудимого, а также свидетелей и других лиц, предоставляют прокурору. Расценивать это как отступление от предписаний процессуального закона не следует, поскольку закон не обязывает судей первыми допрашивать подсудимых и других лиц, а предоставляет им такую возможность.

В судебном разбирательстве возможно оглашение показаний подсудимого, которые были даны им раньше, в стадии предварительного расследования или на суде. Допусти-

⁴⁸ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 2. М., 1970, с. 274—275; Перлов И. Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1955, с. 71—91.

⁴⁹ Перлов И. Д. Указ. соч., с. 120.

мо это в случаях, предусмотренных ст. 281 УПК. Утверждение, что «эти же правила действуют в отношении оглашения показаний подсудимого, полученных от него до предъявления обвинения»⁵⁰, является неточным. В судебном заседании могут быть оглашены показания подсудимого, данные им ранее лишь в качестве обвиняемого или подозреваемого. Встречающиеся в судебной практике случаи оглашения показаний подсудимого, которые в стадии предварительного расследования им были даны в качестве свидетеля, не соответствуют действующему законодательству. Недопустимо использовать против подсудимого его же показания, данные ранее под угрозой уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний. Суды должны не усугублять оглашением показаний подсудимого, допрошенного ранее в качестве свидетеля, нарушение законности, допущенное в стадии предварительного расследования, а реагировать на это нарушение своим частным определением.

В уголовном судопроизводстве существуют особые правила допроса несовершеннолетних обвиняемых. Они рассчитаны на то, чтобы, с одной стороны, обеспечить охрану интересов несовершеннолетних, а с другой — содействовать более успешному доказыванию (ст. ст. 391, 395, 397, 398, 399 УПК).

4. Показания подозреваемого. Показания подозреваемого являются одним из видов доказательств, на основании которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. По своей сущности они близки к показаниям обвиняемого. Подозреваемыми в уголовном судопроизводстве признаются: 1) лица, задержанные по подозрению в совершении преступления; 2) лица, к которым применена мера пресечения до предъявления обвинения (ст. 52 УПК). Только эти лица могут давать показания в качестве подозреваемых.

В юридической литературе высказан ряд предложений о расширении оснований для признания тех или иных лиц подозреваемыми, например, о признании и допросе в качестве подозреваемых лиц, в отношении которых применена любая мера процессуального принуждения, лиц, которые вызваны на допрос в качестве подозреваемых, и др.⁵¹

Вопрос о расширении круга лиц, которых следует призна-

⁵⁰ Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 616.

⁵¹ См.: Бекешко С. П., Матвиевич Е. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск, 1969, с. 17—42.

бать и допрашивать подозреваемыми, является спорным и ждет своего решения. Но важно и другое. Действующее законодательство не допускает допроса в качестве подозреваемых иных лиц, не указанных в законе, в частности, в ст. 52 УПК. Однако на практике нередко поступают иначе. Так, Л. М. Карнеева отмечает, что «в соответствии со сложившейся практикой и в тех случаях, когда подозреваемое лицо не задерживается и не заключается под стражу, оно чаще всего допрашивается перед предъявлением обвинения», потому что «следователь, как правило, не считает возможным предъявить обвинение заподозренному лицу, без его предварительного допроса»⁵². Это не соответствует действующему законодательству. Если следователь находит необходимым до предъявления обвинения допросить лицо в качестве подозреваемого, то он должен либо задержать это лицо, либо избрать в отношении его меру пресечения. Если у следователя нет для этого оснований, то это лишает его права допрашивать данное лицо в качестве подозреваемого.

В особом процессуальном положении находятся лица, в отношении которых судом возбуждено уголовное дело (ст. 256 УПК). Возникает вопрос, если следователь не находит оснований для предъявления обвинения лицам, в отношении которых судом возбуждено дело, а также для задержания или избрания в отношении их меры пресечения, то в каком качестве они должны давать показания? Допрашивать этих лиц в качестве обвиняемых или подозреваемых — значит отступить от предписаний закона; допрашивать же их в качестве свидетелей также недопустимо, ибо им придется давать показания о своем участии или неучастии в преступлении.

Решить этот вопрос в законе необходимо либо путем отказа суда от права возбуждать уголовное дело в отношении конкретных лиц, либо путем наделения этих лиц статусом подозреваемых. До решения этого вопроса в законодательстве следователям можно рекомендовать рассматривать определение суда о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица с учетом других данных по делу как основание для принятия решения о предъявлении обвинения, или задержания, или избрания меры пресечения в отношении этого лица и последующего его допроса либо в качестве обвиняемого, либо в качестве подозреваемого.

Подозреваемый, как и обвиняемый, не обязан, а вправе

⁵² Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 611—612.

дать показания и объяснения, он не несет ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний. Его показания и объяснения необходимо рассматривать и как средство защиты его интересов и как средство получения информации, фактических данных относительно обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Особенность предмета показаний подозреваемого состоит в том, что эти показания, прежде всего, касаются обстоятельств, послуживших основанием для задержания лица или избрания в отношении его меры пресечения. В предмет показаний подозреваемого входят и иные известные ему обстоятельства по делу (ст. 76 УПК).

Вызов и допрос подозреваемого осуществляются по правилам допроса обвиняемого (ст. 123 УПК). Если подозреваемый был задержан или в отношении его избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, его допрос производится немедленно, а если это невозможно, то не позднее двадцати четырех часов с момента задержания.

Перед допросом подозреваемого ему разъясняют права и объявляют, в совершении какого преступления он подозревается.

Основная цель получения показаний подозреваемого состоит в том, чтобы проверить обоснованность подозрений в совершении преступления определенным лицом и получить данные для последующего решения вопроса о возможности привлечения этого лица в качестве обвиняемого. В показаниях подозреваемого может содержаться информация и о других обстоятельствах, имеющих значение по уголовному делу.

§ 3. Заключение эксперта

1. **Значение и сущность заключения эксперта.** Заключение эксперта является одним из видов доказательств в уголовном судопроизводстве (ст. 69 УПК). Оно необходимо, когда для получения доказательств приходится решать вопросы, требующие специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Средством получения такого заключения является проведение экспертизы (ст. 78 УПК).

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» обратил внимание на необходимость полнее использовать достижения науки и техники с целью всестороннего и

объективного исследования обстоятельств уголовного дела путем проведения экспертизы⁵³.

В условиях научно-технической революции значительно расширяются возможности использования достижений науки и техники в уголовном судопроизводстве и, в частности, в экспертной практике⁵⁴. Заключение эксперта приобретает важное значение в уголовном судопроизводстве.

Однако в практической деятельности лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание, можно еще наблюдать неправильное отношение к экспертизе. На это обратил внимание судов Пленум Верховного Суда СССР, отметив, что еще встречаются случаи разрешения дел без производства экспертизы, когда она обязательна или необходима по обстоятельствам дела; иногда экспертиза назначается для выяснения вопросов, не требующих специальных познаний; перед экспертами ставятся правовые и иные вопросы, выходящие за пределы их компетенции; в отдельных случаях заключения экспертов рассматриваются как доказательства, обладающие преимуществами перед другими доказательствами, и не подвергаются тщательной проверке и должной оценке; приговоры иногда основываются на предположительных выводах эксперта. Отметив эти недостатки, Пленум Верховного Суда СССР дал в своем постановлении указания, направленные на совершенствование использования в уголовном процессе заключений экспертов⁵⁵.

Заключение эксперта, содержащиеся в нем фактические данные и выводы образуют в их единстве один из видов уголовно-процессуальных доказательств. Характеризуя заключение эксперта как доказательство, необходимо иметь в виду: 1. Заключение эксперта исходит от лица, обладающего специальными знаниями; 2. Является результатом иссле-

---

⁵³ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1973. М., 1974, с. 591.

⁵⁴ См. по данному вопросу: Аринушкин Г., Шляхов А. Разработка и внедрение новых методов судебной экспертизы. — «Соц. законность», 1976, № 9, с. 27—31; Шляхов А. Р. Перспективы развития судебной экспертизы. — «Советское государство и право», 1973, № 8, с. 84—91; Он же. Современные возможности криминалистической экспертизы. — «Соц. законность», 1973, № 4, с. 13—17.

⁵⁵ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам». — В кн.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР..., с. 590—597; Судебная экспертиза по уголовным делам (обзор судебной практики). — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 3, с. 37—44.

дований, проведенных экспертом; 3. Получено в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом; 4. Как доказательство содержит фактические данные и вытекающие из них выводы.

Доказательственное значение в заключении эксперта могут иметь: а) сведения о конкретных фактах, установленных в ходе экспертного исследования, б) выводы эксперта, вытекающие из этих фактов. Так, например, в заключении эксперта могут содержаться сведения о характере телесных повреждений и вывод о степени тяжести телесных повреждений. Сведения о фактах, в свою очередь, могут быть частного и более общего характера.

Заключение эксперт дает на основе проведенных им исследований (ст. 80 УПК). Поэтому неточным является утверждение, что он может дать заключение «...только на основе материалов дела»⁵⁶. Материалы уголовного дела являются лишь исходными данными для проведения экспертного исследования, без которого заключение эксперта невозможно. Исходными материалами для экспертизы могут быть не только фактические данные, полученные из уголовного дела, но и объекты, непосредственно исследованные экспертом. Заключение эксперта должно быть основано на совокупности всех необходимых для этого фактов, выявленных по уголовному делу, независимо от того, установлены они в результате исследования объектов экспертизы или взяты из уголовного дела в виде установленных в нем фактических данных.

Объекты для экспертного исследования представляются эксперту следователем или судом. Сам эксперт не вправе самостоятельно собирать фактические данные для своего исследования. Если ему необходимо получить дополнительные материалы, то с соответствующим ходатайством нужно обратиться к следователю или суду. В материалах уголовного дела могут содержаться противоречивые данные, на основании которых эксперту предстоит давать заключение. Следователь и суд должны принять меры к устранению этих противоречий, но если это в полной мере не удалось сделать, эксперту предоставляются все данные, необходимые для полного и объективного исследования. Вряд ли можно согласиться с рекомендацией, что в таком случае «...в самом постановлении (определении) о назначении экспертизы необходимо указать, на каких именно материалах дела эксперт

⁵⁶ Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 700.

должен основывать свое заключение»⁵⁷. Во-первых, это ограничивало бы эксперта во всестороннем, полном учете фактических данных, влияющих на его заключение, а во-вторых, означало бы предрешение следователем, судом некоторых вопросов до окончательного разрешения дела. Это тем более недопустимо, так как касается вопросов, по которым следователю и суду не удалось устранить противоречия, и не известно еще, какое они могут получить решение в ходе дальнейшего доказывания.

В качестве эксперта заключение может дать лицо, назначенное в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом. Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что всякого рода акты, справки о результатах ведомственной проверки, в том числе и заключения, именуемые экспертизой, хотя бы и полученные по запросу органов следствия и суда, не могут рассматриваться как заключение эксперта и служить основанием к отказу в проведении экспертизы⁵⁸.

Экспертиза производится экспертами соответствующих учреждений либо иными специалистами, назначенными органами расследования или судом. В качестве эксперта может быть вызвано любое лицо, обладающее необходимыми познаниями для дачи заключения (ст. 78 УПК). Основные требования, предъявляемые к эксперту, это его незаинтересованность в деле и компетентность в вопросах, требующих специальных познаний. Если эксперт не соответствует этим требованиям, а также в других случаях, предусмотренных законом, он не может принимать участие в уголовном судопроизводстве и подлежит отводу (ст. 67 УПК). Обязанности эксперта не вправе выполнять следователи, судьи, но не потому, что они «...являются специалистами в области права и не могут сами решать возникающие при производстве по делу вопросы в области медицины, бухгалтерского учета, техники безопасности и т. д.»⁵⁹. Такая возможность не исключается, а потому, что совмещение обязанностей лица, осуществляющего доказывание, и эксперта недопустимо с точки зрения всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Применение специальных познаний в уголовном судопро-

⁵⁷ Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 719.

⁵⁸ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР..., с. 591.

⁵⁹ Арсеньев В. Д. Основы теории доказательств в советском уголовном процессе. Иркутск, 1970, с. 82.

изводстве возможно не только посредством проведения экспертизы, но и в виде участия специалиста в следственных действиях и судебном разбирательстве (ст. ст. 133¹, 253¹ УПК). Однако эксперт и специалист принципиально отличаются друг от друга как по своему назначению, так и по процессуальному положению. Назначение специалиста — содействовать следователю, суду в обнаружении и закреплении доказательств в ходе следственных действий и в судебном разбирательстве. Его специальные познания направлены на то, чтобы обратить внимание следователя, суда на обстоятельства, связанные с поиском доказательств, которые могут быть непосредственно обнаружены следователем, судом и закреплены в протоколах следственных и судебных действий. Если для получения доказательств необходимо провести специальное исследование, то в этом случае назначается экспертиза.

Экспертизу может провести комиссия экспертов. Придя к общему выводу, они составляют общее заключение. В случае разногласия между экспертами, каждый из них дает свое заключение (ст. 80 УПК).

От комиссионной экспертизы необходимо отличать комплексную экспертизу. Она производится лицами разных специальностей. Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что в необходимых случаях, когда установление того или иного обстоятельства выходит за пределы компетенции одного эксперта, может быть назначено проведение ряда исследований, осуществляемых несколькими экспертами на основе использования разных специальных познаний. Эксперты вправе при этом составить совместное заключение, в котором должно быть указано, какие исследования провел каждый эксперт, какие факты он лично установил и к каким пришел выводам. Каждый эксперт вправе подписать общее заключение либо ту часть его, которая отражает ход и результаты проведенных им лично исследований⁶⁰.

В уголовном процессе могут проводиться дополнительные и повторные экспертизы (ст. 81 УПК). Основанием для проведения дополнительной экспертизы является неполнота или недостаточная ясность заключения эксперта. В судебном разбирательстве дополнительная экспертиза может быть назначена лишь после дачи экспертом заключения и если в ходе допроса эксперта не удалось устранить неясность и неполно-

⁶⁰ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР..., т. 593.

ту его заключения. Повторная экспертиза, как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР, назначается, если выводы эксперта противоречат фактическим обстоятельствам дела, если установлены новые данные, которые могут повлиять на выводы эксперта, если при производстве экспертизы были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона. Причем несогласие суда с выводами эксперта не является основанием для назначения повторной экспертизы. При решении этого вопроса необходимо учитывать наличие в деле других доказательств и практическую возможность проведения повторной экспертизы⁶¹.

Заключение эксперта должно быть основано на бесспорных, проверенных наукой и практикой методах исследования. Если эксперт прибегает к новым методам и научным положениям, недостаточно известным науке и практике, он особо должен обосновать верность научного подхода в его экспертном исследовании.

Доказательственное значение имеет лишь то заключение эксперта, в котором содержатся определенные, категорические суждения относительно установленных экспертом фактов и сделанных им выводов. Предположительные суждения эксперта доказательственного значения не имеют. Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что «...вероятное заключение эксперта не может быть положено в основу приговора»⁶². Однако необходимо иметь в виду, что заключение эксперта может содержать и категорические, и вероятные суждения относительно разных фактических данных и выводов, даже по одному и тому же вопросу, поставленному на разрешение эксперта. Так, эксперт, сделав категорические утверждения о совпадении частных признаков в исследуемых объектах, может признать, что их недостаточно для общего вывода о тождестве. Вероятный в этом случае вывод эксперта о тождестве объектов доказательственного значения иметь не будет, однако в качестве доказательств возможно использовать фактические данные в виде категорических утверждений эксперта о совпадении частных признаков.

От вероятных заключений необходимо отличать заключения эксперта, в которых сделаны утверждения о совпадении объектов по родовым признакам, например, по группе крови. Такого рода утверждения эксперта необходимо рас-

⁶¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР..., с. 595—596.

⁶² Там же, с. 569.

смагивать не как вероятное относительно индивидуального тождества, а как категорическое о совпадении родовых признаков.

2. Предмет заключения эксперта. К предмету заключения эксперта относятся вопросы, исследование которых требует специальных познаний. В уголовном судопроизводстве в каждом конкретном случае органы расследования и суд определяют характер таких вопросов. Однако, как верно отмечалось в юридической литературе, назначение экспертизы зависит не от субъективного усмотрения следователей и судей, а от объективного характера устанавливаемых обстоятельств⁶³. Органы расследования и суд обязаны назначить экспертизу, если для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, необходимы специальные знания. Законом предусмотрены некоторые случаи, когда экспертиза должна быть непременно проведена; они перечислены в ст. 79 УПК. К их числу относится и обязательное назначение экспертизы для установления возраста обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, когда это имеет значение для дела, а документы о возрасте отсутствуют (п. 4 ст. 79 УПК). Если во всех иных случаях, указанных в ст. 79 УПК, обязательное проведение экспертизы не вызывает каких-либо сомнений, то в этом, последнем случае назначение экспертизы в уголовном процессе не достигает своей цели. Дело в том, что требование закона о проведении экспертизы в этом случае не согласовано с гражданским и административным законодательством о порядке установления возраста граждан. Возраст граждан подтверждается свидетельством о рождении, а если оно не сохранилось, то вопрос о возрасте и восстановлении актовой записи решается в административном порядке органами записи актов гражданского состояния⁶⁴. При отказе же ими в восстановлении актовой записи факт регистрации рождения устанавливается в порядке гражданского судопроизводства (ст. 4 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 247 ГПК РСФСР). При этом, как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР, «суды должны иметь в виду, что определение возраста при восстановле-

⁶³ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 702.

⁶⁴ См.: Основные положения, определяющие порядок изменения, восстановления и аннулирования записей актов гражданского состояния, порядок и сроки хранения актовых книг, утвержденные постановлением Совета Министров СССР от 10 декабря 1976 г. № 1006 (СП СССР, 1977, № 2, ст. 9).

нии погибших и пропущенных записей о рождении в соответствии с законодательством союзных республик производится органами записей актов гражданского состояния⁶⁵.

Судебно-медицинская экспертиза, исходя лишь из медицинских критериев, не в состоянии точно решить вопрос о возрасте гражданина. Поэтому Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что «при установлении возраста судебно-медицинской экспертизой днем рождения подсудимого надлежит считать последний день того года, который назван экспертами, а при определении возраста минимальным и максимальным количеством лет суду следует исходить из предполагаемого экспертизой минимального возраста такого лица»⁶⁶. В целях более точного определения возраста обвиняемого, потерпевшего и других лиц следует не назначать экспертизу в уголовном судопроизводстве, а поручать решение этого вопроса специальной комиссии при органах ЗАГС. Уголовно-процессуальное законодательство по данному вопросу необходимо привести в соответствие с административным и гражданским законодательством, предусмотрев, что вопрос о возрасте обвиняемого, потерпевшего и других лиц, когда это имеет значение для дела, а документ о возрасте отсутствует, решается органами ЗАГС или судом в порядке гражданского судопроизводства об установлении факта регистрации рождения.

В уголовном судопроизводстве для решения вопросов, требующих специальных познаний, чаще всего назначаются медицинская, психиатрическая, бухгалтерская, автотехническая, криминалистическая и некоторые другие виды экспертиз. Развитие психологической науки расширяет возможности для проведения в уголовном судопроизводстве психологической экспертизы. Так, Пленум Верховного Суда СССР для выяснения степени умственной отсталости несовершеннолетнего и других вопросов рекомендовал проводить экспертизу специалистами в области детской и юношеской психологии⁶⁷. Однако психологические экспертизы еще редко назначаются в уголовном судопроизводстве. Одной из причин этого является то, что у нас мало профессиональных психологов и от-

⁶⁵ Пункт 5 постановления № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1966 г. «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение». — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР..., с. 239.

⁶⁶ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1977, № 1, с. 19.

⁶⁷ См.: там же.

существуют специальные учреждения, в обязанность которых входило бы проведение психологических экспертиз. Иногда следователи и судьи вопросы, которые должны решать психологи, ставят перед психиатрической экспертизой, что является неправильным. Предметом заключения психиатрической экспертизы могут быть лишь вопросы патологической психики обвиняемого и других лиц. Вопросы нормальной психической деятельности обвиняемого и других участников уголовного процесса должны быть предметом психологической экспертизы, поскольку это является компетенцией специалиста-психолога, а не психиатра. Среди других вопросов перед психологической экспертизой чаще всего ставятся вопросы, связанные с установлением физиологического аффекта, способности реагировать на те или иные жизненные ситуации⁶⁸.

К предмету заключения эксперта относятся лишь вопросы, находящиеся в пределах компетенции эксперта, его специальных познаний. Правовые вопросы, разумеется, к ним не относятся. Пленум Верховного Суда СССР указал, что «суды не должны допускать постановку перед экспертом правовых вопросов, как не входящих в его компетенцию (например: имело ли место хищение либо недостача, убийство или самоубийство и т. п.)»⁶⁹. То, что эксперты не должны решать правовые вопросы, — несомненно, но в уголовном судопроизводстве иногда не просто определить, является ли тот или иной вопрос лишь правовым или его необходимо решить с учетом тех или иных специальных знаний. В юридической и медицинской литературе постоянно велись споры о праве эксперта решить вопрос о том, имело ли место убийство или самоубийство. Пленум Верховного Суда СССР в указанном постановлении разрешил этот вопрос, но в теории и на практике возникают и другие спорные вопросы, например, о праве эксперта определить степень тяжести телесных повреждений. Согласно ст. 79 УПК, экспертиза назначается для определения характера телесных повреждений. Однако признаки, влияющие на определение степени тяжести телесных повреждений, несмотря на то, что они указаны в уголовном законе (ст. ст. 108, 109 УК РСФСР), несомненно, являются медицинскими категориями. Поэтому, указывая в заключении на степень тяжести телесного повреждения, эксперт не

⁶⁸ См.: Петелин Б. Основания и порядок назначения судебно-психологической экспертизы. — «Советская юстиция», 1976, № 13, с. 9—11.

⁶⁹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР..., с. 595.

выходит за пределы своей компетенции, поскольку решает он медицинский вопрос.

Эксперт не только не должен решать правовые вопросы, но и употреблять в заключении правовые термины, чтобы не возникало впечатление о решении им юридического вопроса⁷⁰.

В экспертной и судебной практике иногда оспаривается компетенция эксперта давать заключения по различным специальным техническим вопросам, которые свое определенное решение нашли в тех или иных правовых актах, например, правилах дорожного движения, правилах охраны труда, правилах безопасности горных работ и т. д. Утверждают, что экспертизу не следует назначать «...в тех случаях, когда есть нормативные акты (подобно правилам движения), регулирующие те или иные вопросы»⁷¹. Закрепление в правовых нормах специальных технических правил не превращает их в чисто правовые нормы. Поэтому для решения вопроса о соответствии тех или иных действий этим правилам необходимы иногда не только правовые, но и специальные технические знания. В этих случаях должна быть назначена экспертиза. Разумеется, заключение эксперта не требуется для решения простых вопросов, когда и неспециалист может судить о соответствии действий техническим правилам, закрепленным в правовых нормах. Но это не всегда возможно. В каждом конкретном случае следователи и судьи, исходя из сложности вопроса, подлежащего выяснению, и необходимости для этого специальных познаний, должны принимать решение о назначении экспертизы⁷².

3. Производство экспертизы. Экспертиза является средством получения заключения эксперта. Она может быть проведена лишь в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. В других стадиях уголовного процесса производство экспертизы не допускается. Пленум Верховного Суда СССР указал судам на то, что они не вправе проводить экспертизу в стадии предания суду, в кассационном и надзорном производствах⁷³.

⁷⁰ См.: Палиашвили А. Я. Экспертиза в суде по уголовным делам. М., 1973, с. 23.

⁷¹ Ибрагимов А. Всегда ли нужно заключение эксперта? — «Соц. законность», 1971, № 12, с. 53.

⁷² О разграничении компетенции органов расследования, суда и экспертов в решении правовых и специальных вопросов см.: Палиашвили А. Я. Указ. соч., с. 20—50.

⁷³ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР..., с. 591—597.

Порядок производства экспертизы определяется уголовно-процессуальным законом, Положением об организации производства судебных экспертиз в экспертных учреждениях Министерства юстиции СССР от 6 декабря 1972 г. и инструкциями о проведении отдельных видов экспертиз.

Эксперт несет личную ответственность за свое заключение, которое должно содержать полные и объективные ответы на поставленные перед ним вопросы. Это определяет характер производства экспертизы. Независимо от того, поручена она конкретному лицу или экспертному учреждению, является ли комиссионной или комплексной, провести конкретные исследования и сделать выводы из них может только лично эксперт, которому это поручено. Причем при производстве экспертизы эксперт пользуется полной самостоятельностью как в выборе методов исследования, так и в определении окончательных выводов экспертизы. Руководитель экспертного учреждения, осуществляя контроль за производством экспертизы, не должен ограничивать самостоятельность эксперта.

Эксперт не вправе отказаться от производства экспертизы. Однако, если поставленный перед ним вопрос выходит за пределы его специальных знаний или представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения, он может письменно сообщить органу, назначившему экспертизу, о невозможности дать заключение.

К числу гарантий, обеспечивающих полноту и объективность заключения эксперта, необходимо прежде всего отнести его процессуальные права и обязанности в уголовном судопроизводстве (ст. 82 УПК). Так, эксперт вправе: знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету экспертизы; заявлять ходатайства о представлении ему дополнительных материалов; присутствовать при производстве следственных действий и в судебном заседании, выяснять вопросы, относящиеся к предмету экспертизы.

Гарантией полноты и достоверности заключения эксперта являются правила об участии в производстве экспертизы обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего. Так, обвиняемый имеет право: знакомиться с постановлением (определением) о назначении экспертизы; заявлять отвод эксперту; просить о назначении эксперта из числа указанных им лиц; ставить вопросы перед экспертом; присутствовать с разрешения следователя при производстве экспертизы, давать объяснения; знакомиться с заключением эксперта (ст. ст. 184, 185 УПК).

Теми же правами пользуется подозреваемый при направлении его в судебно-медицинское учреждение (ст. 188 УПК). В интересах правосудия при производстве экспертизы определенными процессуальными правами должны пользоваться и потерпевшие, тем более, если экспертиза непосредственно их касается.

Гарантией полноты и достоверности заключения эксперта является право следователя присутствовать при производстве экспертизы (ст. 190 УПК). Следователь может допросить эксперта для разъяснения или дополнения данного им заключения (ст. 192 УПК).

Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что судьи и участники судебного разбирательства вправе присутствовать при производстве экспертизы, проводимой вне зала судебного заседания⁷⁴.

Если экспертиза проводилась по определению суда, то участие эксперта в судебном заседании обязательно. Он должен, как правило, участвовать в судебном заседании и тогда, когда проводил экспертизу в стадии предварительного расследования. Это вытекает из принципа непосредственности судебного разбирательства (ст. 240 УПК). Если суд в порядке ст. 277 УПК признал возможным рассмотреть дело в отсутствие эксперта, то его заключение должно быть оглашено и исследовано в судебном заседании⁷⁵.

Результаты экспертизы оформляются заключением эксперта. В нем должно быть указано: кем и на каком основании проведена экспертиза, кто присутствовал при ее производстве, какие материалы эксперт использовал, какие исследования провел, какие вопросы были поставлены эксперту и его мотивированные ответы.

4. Оценка заключения эксперта. Заключение эксперта, содержащиеся в нем фактические данные и выводы подлежат оценке по внутреннему убеждению лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание на основании всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности. Никакими преимуществами перед другими доказательствами заключение эксперта не обладает и оценивается на общих основаниях. Законом установлено, что заключение эксперта не является обязательным для лица, производящего дознание, следователя, прокурора

⁷⁴ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР..., с. 595.

⁷⁵ Там же, с. 597.

и суда, однако несогласие их с заключением должно быть мотивировано (ст. 80 УПК). Последнее иногда расценивается как свидетельство особого значения заключения эксперта и особых правил его оценки. В этом нет никакого особого правила оценки заключения эксперта, так как закон и в других случаях обязывает суд указывать мотивы, по которым он отвергает иные доказательства, а не только заключение эксперта (ст. 314 УПК). То, что об этом правиле особо сказано по отношению к заключению эксперта, вполне оправдано, поскольку заключение эксперта является результатом использования специальных знаний в решении тех или иных вопросов.

Пленум Верховного Суда СССР обратил внимание судов на необходимость устранить случаи некритического отношения к заключениям экспертов и потребовал, наряду с этим, полно отражать в приговоре результаты оценки заключения эксперта, указывать, какие факты им установлены, а не ограничиваться лишь ссылкой на заключение⁷⁶.

Оценке подвергаются не только выводы эксперта, но и те фактические данные, на которых они основаны. Оценка в данном случае, как и по отношению к другим доказательствам, состоит в определении относимости, допустимости и достоверности заключения эксперта, содержащихся в нем фактических данных и выводов. При оценке заключения эксперта необходимо учитывать ряд обстоятельств:

а) квалификацию эксперта, уровень его теоретической подготовки и практические навыки. Соответствует ли все это заданию, которое было предложено эксперту;

б) материал, которым располагал эксперт. Достаточно ли его было для производства экспертизы. Не отразились ли на заключении неполнота или недоброкачественность материала, представленного эксперту;

в) соответствуют ли выводы эксперта тем данным, которые им получены в ходе исследования. Обоснованы ли выводы, достоверны ли данные, положенные в обоснование выводов;

г) соответствуют ли фактические данные и выводы, содержащиеся в заключении эксперта, другим доказательствам по делу. Какие между ними противоречия, устранимы ли они без назначения повторной, дополнительной экспертизы;

д) научность проведенного экспертом исследования, уро-

⁷⁶ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР..., с. 596.

вень развития соответствующей отрасли научных знаний. Какие методы исследования использовал эксперт, проверены ли эти методы в достаточной степени наукой и практикой;

е) проведена ли экспертиза в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и правилами ее производства. Какие были отступления от этих норм, чем они вызваны, как могли отразиться на полноте и достоверности заключения эксперта.

§ 4. Вещественные доказательства

1. Сущность и значение вещественных доказательств. Вещественными доказательствами являются предметы, которые служили орудиями преступления, или сохранили на себе следы преступления, или были объектами преступных действий обвиняемого, а также деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, и все другие предметы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо к опровержению обвинения или смягчению вины обвиняемого (ст. 83 УПК). Доказательства эти принято называть вещественными потому, что носителями информации о фактах в данном случае являются не люди, а вещественные объекты, от которых исходят сведения о фактах, имеющие значение по уголовному делу. На похищенном предмете обнаружены отпечатки пальцев. Предмет несет информацию о том, что он был в чьих-то руках. Это доказательство позволяет строить версии, осуществлять дальнейшее доказывание.

Отмечая это отличие вещественных доказательств от иных, так называемых «личных», необходимо вместе с тем иметь в виду, что механизм образования всех доказательств, в том числе вещественных, един. Он состоит из внепроцессуальной и процессуальной стадий: события, действия оставляют свои следы в памяти человека или на вещественных объектах, в дальнейшем сведения об этих фактах воспринимаются и процессуально закрепляются лицами, осуществляющими уголовно-процессуальное доказывание.

Преимущество вещественных доказательств иногда видят в их так называемой «объективности». С точки зрения значения для доказывания, различные доказательства не имеют каких-либо преимуществ друг перед другом, они отличаются лишь особенностями, которые необходимо учитывать в работе с теми или иными доказательствами. На образование

вещественных доказательств также может повлиять субъективный фактор, и это нужно учитывать, в частности, возникающие сложности в обнаружении, закреплении и обеспечении полной сохранности вещественных доказательств.

С развитием научно-технического прогресса расширяются возможности использования научно-технических средств в обнаружении и закреплении вещественных доказательств, возможности получить больше сведений от вещественных объектов, сохранивших следы преступлений и иных событий. Это повышает роль вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве, но ни в какой мере не умаляет значения иных доказательств в установлении истины по делу.

Отмечая значение вещественных доказательств, часто пишут об их незаменимости⁷⁷, о том, что «вещественное доказательство по своей природе уникально», поскольку утраченную информацию одного свидетеля можно восполнить допросом других свидетелей, «утраченный же как доказательство предмет или документ не может быть восстановлен»⁷⁸. Любое доказательство (вещественное, показание свидетеля и т. д.) характеризуется присущей только ему индивидуальностью; получить полностью тождественную информацию из различных источников доказательств невозможно. В этом смысле любое доказательство незаменимо. Насколько же утрату одного доказательства можно восполнить за счет других доказательств — это зависит от конкретных обстоятельств по уголовному делу. Иногда неустановление свидетеля или утрата возможности получить его показания приводит к более отрицательным для доказывания последствиям, чем не обнаружение или утрата вещественного доказательства. Поэтому вряд ли следует выделять уникальность и незаменимость одних доказательств в сравнении с другими. Важно, исходя из сущности и учитывая особенности тех или иных доказательств, обеспечить их правильное использование в ходе уголовно-процессуального доказывания.

Вещественное доказательство, как и любое другое, имеет свое содержание, форму, источники, которые характеризуются определенными признаками, присущими этому виду доказательств.

⁷⁷ См.: Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 146; Арсеньев В. Д. Указ. соч., с. 96.

⁷⁸ Басков В. Исследование, оценка и определение судьбы вещественных доказательств. — «Советская юстиция», 1973, № 11, с. 18.

Содержание вещественных доказательств составляют сведения о фактах, на основании которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение по уголовному делу. Сведения о фактах, которые исходят от вещественных объектов, по своему характеру отличаются от сведений, получаемых от свидетелей и иных лиц. Этим обуславливается и особый порядок их закрепления, удостоверения. Предмет становится источником фактических данных, когда в силу своего состояния, характерных признаков он несет информацию об обстоятельствах, имеющих значение по уголовному делу. Но эта информация превращается в доказательство лишь после приобретения определенной процессуальной формы.

Форма вещественного доказательства — это те процессуальные средства, которые закрепляют фактические данные, полученные от вещественного объекта: протокол следственного, судебного действия, зафиксировавший обнаружение вещественного доказательства, протокол его осмотра и постановление о приобщении к делу. В. Я. Дорохов в качестве формы вещественного доказательства рассматривает лишь протокол осмотра предмета⁷⁹. В нем, действительно, прежде всего фиксируется содержание вещественного доказательства, но вещественное доказательство приобретает свое значение только в сочетании указанных трех процессуальных средств. Отсутствие любого из них делает вещественное доказательство порочным с точки зрения его процессуальной формы.

К содержанию вещественного доказательства, как об этом правильно пишет В. Я. Дорохов, относятся лишь те свойства и состояния предмета, которые могут быть непосредственно восприняты следователями, судьями, другими участниками процесса и зафиксированы в протоколе осмотра предмета⁸⁰. Другие свойства и состояния предмета, не поддающиеся такому непосредственному восприятию, образуют содержание иных доказательств. Так, например, к содержанию вещественного доказательства может быть отнесено обнаружение на предмете пятна, похожего на след крови; другие фактические данные, связанные с этим предметом, например его принадлежность определенному лицу, то что пятно на нем — это след крови и т. д. — могут быть получены

⁷⁹ См.: Дорохов В. Я. Природа вещественных доказательств. — «Советское государство и право», 1971, № 10, с. 111.

⁸⁰ Там же, с. 112.

с помощью иных доказательств: показаний свидетелей, заключения эксперта и т. д.

Иногда содержание вещественного доказательства определяют в зависимости от содержания других доказательств. Так, авторы монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» полагают, что в ряде случаев для решения вопроса о том, обладает ли предмет признаками вещественного доказательства, недостаточно его осмотра, а необходимо провести еще другие следственные действия: допросы, экспертизу, эксперимент и т. д. «Очевидно, — пишут они, — что выносить постановление о признании вещественным доказательством объекта, на котором имеется пятно, похожее на кровь, было бы преждевременно, пока не будет установлено, что это действительно следы крови, а не ржавчины или другого вещества»⁸¹. Очевидным это кажется только на первый взгляд. Неверно содержание одного доказательства определять в зависимости от содержания другого и относить, в частности, к содержанию вещественного доказательства все признаки предмета, независимо от того, какими доказательствами они установлены. При такой трактовке сущности вещественного доказательства оно теряет свое собственное содержание.

Как верно пишет В. Я. Дорохов⁸², такое необоснованное расширение содержания вещественного доказательства является следствием давно известного взгляда на зависимость вещественного доказательства от других доказательств и, в частности, мнения о том, что предмет в определенных случаях становится вещественным доказательством только после получения заключения эксперта. «Предмет приобретает (или не приобретает) значение вещественного доказательства не в связи с характером заключения эксперта, а в зависимости от наличия (или отсутствия) тех относимых свойств, которые могут составить содержание вещественного доказательства»⁸³. Предмет с пятном, похожим на кровь, если это соответствует требованиям относимости доказательств, необходимо рассматривать как содержание вещественного доказательства независимо от заключения эксперта о характере этого пятна. Поэтому и процессуальное оформление в качестве вещественного доказательства предмета с пятном, похожим на кровь, должно осуществляться независимо от за-

⁸¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 649.

⁸² Дорохов В. Я. Указ. соч., с. 113.

⁸³ Там же.

ключения эксперта и, как правило, предшествовать ему. Иное приводит к тому, что в уголовном судопроизводстве по существу используются доказательства, которые по форме ими не являются. Это недопустимо как с точки зрения задач процесса, так и интересов его участников, в частности, обвиняемого, потерпевшего и других лиц.

Рекомендации не оформлять процессуально вещественные доказательства до выяснения тех или иных вопросов с помощью ключения эксперта или иных доказательств обосновывают и тем, что закон не случайно говорит о направлении на экспертизу не вещественных доказательств, а материалов, предметов, документов⁸⁴. В законе вопрос этот решен правильно. На экспертизу действительно направляются предметы, а не вещественные доказательства. Не вещественное доказательство, а именно предмет с его свойствами и признаками, не относящимися к содержанию вещественного доказательства и требующими специальных познаний для их установления, является объектом заключения эксперта. Это не влияет на решение вопроса о времени процессуального оформления вещественных доказательств.

Утверждают, что принятие решения о приобщении вещественного объекта к делу в качестве доказательства до выяснения всех имеющих значение для дела признаков объекта «...привело бы к загромождению дела ненужными документами (постановлениями о приобщении к делу объектов, фактически не являющихся вещественными доказательствами)⁸⁵. Произойти такое может в работе с любыми, а не только вещественными доказательствами. Поэтому, приглашая на допрос свидетеля, назначая экспертизу или решая вопрос о приобщении к делу предмета в качестве вещественного доказательства, всегда необходимо руководствоваться правилом об относимости доказательств.

На основании вещественных доказательств могут устанавливаться любые обстоятельства, имеющие значение по уголовному делу. Это прежде всего обстоятельства, подлежащие доказыванию и предусмотренные ст. 68 УПК, иные обстоятельства, побочные, промежуточные факты, установление которых необходимо для последующего выяснения обстоятельств, указанных в ст. 68 УПК. Причем важно отметить, что действующее уголовно-процессуальное законода-

⁸⁴ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 649.

⁸⁵ Там же.

тельство, в отличие от прежнего (УПК РСФСР 1923 г.), к вещественным доказательствам относит предметы, которые могут служить не только средствами к обнаружению преступления и выявлению виновных, но и к опровержению обвинения, смягчению вины обвиняемого. Вещественные доказательства могут свидетельствовать также об отсутствии события преступления и состава преступления. Таким образом, они могут быть как обвинительными, так и оправдательными.

К вещественным доказательствам закон относит любые предметы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела (ст. 83 УПК). Это неточно. В уголовном судопроизводстве для выяснения некоторых обстоятельств могут быть использованы предметы, например, криминалистической техники, не являющиеся вещественными доказательствами. Вещественные доказательства — это не любые предметы, используемые в качестве средств к обнаружению преступления, а лишь те, которые в силу своей связи с событием преступления, в силу наличия у них в прошлом этой связи приобретают значение вещественных доказательств⁸⁶. К ним закон прежде всего относит предметы, служившие орудиями преступления, объектами преступных действий, сохранившие на себе следы преступления, а также предметы, содержащие фактические данные, опровергающие обвинение, устанавливающие наличие или отсутствие всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Особую группу вещественных доказательств составляют деньги и иные ценности, нажитые преступным путем. Об их сущности высказаны различные суждения. Есть мнение, что к этой группе вещественных доказательств относятся ценности «приобретенные непосредственно в результате преступления»⁸⁷, ценности, бывшие объектами преступных действий и обладающие индивидуально-определенными признаками, поэтому похищенные деньги и положенные на сберкнижку, а также приобретенные на эти деньги ценности «не могут служить вещественными доказательствами»⁸⁸. На неточность та-

---

⁸⁶ См.: Селиванов Н. А. Вещественные доказательства. М., 1971, с. 11; Арсеньев В. Д. Указ. соч., с. 95—96.

⁸⁷ Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1976, с. 135; Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 639.

⁸⁸ См.: Арсеньев В. Д. Указ. соч., с. 98—99.

ких суждений правильно обратил внимание В. Г. Даев⁸⁹. Относить к группе вещественных доказательств «деньги и иные ценности, нажитые преступным путем», все то, что приобретено непосредственно в результате преступления, неверно, поскольку в ст. 83 УПК особо выделена такая группа вещественных доказательств как предметы, которые «были объектами преступных действий обвиняемого». Лишь для предметов этой группы вещественных доказательств имеют значение индивидуально-определенные признаки; для денег и иных ценностей, нажитых преступным путем, признаки эти не имеют значения. Поэтому к группе вещественных доказательств «деньги и иные ценности, нажитые преступным путем», необходимо относить лишь материальные ценности, которые не были объектами преступных действий обвиняемого (это особая группа вещественных доказательств), но приобретены в результате совершения преступления. К их числу следует отнести, например, то, что приобретено на похищенные деньги, на деньги, вырученные от продажи похищенных вещей, и т. д. Эти материальные ценности, согласно п. 4 ст. 86 УПК, подлежат обращению в доход государства.

К вещественным доказательствам, орудиям преступления, согласно разъяснению Президиума Верховного Совета РСФСР, относятся автомашины, мотоциклы и другие транспортные средства, принадлежащие лицам, привлеченным к уголовной ответственности за хищение, совершенное с использованием этих транспортных средств⁹⁰. Пленум Верховного Суда СССР указал, что по делам о незаконной охоте, незаконном занятии рыбным и другими водными добывающими промыслами, незаконной порубке леса к вещественным доказательствам относятся автомашины, мотоциклы, лодки и иные транспортные и плавучие средства, в случае использования их как орудий, с помощью которых совершаются преступные действия: вылов рыбы, отстрел зверя и т. д. На основании ст. 86 УПК они подлежат конфискации⁹¹. К числу вещественных доказательств не относятся и не подлежат конфискации средства автотранспорта, использованные

⁸⁹ См.: Даев В. Деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, как вещественные доказательства. — «Соц. законность», 1976, № 4, с. 51—52.

⁹⁰ См.: «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1961, № 31, ст. 427.

⁹¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 3, с. 9.

не для хищения, а для перевозки приобретенного имущества; заведомо добытого преступным путем⁹².

Вещественные доказательства, как правило, являются первоначальными доказательствами. В качестве производных доказательств иногда рассматриваются копии, слепки, оттиски вещественных доказательств⁹³. Они являются не самостоятельными производными доказательствами, а процессуальными средствами закрепления первоначальных доказательств. В них иногда возникает особая необходимость, с учетом свойств, признаков предмета, его изменчивости, неотделимости от окружающей среды, невозможности длительного хранения, громоздкости, хрупкости и т. д. То, что копии, слепки, оттиски и т. д. не в состоянии передать всех свойств и признаков первоначального доказательства, не исключает их использования в уголовном судопроизводстве. Не повторяя полностью вещественный объект, они закрепляют и передают часть свойств и признаков объекта, сведения о которых имеют доказательственное значение.

Особое назначение в уголовном судопроизводстве имеют образцы для сравнительного исследования (ст. 186 УПК). От вещественных доказательств они отличаются прежде всего тем, что не содержат сведений о фактах, устанавливающих обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу, а предназначены для проведения сравнительного исследования и получения на его основе соответствующих доказательств.

Итак, для сущности вещественных доказательств характерно следующее:

а) содержанием вещественных доказательств являются фактические данные в виде определенных свойств и признаков вещественных объектов, на основании которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение по уголовному делу;

б) содержание вещественного доказательства — это те свойства и признаки предмета, которые могут быть непосредственно восприняты следователями, судьями, другими участниками процесса; оно не зависит от содержания иных доказательств;

в) формой вещественного доказательства являются процессуальные средства закрепления фактических данных, полученных от вещественного объекта. Только при соблюдении

⁹² См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 6, с. 9.

⁹³ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 642—645.

этой формы вещественный объект приобретает значение доказательства;

г) к вещественным доказательствам относятся не любые предметы, содействующие уголовно-процессуальному доказыванию, а лишь имеющие в силу своей связи с действиями, относящимися к исследуемому событию, признаки и свойства, сведения о которых необходимы для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу;

д) вещественное доказательство — это единство объекта материального мира и фактических данных, источником которых он является.

2. Процессуальное оформление вещественных доказательств. Предмет, как источник фактических данных, приобретает значение вещественного доказательства лишь в результате проведения определенных процессуальных действий и их соответствующего оформления. Для признания вещественного объекта доказательством необходимы следующие условия: а) составление протокола обнаружения вещественного доказательства (протокола осмотра места происшествия, обыска, освидетельствования и т. д.); б) составление протокола осмотра с подробным описанием вещественного доказательства (изготовление в необходимых случаях копий, слепков, оттисков и т. д.); в) вынесение постановления о приобщении вещественного доказательства к делу; г) наличие самого вещественного объекта, который, как правило, должен храниться при уголовном деле или в местах, установленных органами расследования, судом (ст. 84 УПК). В необходимых случаях вместо вещественных доказательств хранятся их копии, слепки, оттиски и т. д.

Средством обнаружения вещественных доказательств являются различные следственные и судебные действия: обыск, выемка, осмотр места происшествия, освидетельствование и т. д. Вещественные доказательства могут быть представлены обвиняемым, потерпевшим, защитником и другими участниками уголовного процесса, а также любыми гражданами, учреждениями, предприятиями и организациями (ст. 70 УПК).

В исключительных случаях вещественные доказательства могут быть получены и до возбуждения уголовного дела при проведении осмотра места происшествия (ст. 178 УПК), а также при представлении доказательств гражданами, учреждениями, предприятиями и организациями.

В следственных действиях, в том числе направленных на отыскание вещественных доказательств, могут участвовать

подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие. При определенных условиях это содействует успешному проведению следственных действий, а также обеспечению интересов участников процесса, лично заинтересованных в исходе дела.

Условия обнаружения вещественного доказательства должны быть точно и детально указаны в протоколе. Это имеет важное значение для оценки вещественного доказательства, определения, в частности, его относимости. Если вещественное доказательство обнаружено не в ходе следственного действия, а представлено участниками процесса и другими лицами, выяснение и указание условий его обнаружения имеет особое значение для проверки и оценки его достоверности.

Подробно следует описать место обнаружения и изъятия вещественного доказательства. Как верно заметил В. Д. Арсеньев, «место обнаружения вещественных доказательств играет такую же роль для определения их доказательственного значения, как личность свидетеля или потерпевшего — для определения доказательственного значения их показаний»⁹⁴.

Вещественный объект необходимо тщательно осмотреть, выявив все те его свойства и признаки, которые могут иметь отношение к обстоятельствам, подлежащим доказыванию. Все это должно быть описано в протоколе осмотра вещественного доказательства, с обеспечением полноты и точности сведений о свойствах и признаках предмета, имеющих доказательственное значение. Вещественные доказательства следует фотографировать. Обязательно должны быть сфотографированы те из них, которые в силу громоздкости или по другим причинам не могут храниться при уголовном деле (ст. 84 УПК).

Вещественные доказательства соответствующим образом упаковываются, опечатываются с тем, чтобы предотвратить их утрату и подмену. Порядок, сроки хранения вещественных доказательств, а также меры, принимаемые в отношении их при разрешении дела, предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством (ст. ст. 84, 85, 86 УПК).

3. **Оценка вещественных доказательств**, как и любых других доказательств, заключается в определении их относимости, допустимости, достоверности. Особенность оценки вещественных доказательств прежде всего связана с особенностью источника вещественных доказательств, в качестве которого выступает место их обнаружения. Анализ его позволяет оп-

⁹⁴ Арсеньев В. Д. Указ. соч., с. 97.

ределить относимость доказательства и решить другие вопросы. Так, обнаружение того или иного предмета на месте происшествия может свидетельствовать о его связи с происшедшими там событиями. Представление предмета участником процесса, а не обнаружение его следователем на месте происшествия, может повлиять на оценку его достоверности.

Оценка допустимости состоит в анализе соблюдения порядка процессуального оформления вещественного доказательства. Это влияет и на решение вопроса о достоверности вещественного доказательства, т. е. вопроса о том, насколько его свойства и признаки верно отражают события и действия.

При оценке вещественного доказательства необходимо проанализировать весь ход, процесс его образования: условия обнаружения, хранения, тщательность осмотра, соблюдение порядка процессуального оформления. Важно решить вопрос о подлинности вещественного объекта, тот ли это предмет, который был обнаружен как вещественное доказательство; выяснить все, что могло повлиять на его сохранность, изменение свойств, фальсификацию.

Оценка вещественного доказательства судом должна быть результатом неперемного осмотра его в судебном заседании в соответствии с принципом непосредственности судебного разбирательства. Оценка доказательства только по протоколу его осмотра и другим процессуальным документам может привести к ошибочным решениям.

Вещественные доказательства при правильном их использовании несут объективную информацию о фактах, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, и в этом их несомненная ценность. Но нельзя не учитывать возможности влияния на их содержание и субъективного фактора, связанного с восприятием свойств и признаков предмета, их объективной фиксацией и обеспечением сохранности для последующего использования в ходе уголовного-процессуального доказывания. Влияние субъективного фактора на вещественные доказательства необходимо учитывать при оценке их достоверности.

Определяя достоверность вещественных, как и любых иных доказательств, необходимо исходить из всей совокупности доказательств по делу, наличия согласованности или противоречий между ними.

§ 5. Протоколы следственных и судебных действий, иные документы

1. Документы в уголовном судопроизводстве являются одним из видов доказательств. Они подразделяются на две основные группы: а) протоколы следственных, судебных действий, б) иные документы (ст. 69 УПК).

Чаще всего документами в уголовном судопроизводстве бывают различные письменные акты: справки, характеристики, ведомости, акты ревизий, докладные, объяснения, расписки и т. д. Но возможен и другой вид документов. Для их приготовления можно использовать не только писчую бумагу, но и фотобумагу, фотопленку, магнитную ленту и другой материал; они могут быть не только письменными, но и графическими, фонографическими и т. д.

Не ограничивая документы лишь письменными актами, вместе с тем неверно определять документ как «материальный предмет, на котором (или при помощи которого) зафиксированы сведения об определенных фактах»⁹⁵. Такое определение документа как бы отождествляет его с вещественным доказательством. Для документа же характерны свои признаки:

а) Документ должен исходить от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц или граждан (ст. 88 УПК). Авторами сведений, которые в нем содержатся, могут быть официальные и частные лица. К документам официальных лиц предъявляются особые требования. Во-первых, содержание документа должно соответствовать компетенции должностного лица, и, во-вторых, сам документ должен содержать определенные реквизиты (установленный для данного документа перечень сведений, подписи, печать и т. д.).

б) Документ является доказательством, если сведения о фактах, изложенные в нем, имеют значение для уголовного дела, если с их помощью можно установить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 88 УПК).

в) В документе сведения о тех или иных обстоятельствах, фактах выражены в виде описания этих обстоятельств и фактов лицами, от которых документ исходит. Так, в акте ревизии описывается недостача материальных ценностей, ее размер, в характеристике — данные о личности и т. д. Этим до-

⁹⁵ Арсеньев В. Д. Указ. соч., с. 108.

кумент отличается, в частности, от вещественного доказатель-ства, для которого характерно, что сведения о тех или иных фактах, как правило, образуются не в результате описания этих фактов, а в результате непосредственного оставления на материальном объекте следов того или иного события, дей-ствия. Так, например, накладная может содержать исправле-ния количества и суммы полученного товара.

г) Для изложения в документе сведений об обстоятель-ствах и фактах могут быть использованы различные способы передачи информации и различные материальные объекты, пригодные для этого.

д) Документ приобретает значение доказательства, если он получен с соблюдением определенной процессуальной формы. Так, например, в стадии возбуждения уголовного де-ла объяснения очевидцев являются документами, на основа-нии которых могут приниматься соответствующие решения. В стадии расследования такие объяснения-документы доказа-тельствами не являются; очевидцев тех или иных событий необходимо допрашивать в качестве свидетелей с составле-нием особого документа — протокола допроса.

В качестве признака документа иногда указывают на то, что он как «...материальный носитель информации возникает за рамками производства по уголовному делу»⁹⁶. Это не яв-ляется специфическим признаком документа. Как материаль-ный объект он может иногда появиться независимо от про-изводства по уголовному делу, но точно также, независимо от производства по уголовному делу, появляются и иные источники сведений о фактах: очевидцы событий, предметы со следами событий и т. д. Любой источник фактических дан-ных приобретает значение доказательства лишь в рамках производства по уголовному делу с соблюдением определен-ной процессуальной формы. Причем некоторые документы возникают только в ходе судопроизводства, например, объяс-нения лиц в стадии возбуждения уголовного дела, акт ревизи-и, проведенной на основании ст. 70 УПК, и др.

Документы, исходящие от должностных лиц, граждан, мо-гут быть представлены органам расследования и суду как этими, так и другими лицами, они могут быть истребованы органами расследования, судом, а также изъяты при прове-дении различных следственных действий. Документы, имею-

⁹⁶ Прокофьев Ю. Н. Использование документов или доказа-тельств в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дис. М., 1976; с. 5; 10.

щие значение для установления истины, приобщаются к делу и подлежат исследованию, проверке и оценке. Таким образом, документ в уголовном судопроизводстве — это исходящий от должностного лица или гражданина письменный акт или иной материальный объект, содержащий сведения о фактах, имеющих значение для уголовного дела, полученный в установленном порядке органами расследования или судом и приобщенный к уголовному делу.

В случаях, когда документ обладает признаками, указанными в ст. 83 УПК, он является вещественным доказательством (ст. 88 УПК). Разграничение документа и документа — вещественного доказательства имеет большое практическое значение: от этого зависит их правильное использование в доказывании, кроме того, законом установлен разный порядок их процессуального оформления. Документы просто приобщаются к делу, а в отношении документа — вещественного доказательства должны быть вынесены: протокол обнаружения, протокол осмотра, постановление о приобщении к делу. На практике иногда возникают сложности с разграничением документов и документов — вещественных доказательств, а в юридической литературе по этому вопросу высказаны различные суждения. Наиболее правильный подход к его решению состоит в предложении учитывать не один какой-то решающий признак в разграничении документа и документа — вещественного доказательства, а совокупность таких признаков⁹⁷. К ним прежде всего следует отнести способ сохранения и передачи сведений о фактах. В документе таким способом является описание событий, фактов, а в документе — вещественном доказательстве — их непосредственное отражение на документе, а не описание⁹⁸. Так, например, незаконный приказ лица, обвиняемого в должностном преступлении, будет вещественным доказательством, а акт ревизора о незаконных действиях этого лица — документом.

Однако, один этот признак не позволяет во всех случаях правильно решить вопрос о разграничении документа и документа — вещественного доказательства. Так, исходя лишь из этого признака, авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе» относят дневники и письма обви-

⁹⁷ См.: Прокофьев Ю. Н. Использование документов как доказательств в советском уголовном процессе..., с. 6—7; Копьева А. Н. Документы как доказательства в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дис. М., 1969, с. 6—8.

⁹⁸ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 672—673.

няемого, в которых подтверждается факт совершения преступления, не к вещественным доказательствам, а к документам, поскольку они содержат лишь описание событий⁹⁹. Но такие дневники и письма ценны не только тем, что в них содержится описание событий, действий, а и тем, что эти сведения исходят от лица, обвиняемого в преступлении. Такой документ ценен как материальный объект, он приобретает значение вещественного доказательства. Поэтому, если документ представляет собой ценность как материальный объект в связи с тем, что он был использован для совершения преступления, или сохранил на себе следы преступления, или был объектом преступных действий, или находился в иной связи с исследуемым событием, он, согласно ст. 83 УПК, должен рассматриваться как вещественное доказательство.

Проверка и оценка документов осуществляется на общих основаниях, согласно ст. ст. 70, 71 УПК. То, что многие документы исходят от государственных органов, официальных лиц, не придает им особого доказательственного значения. Все документы подлежат тщательной, всесторонней, объективной проверке и оценке по внутреннему убеждению лица, осуществляющего доказывание. Проверка и оценка документа заключается в определении его допустимости, а также относимости и достоверности содержащихся в нем сведений.

Необходимо выяснить условия образования документа, учитывая при этом, что в одних случаях автор документа мог быть очевидцем тех фактов, сведения о которых он приводит в документе, а в других случаях эти сведения получены им из различных источников. Для проверки сведений, содержащихся в документе, можно допросить его автора.

Достоверность документа проверяется обычными следственными и судебными действиями, сопоставлением сведений, содержащихся в документе, с теми сведениями, которые получены из других источников. Причем сведения, содержащиеся в документах, которыми по установленным правилам обычно оформляются те или иные действия и отношения, могут быть опровергнуты другими доказательствами. Так, например, накладная о передаче материальных ценностей от одного лица другому или квитанция об уплате определенной суммы не свидетельствуют о беспорной достоверности фактов, которые они удостоверяют, факты эти могут быть опровергнуты иными доказательствами.

⁹⁹ См.: там же, с. 673.

В документе подлежат оценке его содержание и форма: достоверность фактических данных, полнота информации о них, выдан ли документ в установленном порядке, в пределах полномочий должностных лиц, его подписавших, содержит ли он все необходимые реквизиты и т. д. Причем не всякое отступление от порядка оформления документа делает его ничтожным, следует учитывать причину такого отступления и возможность устранения некоторых недостатков, имеющих в документе.

При оценке допустимости документов в качестве доказательств необходимо учитывать возможность использования некоторых из них лишь в определенных стадиях уголовного судопроизводства. Так, например, объяснения лиц могут быть использованы как документы для выяснения оснований к возбуждению уголовного дела (ст. 109 УПК) и не могут быть использованы в стадии предварительного расследования и судебном разбирательстве вместо показаний этих лиц как свидетелей.

Различные ведомственные документы: акты ревизий, заключения, именуемые экспертизой, и т. п., являясь источниками доказательств, не могут рассматриваться как заключение эксперта и подменять его в тех случаях, когда для выяснения специальных вопросов требуется проведение экспертизы. На это особо обратил внимание судей Пленум Верховного Суда СССР¹⁰⁰.

В судебном разбирательстве проверка и оценка документов должна непременно сопровождаться их оглашением в ходе судебного следствия. Оглашение как всего документа полностью, так и какой-либо его части (ст. 292 УПК) возможно по инициативе суда или других участников процесса.

2. Протоколы следственных и судебных действий являются особым видом документов в уголовном судопроизводстве (ст. ст. 69, 87 УПК). Их значение для доказывания состоит в том, что они выступают основным процессуальным средством оформления следственных действий, их результатов, а также хода судебного разбирательства. С их помощью фиксируются сведения о фактах, полученные при проведении следственных, судебных действий, в том числе сведения о фактах, которые были объектами непосредственного наблюдения со стороны следователей, судей и других участников процесса.

---

¹⁰⁰ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР..., с. 591.

К документам, с точки зрения их доказательственного значения, относятся не все протоколы следственных, судебных действий, а лишь содержащие сведения о фактах, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Поэтому в качестве таких документов не могут, например, рассматриваться протоколы о принятии залога (ст. 99 УПК), о разъяснении лицам, понесшим материальный ущерб от преступления, права предъявить гражданский иск (ст. 137 УПК), и др.

Доказательственное значение имеют протоколы следующих следственных действий, указанных в законе: осмотра, освидетельствования, выемки, обыска, задержания, предъявления для опознания, следственного эксперимента (ст. 87 УПК). Перечень этот, надо полагать, не исчерпывающий. Иногда возможно составление протокола, содержащего сведения о фактах, имеющих доказательственное значение, и в других случаях: при составлении протокола о явке с повинной (ст. 111 УПК), о наложении ареста на имущество (ст. ст. 175, 176 УПК) и т. д.

В ст. 87 УПК РСФСР среди протоколов следственных действий, имеющих доказательственное значение, не названы протоколы допросов обвиняемых, свидетелей и других лиц. Вряд ли это следует рассматривать как «явный пробел закона»¹⁰¹. Вызвано это тем, что показания обвиняемых, подозреваемых, потерпевших, свидетелей, а следовательно, и протоколы их допросов отнесены законом к самостоятельным видам доказательств (ст. ст. 69, 74—77, 123, 151, 160, 161 УПК).

Доказательственное значение имеет не только содержание самого протокола следственного или судебного действия, но и содержание различных приложений к протоколу: планов, схем, фотоснимков, кинолент и т. д. (ст. 141 УПК), которые необходимо рассматривать в качестве составной части протокола, неотделимой от письменного описания фактов¹⁰². Причем приложения к протоколу не только конкретизируют сведения о фактах, изложенных в протоколе, но и могут содержать сведения, не отраженные в протоколе. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отметила, что схемы дорожных происшествий могут иметь значение са-

¹⁰¹ Арсеньев В. Д. Указ. соч., с. 109.

¹⁰² См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 676—679.

мостоятельного документа, а не только приложения к протоколу осмотра¹⁰³.

Законом предусмотрены порядок составления и форма протоколов следственных и судебных действий (ст. ст. 102, 141, 142, 166, 176, 182, 183, 264 УПК и др.). Их точное соблюдение является условием допустимости использования в качестве фактических данных сведений, содержащихся в протоколе. Отступление от этих правил порождает сомнения в достоверности сведений и может привести к утрате доказательственного значения протокола.

Среди всех документов в уголовном судопроизводстве особое место принадлежит протоколу судебного заседания (ст. 264 УПК). Это единственный процессуальный документ, который свидетельствует обо всем, что происходит в судебном разбирательстве. Лишь на основании его можно судить, насколько полно, всесторонне и объективно проведено судебное следствие. Суд основывает приговор только на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании и нашли свое отражение в протоколе заседания (ст. 301 УПК). Значение протокола судебного заседания неоднократно подчеркивал Верховный Суд СССР. Так, в постановлении от 3 декабря 1976 г. «О дальнейшем совершенствовании судебной деятельности по предупреждению преступлений» Пленум Верховного Суда СССР обратил внимание судей, председательствующих в судебном заседании, что они лично несут ответственность за полное и объективное отражение в протоколе заседания всего хода судебного разбирательства; на то, что замечания на протокол, приносимые участниками процесса, подлежат самому тщательному и объективному рассмотрению со стороны судьи или суда¹⁰⁴.

Установленный законом порядок принесения и рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания (ст. ст. 265, 266 УПК) является определенной гарантией его полноты и достоверности. Порядок этот неодинаков по уголовно-процессуальному законодательству различных союзных республик. Обеспечению наибольшей достоверности протокола соответствует порядок, по которому в случае несогласия председательствующего с поданными замечаниями они вносятся на рассмотрение распорядительного заседания суда в составе судей, участвовавших в разбирательстве дела¹⁰⁵, а лица,

¹⁰³ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 3, с. 36—37.

¹⁰⁴ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1977, № 1, с. 15.

¹⁰⁵ См.: ст. 118 УПК Литовской ССР.

подавшие замечания на протокол судебного заседания, непременно вызываются для участия в распорядительном заседании суда¹⁰⁶. В распорядительное заседание следовало бы вызывать не только лиц, подавших замечание на протокол судебного заседания, но и других участников процесса, заинтересованных в полном и достоверном изложении фактов в протоколе судебного заседания.

В целях улучшения качества протоколов судебных заседаний в юридической литературе были высказаны различные предложения. Наиболее эффективным в этом плане представляется расширение использования звукозаписи в уголовном судопроизводстве.

---

¹⁰⁶ См.: ст. 91 УПК Армянской ССР; ст. 110 УПК Туркменской ССР.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДОКАЗЫВАНИЕ

§ 1. Понятие доказывания

Установление истины в уголовном судопроизводстве осуществляется посредством доказывания, которое заключается в собирании, проверке, оценке доказательств, в обосновании выводов по уголовному делу.

Доказывание в уголовном судопроизводстве является разновидностью познания человеком реально существующей, объективной действительности. Познание в уголовном судопроизводстве можно рассматривать в разных аспектах: как установление объективной истины (о чем шла речь во второй главе книги), как познавательную деятельность, направленную на установление истины (этому вопросу посвящена настоящая глава книги).

Уголовно-процессуальное доказывание носит исследовательский характер, оно направлено на выяснение имевших место событий, на познание фактов реальной действительности, на установление объективной истины и подчинено общим закономерностям марксистско-ленинской теории познания. В. И. Ленин писал: «Познание — есть отражение человеком природы»¹. Как и в других сферах общественного познания в уголовном процессе *«из незнания является знание... неполное, неточное знание становится более полным и более точным»*². Диалектический путь познания объективной действительности — это путь *«от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике...»*³.

В уголовном судопроизводстве доказывание начинается с живого созерцания, эмпирического, непосредственного восприятия фактов и первых сведений о них следователями и другими лицами, осуществляющими доказывание. Оно обогащается затем логическим, рациональным мышлением, поз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 163—164.

² Там же, т. 18, с. 102.

³ Там же, т. 29, с. 152—153.

воляющим переработать информацию, проникнуть в сущность изучаемого явления, познать факты, образующие событие преступления, установить объективную истину. Основой этого процесса познания и критерием истины является практика. Практика — основа познания обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу. Практикой осуществляется и проверка истинности выводов на всех стадиях процесса, от возбуждения уголовного дела до вынесения приговора, проверка его законности и обоснованности. Практика в различных ее проявлениях выступает как критерий истинности выводов в уголовном судопроизводстве. Таким критерием прежде всего является совокупность фактических данных, на основании которых проверяется истинность суждений о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. В. И. Ленин считал факты, обосновывающие вывод, критерием истинности вывода и писал, в частности, характеризуя «Капитал» К. Маркса, что «проверка фактами respective практикой есть здесь в *каждом* шаге анализа»⁴. Такая оценка фактов как критерия истины, их роли в проверке обоснованности выводов полностью относится и к уголовно-процессуальному доказыванию.

Для доказывания в уголовном судопроизводстве характерно единство чувственного, эмпирического, рационального, логического, непосредственного и опосредствованного познания. Однако их диалектическое единство не исключает различных уровней познания. Чувственное познание проявляется в непосредственном восприятии фактических обстоятельств дела следователем и другими лицами, осуществляющими доказывание. Для эмпирического познания характерно не только непосредственное, но и опосредствованное восприятие действительности. Это, например, происходит при допросе свидетелей и других лиц, с помощью которых опосредствованным путем следователь, суд узнают фактические обстоятельства дела. Рациональное познание осуществляется путем оценки совокупности фактических данных, позволяющей сделать выводы о наличии или отсутствии обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, путем логического анализа фактических данных, полученных эмпирическим путем.

Доказывание в уголовном судопроизводстве — это не только опосредствованное, но и непосредственное познание. Последнее возможно в отношении отдельных обстоятельств,

---

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 302.

входящих в предмет доказывания по уголовному делу: последствий совершения преступления, места совершения преступления, орудий и средств, при помощи которых совершено преступление, и некоторых других обстоятельств⁵. Утверждение, что процессуальное доказывание «есть полностью опосредствованный путь познания»⁶, не соответствует марксистско-ленинской теории познания, согласно которой любое познание осуществляется эмпирическим, непосредственным и рациональным, опосредствованным путем. Не соответствует оно и практике уголовно-процессуального доказывания; то, что следователи и судьи некоторые обстоятельства, входящие в предмет доказывания, воспринимают непосредственно — очевидно. Ф. Н. Фаткуллин отрицает непосредственный путь познания на том основании, что «знания об обстоятельствах и фактах, подлежащих установлению по делу, и об их существовании всегда приобретаются только при помощи определенных средств, облеченных в предусмотренную законом процессуальную форму»⁷. То, что истина устанавливается, а выводы по делу обосновываются доказательствами — верно, но это не опровергает возможности непосредственного познания следователями и судьями отдельных фактов в процессе их обнаружения, отбора и соответствующего процессуального закрепления сведений о них. Следует заметить, что в другом случае Ф. Н. Фаткуллин допускает непосредственное познание в уголовном судопроизводстве, когда пишет, что «чувственное восприятие так или иначе наличествует при выявлении любых обстоятельств внешнего мира (в том числе при помощи сведений о них), однако оно никогда не достаточно для надлежащего познания их существования»⁸. Последнее верно, тем более для уголовно-процессуального познания, но недостаточность чувственного, эмпирического, непосредственного познания свидетельствует о его наличии, а не об его отсутствии в уголовно-процессуальном доказывании.

Любое познание основано на единых методологических закономерностях, но для отдельных видов познания характер-

⁵ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 291—293; Белкин Р. С., Вилберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., 1969, с. 11—13; Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969, с. 9—24; Дорохов В. Я., Николаев В. С. Обоснованность приговора. М., 1959, с. 37—40.

⁶ Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976, с. 16.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 17.

ны и определенные особенности. Учитывая эти особенности, следует отличать познание в уголовном судопроизводстве от научного, теоретического познания. Элементы научного познания присущи и уголовно-процессуальному познанию. Внедрение достижений научно-технического прогресса в уголовно-процессуальное доказывание содействует более успешному решению задач процесса. Характер научного исследования может носить, например, деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве. Но в уголовно-процессуальном доказывании преобладает практическое, а не теоретическое мышление. Практика является основой и теоретического познания, но для уголовно-процессуального познания она имеет особое значение. Она пронизывает все уголовно-процессуальное доказывание, которое всегда, в каждом случае должно заканчиваться конкретными практическими выводами (совершено или не совершено преступление, виновен или невиновен обвиняемый и т. д.).

Анализируя соотношение теоретического и уголовно-процессуального познания и отмечая, что последнее — это практическое познание, призванное выявить в конкретном явлении наличие или отсутствие уже познанных сущностей, О. Т. Сизякин пишет: «Создавая норму права, законодатель шел от единичного к общему, от явления к сущности. В судебном познании имеет место, так сказать, обратная связь, а именно: движение от познанного общего, познанной сущности к единичному, к явлению с целью идентификации сущностей — той, которая содержится в исследуемом единичном событии, явлении, и той, которая отражена нормой материального права»⁹. Это верная характеристика особенности процессуального познания. Ее критика И. М. Лузгиным на том основании, что «следователь изучает не норму уголовного права, а конкретное деяние, устанавливает его черты, свойства»¹⁰, представляется не убедительной. То, что следователь, суд должны познать сущность конкретного деяния верно, но верно и то, что им необходимо познать, является ли оно конкретным проявлением некоторой сущности, отраженной в норме права. В этом, в частности, особенность уголовно-процессуального познания.

Теоретическое познание и познание в уголовном процессе

⁹ Сизякин О. Т. Сущность и явление в уголовном процессе. — «Советское государство и право», 1968, с. 117.

¹⁰ Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973, с. 33.

отличаются по своему предмету и методу. Предмет теоретического познания безграничен, его составляют новые сущности, закономерности развития природы и общества. Предмет процессуального познания ограничен предписаниями уголовного и уголовно-процессуального закона, он связан не с новыми, а с уже познанными сущностями и выраженными в таких понятиях, как событие преступления, вина и другие обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу.

Отличительной чертой процессуального познания в сравнении с теоретическим познанием является правовая регламентация процесса познания и возможности использования тех или иных средств в качестве доказательств истинности выводов.

Закон регулирует деятельность по доказыванию и те отношения, которые возникают между участниками уголовно-процессуального доказывания. Процессуальная форма доказывания содействует познанию фактов, установлению истины в уголовном судопроизводстве¹¹. Она отражает основные методологические положения марксистско-ленинской теории познания. Примером этому является норма, предусматривающая обязанность всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК).

Процессуальная форма призвана обеспечить наиболее эффективный, оптимальный путь познания в уголовном судопроизводстве. С учетом потребностей практики и научных исследований процессуальная форма постоянно развивается, совершенствуясь тем самым и процесс познания фактов, установления объективной истины.

Значение процессуальной формы доказывания состоит в том, что она регламентирует все основные стороны доказывания. Закон определяет предмет доказывания, обстоятельства, подлежащие доказыванию по каждому уголовному делу (ст. 68 УПК). В законе названы средства, которые могут быть использованы в ходе уголовно-процессуального доказывания, в частности, источники фактических данных (ст. 69 УПК); следственные, судебные действия, направленные на установление истины (ст. 70 УПК и др.). Законом установлен круг лиц, осуществляющих доказывание и участвующих в нем; предусмотрены их права и обязанности, связанные с осуществлением доказывания. Некоторые лица (обвиняемый, потерпевший и др.) особо заинтересованы в результатах до-

¹¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 324—342.

казывания по уголовному делу, в связи с чем законом предусмотрены процессуальные гарантии защиты их прав и интересов в ходе доказывания. Регламентирован законом и сам процесс доказывания.

Соблюдение процессуальной формы доказывания — одна из сторон обеспечения социалистической законности в уголовном судопроизводстве.

В юридической литературе высказаны различные суждения о сущности доказывания, в частности о том, является ли оно лишь практической деятельностью следователя, суда по собиранию доказательств или лишь их мыслительной деятельностью, или сущность доказывания как в той, так и в другой деятельности¹². В уголовном судопроизводстве истина устанавливается и посредством практической деятельности по собиранию доказательств и посредством логической, мыслительной деятельности, связанной с анализом доказательств. Поэтому уголовно-процессуальное доказывание необходимо рассматривать как практическую деятельность, заключающуюся в проведении следственных, судебных действий, направленных на обнаружение, закрепление, проверку доказательств, и как мыслительную деятельность, заключающуюся в оценке доказательств, обосновании результатов, выводов доказывания.

В процессуальной теории была предпринята попытка обосновать, что «оценка доказательств — самостоятельная процессуальная категория, находящаяся вне границ понятия судебного доказывания»¹³. Основные аргументы заключались в том, что доказывание — это совокупность процессуальных действий, регламентированных законом, а мыслительный процесс не подлежит такому регулированию; а так же в том, что оценка доказательств как мыслительный процесс отличается от деятельности по собиранию и исследованию доказательств¹⁴.

Правовые нормы не подменяют законы мышления, но, несомненно, влияют на то, чтобы процесс мышления соответствовал этим законам. Примером таких норм могут быть нор-

---

¹² См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 293—296; Курылев С. В. Указ. соч., с. 24—37; Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, с. 5—14.

¹³ Курылев С. В. Указ. соч., с. 29.

¹⁴ Там же, с. 26—37. Критику этих суждений С. В. Курылева см.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 294—296; Лузгин И. М. Указ. соч., с. 179.

мы, определяющие предмет мыслительного процесса (ст. 68 УПК), основные начала оценки доказательств (ст. 71 УПК), требования, связанные с обоснованием и мотивировкой процессуальных решений (ст. ст. 205, 301 УПК и др.).

Оценка, как один из элементов процесса доказывания, естественно, отличается от его других элементов: собирания, проверки доказательств, но оторвать ее от других элементов доказывания и вывести за его пределы невозможно: Это нарушит единство процесса доказывания; собирание и проверка доказательств в отрыве от их оценки существовать не могут. В ходе собирания и проверки доказательств следователи и судьи в определенной мере осуществляют и их оценку.

Характерной чертой познания в уголовном судопроизводстве является то, что оно состоит не только в выявлении фактических обстоятельств уголовного дела, а и в их удостоверении в порядке, предусмотренном законом. Удостоверительная сторона познавательной деятельности имеет особое значение в уголовном судопроизводстве. В ходе уголовно-процессуального доказывания важно не только получить сведения о фактах. Для полного познания обстоятельств, подлежащих доказыванию, важно эти сведения о фактах удостоверить в порядке и способом, предусмотренным законом. Удостоверительная сторона деятельности в познавательном процессе содействует проверке и оценке доказательств, формированию внутреннего убеждения у лиц, осуществляющих доказывание. Она позволяет активно участвовать в проверке доказательств всем другим субъектам уголовно-процессуального доказывания. Удостоверительная деятельность обеспечивает необходимые условия для обоснования и мотивировки выводов, которые содержатся в принимаемых решениях, а также для проверки законности и обоснованности этих решений. Удостоверительная деятельность содействует установлению объективной истины, достоверности полученных в ходе доказывания знаний.

В уголовно-процессуальной теории верно отмечается несовпадение понятий истинности и достоверности¹⁵. Истина — это соответствие нашего знания объективной действительности, а достоверность — еще и обоснованность этого знания. Однако с точки зрения практики уголовно-процессуального доказывания нельзя считать истину установленной, если она

---

¹⁵ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 287—288.

не обоснована. В этом смысле прав М. С. Строгович, утверждая, что в уголовном судопроизводстве понятие «истины совпадает с понятием достоверности»¹⁶.

Удостоверительный характер процесса познания влияет на обоснованность и достоверность знаний в уголовном судопроизводстве.

Доказывание часто определяют как деятельность по собиранию, проверке и оценке фактических данных¹⁷. Но доказывание в уголовном судопроизводстве этим не ограничивается. Доказывание, связанное с выяснением фактических данных, «...продолжается до тех пор, пока исследование не приведет к определенному выводу (тезису, формуле), который воплощается в конкретном процессуальном решении. С этого момента исследование всей проблемы о преступлении и уголовной ответственности превращается в доказывание, обоснование уже достигнутого вывода, тезиса»¹⁸. Обоснование конкретного тезиса, вывода в одном случае рассматривают как иное значение понятия доказывания, в отличие от доказывания по собиранию, проверке и оценке фактических данных¹⁹; в другом — как элемент единого процесса доказывания²⁰. В. Д. Арсеньев предложил «...различать в общем понятии доказывания в уголовном процессе, предметом которого являются различные положения, особое понятие уголовно-процессуального доказывания как специфического уголовно-процессуального института, предметом которого являются только фактические обстоятельства дела»²¹.

Следует заметить, что доказывание в виде обоснования конкретного тезиса, вывода не всегда осуществляется лишь после того, как в уголовном судопроизводстве полностью закончится доказывание в виде собирания, проверки и оценки фактических данных. Обоснование тесно связано с исследованием фактических данных, с оценкой и проверкой доказательств.

С каких бы позиций не подходить к объяснению понятия

¹⁶ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, с. 326.

¹⁷ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 298.

¹⁸ Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М., 1971, с. 156.

¹⁹ См.: Строгович М. С. Указ. соч., с. 299; Савицкий В. М. Указ. соч., с. 156.

²⁰ См.: Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 13.

²¹ Арсеньев В. Д. Указ. соч., с. 11.

доказывания в уголовном судопроизводстве, его следует рассматривать как единое понятие, тождественное понятию процессуального доказывания, имея в виду вместе с этим два возможных его аспекта: доказывание-собрание, проверка и оценка фактических данных; доказывание-обоснование выводов, к которым приходят лица, осуществляющие уголовно-процессуальное доказывание.

Учитывая возможность разноаспектного толкования термина «доказывание», необходимо, как правильно заметил В. М. Савицкий, верно определять, какую смысловую нагрузку несет этот термин в каждом конкретном случае, что важно для правильного понимания многих институтов доказательственного права²².

Познание в уголовном судопроизводстве осуществляется с помощью уголовно-процессуального доказывания. Лишь на основе процессуального доказывания с соблюдением его процессуальной формы возможно установление объективной истины, выяснение обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Но из того, что уголовно-процессуальное доказывание — единственный путь обоснования истинности выводов в уголовном судопроизводстве, не следует, как иногда полагают, что познание в уголовном судопроизводстве возможно «не иначе, как путем процессуального доказывания»²³. Познание не исчерпывается уголовно-процессуальным доказыванием, ему известны и иные формы познавательной деятельности²⁴. Они не являются решающими, не заменяют процессуальное доказывание, не могут служить обоснованием принимаемых решений, но своей вспомогательной ролью по отношению к процессуальному доказыванию содействуют познанию в уголовном судопроизводстве.

Познание — процесс сложный, не всегда оно начинается с процессуального доказывания, иногда ему предшествует деятельность, направленная на поиск носителей нужной информации, отбор этой информации для последующей работы с ней путем процессуального доказывания. В ходе наблюдений, опроса граждан и при проведении следственных действий (обыска, осмотра, допроса свидетелей и т. д.) следователю приходится иметь дело с большим объемом различной информации, сведениями о фактах, которые еще не стали доказа-

²² См.: Савицкий В. М. Указ. соч., с. 158.

²³ Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 16.

²⁴ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 290; Лузгин И. М. Указ. соч., с. 19—21.

тельствами. На этом уровне познания ему уже приходится анализировать эту информацию, оценивать полученные сведения о фактах, решать вопрос об их относимости к делу и необходимости их процессуального оформления как доказательств²⁵. Познание с помощью такой информации не есть еще процессуальное доказывание, но от этого оно не перестает быть познанием.

Познанию в уголовном судопроизводстве содействует оперативно-розыскная деятельность²⁶. Это не процессуальная деятельность и в ходе ее нельзя получить доказательства, но можно обнаружить объекты — носители доказательственной информации, которые затем могут быть использованы в процессуальном доказывании и стать источниками сведений о фактах.

С познанием связана и проблема интуиции, ее роли в уголовном судопроизводстве. В юридической литературе значение интуиции для процессуального познания, с одной стороны, полностью отвергается, с другой — обосновывается. Вряд ли могут быть сомнения в том, что истина может быть познана интуитивно. Разумеется, для уголовного процесса этого недостаточно. Но практика уголовно-процессуального доказывания свидетельствует о том, что иногда интуитивная догадка следователя содействовала развитию версий, проверка которых приводила к установлению истины²⁷. В этом и состоит значение интуиции для познания. Как верно заметил А. М. Ларин, «догадку нельзя переоценивать, но нельзя и игнорировать — от нее нередко берет начало путь к истине»²⁸.

О том, что на познание в уголовном судопроизводстве влияют не только средства процессуального доказывания, свидетельствует и тот факт, что на различных стадиях уголовного процесса по-разному решается вопрос о допустимых средствах доказывания. Так, объяснения очевидцев в стадии возбуждения уголовного дела могут быть использованы для

---

²⁵ См.: Лузгин И. М. Указ. соч., с. 20—21; Василенко В. П., Трофимов А. М. О понятии исследования доказательственной информации. — В кн.: Наука и техника на службе предварительного следствия. Волгоград, 1976, с. 28—33.

²⁶ См.: Белкин Р. С. Собираание, исследование и оценка доказательств. М., 1966, с. 38—43.

²⁷ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 317—324; Ларин А. М. От следственной версии к истине. М., 1976, с. 95—105.

²⁸ Ларин А. М. Указ. соч., с. 105.

решения вопроса о наличии оснований к возбуждению уголовного дела. На последующих стадиях процесса они теряют свое значение как источники сведений о фактах, и должны быть заменены показаниями свидетелей. Но для познания они не потеряли полностью своего значения и, если между ними и показаниями свидетелей возникнут существенные противоречия, сведения о фактах должны проверяться, уточняться. В этой ситуации объяснения очевидцев, не являясь средством процессуального доказывания, однако, продолжают влиять на процесс познания.

В юридической литературе высказаны различные суждения о соотношении познания и доказывания в уголовном судопроизводстве. Есть мнение, что доказывание — это «познавательный и удостоверительный процесс в судопроизводстве...»²⁹. Из него вытекает вывод о том, что доказывание как понятие шире познания, поскольку имеет не только познавательный, но и удостоверительный характер. При этом не учитывается, что доказывание не единственное средство познания, а также то, что удостоверительная деятельность характеризует не только доказывание, но и иные способы познания. Другое мнение состоит в том, что «...процесс доказывания и есть процесс познания фактов, обстоятельств уголовного дела»³⁰.

Определенное единство познания и доказывания не означает их полного совпадения в уголовном судопроизводстве. Как уже отмечалось, основным средством познания является уголовно-процессуальное доказывание, но познанию способствуют и иные меры; как более емкое понятие, познание охватывает собой все средства, содействующие установлению объективной истины в уголовном судопроизводстве.

Итак, доказывание по уголовному делу — это уголовно-процессуальная деятельность и отношения, осуществляемые в порядке, предусмотренном законом, и заключающиеся в собирании, проверке, оценке доказательств, обосновании выводов по делу в целях установления истины и решения задач уголовного процесса.

Определяя доказывание, Ф. Н. Фаткуллин пишет, что оно заключается «в обосновании достоверных выводов по де-

---

²⁹ Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 289; См. также: Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 16.

³⁰ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 296.

ду»³¹. В ходе доказывания не всегда обосновываются достоверные выводы, иногда эти выводы бывают ошибочными, но доказывание от этого не перестает быть доказыванием, оно оказывается только порочным. Достоверность выводов — объективная истина, это — цель доказывания, требование, которое должно быть предъявлено к доказыванию, но это не признак самого понятия доказывания.

Сущность и основные средства доказывания являются едиными на протяжении всего уголовного процесса, в каждой его стадии. Но на некоторых стадиях процесса доказывание обладает определенными особенностями. Они касаются предмета и средств доказывания³².

§ 2. Содержание и субъекты процесса доказывания

1. **Содержание процесса доказывания.** Доказывание по своему содержанию представляет собой сложную систему деятельности органов расследования, суда и тех отношений, которые возникают в связи с этой деятельностью между участниками уголовного процесса. Доказывание — процесс сложный. Рассматривая доказывание как систему, необходимо различать ее структурные образования: элементы доказывания; средства доказывания; уровни доказывания.

Сложность доказывания имеет и иной аспект — это те трудности, которые существуют в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве. Они связаны с задачами процесса, целями доказывания, с необходимостью в каждом конкретном случае, по каждому делу прийти к познавательному результату, установить, какое и кем совершено преступление, не допустить привлечения к уголовной ответственности невиновного. Трудности доказывания возникают в связи с тем, что в уголовном судопроизводстве имеются такие помехи установлению истины, как противодействие успешному доказыванию со стороны некоторых лиц, заинтересованных в исходе дела (подозреваемых, обвиняемых и других лиц). Трудности уголовно-процессуального доказывания иногда возни-

³¹ Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 14.

³² См.: Арсеньев В. Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству. Иркутск, 1969.

кают в результате потери и искажения информации об обстоятельствах, имеющих значение по уголовному делу. Сложности доказывания в определенной мере связаны с его процессуальной формой. Процессуальная форма содействует установлению истины, ее соблюдение — непременно условие успешного доказывания, но, формализуя доказывание, она может как усложнять, так и упрощать его. Развитие и совершенствование процессуальной формы должно содействовать установлению наиболее эффективного, оптимального процесса доказывания.

Условиями преодоления трудностей, возникающих в процессе доказывания, являются высокая профессиональная подготовка следователей, судей, прокуроров, их политические, моральные, деловые качества.

Содержание процесса доказывания раскрывается в его элементах. Такими элементами являются: построение следственных версий, собрание (обнаружение, закрепление) доказательств, проверка (исследование) доказательств, оценка доказательств, обоснование выводов по уголовному делу³³.

Все элементы процесса доказывания взаимосвязаны и осуществляются не изолированно друг от друга, а в определенном единстве, характеризуя различные стороны единого процесса доказывания. В ходе собрания и проверки доказательств в определенной мере осуществляется и их оценка и построение версий. При обосновании выводов по делу доказательства проверяются и оцениваются. Однако на отдельных этапах доказывания тот или иной его элемент проявляется в большей или меньшей степени. В ходе предварительного расследования, тем более до предъявления обвинения, преобладают построение версий, собрание и проверка доказательств,

---

³³ М. С. Строгович выделяет четыре этапа: обнаружение доказательств, рассмотрение и процессуальное закрепление доказательств, проверка доказательств, оценка доказательств (Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 302); Арсеньев В. Д. — три элемента: собрание доказательств, исследование доказательств, оценка доказательств (Арсеньев В. Д. Основы теории доказательств в советском уголовном процессе, Иркутск, 1970, с. 41); А. Р. Ратинов к содержанию процесса доказывания относит: отыскание носителей информации, собрание, закрепление, проверку и оценку доказательств (Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 287).

О доказывании в уголовном судопроизводстве и его содержании см.: Лупинская П. А. Доказывание в советском уголовном процессе, М., 1966; Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств, М., 1966; Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами, М., 1966.

в судебных прениях — оценка доказательств, при постановлении приговора — обоснование выводов по делу. Однако в каждом из этих случаев можно обнаружить и иные элементы процесса доказывания.

Одним из элементов процесса доказывания является построение и динамическое развитие следственных версий. На это верно обратил внимание Ф. Н. Фаткуллин³⁴. Версии играют значительную роль в доказывании, содействуя всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела. С учетом фактических данных, собранных по уголовному делу, необходимо выдвигать все возможные версии, не ограничиваясь односторонним направлением доказывания. Построение по каждому уголовному делу, независимо от его кажущейся «простоты», общих и частных версий является условием успешного осуществления доказывания³⁵.

Другим элементом процесса доказывания является собирание доказательств. Согласно ст. 70 УПК лица, производящие дознание, следователь, прокурор, суд вправе по находящимся в их производстве делам вызывать любое лицо для допроса, поручать проведение экспертизы, производить осмотры, обыски и другие предусмотренные законом следственные действия; требовать от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан представления предметов и документов; требовать производства ревизий. Доказательства могут быть представлены участниками процесса, а также любыми гражданами, учреждениями, предприятиями и организациями.

Собирание доказательств заключается в поиске и обнаружении источников необходимой информации, в обнаружении сведений о фактах, имеющих доказательственное значение. Необходимо найти и допросить свидетелей, выявить и осмотреть место совершения преступления и т. д. Но собирание заключается не только в обнаружении доказательств. Сведения о фактах приобретают доказательственное значение, если они соответствующим образом закреплены способом и в порядке, установленном законом: составлен протокол допроса свидетеля, протокол осмотра места происшествия и т. д. Соблюдение процессуальной формы обнаружения и закрепления доказательств является определенной гарантией, способствует их сохранности, обеспечивает возмож-

³⁴ См.: Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 10—11.

³⁵ О роли версии в доказывании см.: Ларин А. М. От следственной версии к истине. М., 1976.

ность их последующей проверки, оценки, использования для обоснования выводов по делу.

Следующий элемент процесса доказывания — проверка доказательств. Все собранные по делу доказательства подлежат тщательной, всесторонней и объективной проверке со стороны лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда (ч. III ст. 70 УПК). Проверке подлежит каждое доказательство как конкретное сведение о том или ином факте. Доказательства в виде сведений о фактах могут правильно отражать факты, а могут исказить их, они могут быть достоверными и недостоверными. Проверка доказательств способствует выяснению этого. Для проверки доказательств используются разные методы. Прежде всего доказательства должны быть тщательно проанализированы. Сведения о фактах должны детально проверяться путем подробного допроса свидетелей и других лиц, внимательного осмотра места происшествия, вещественных доказательств. Проверая доказательства, необходимо сопоставлять их с другими доказательствами, полученными из того же источника и из других источников. Способом проверки доказательств является поиск новых источников фактических данных, новых доказательств. Так, проверить сведения о фактах, полученные от свидетеля, можно путем розыска и допроса других свидетелей, проведения иных следственных действий. Искажение информации в одном источнике возможно, но в системе источников такая вероятность сокращается или совсем исчезает. Поэтому, проверяя доказательства, следует искать новые источники сведений о тех же фактах, разнообразить эти источники, не ограничиваясь одним видом, например, только свидетельскими показаниями; нужно строить такую систему доказательств, которая свидетельствовала бы об их достоверности.

При проверке доказательств необходимо изучать источник информации, учитывать условия обнаружения и формирования доказательств, обстановку, в которой были обнаружены вещественные доказательства, взаимоотношения свидетелей, потерпевших, обвиняемых, квалификацию эксперта и другие обстоятельства, влияющие на достоверность доказательств.

Оценка доказательств заключается в определении значимости доказательств для установления истины, решения всех задач уголовного судопроизводства. Оценка доказательств — это мыслительный, логический процесс. Он осуществляется на основе законов логики, психологии, на него влияют пра-

вовое и нравственное сознание субъекта, производящего оценку доказательств. То, что оценка доказательств, как мыслительный процесс, подчинена объективным законам мышления, не исключает возможности ее правового регулирования. На основе объективных законов правовые нормы устанавливают основные, имеющие принципиальное значение правила оценки доказательств; они предусмотрены, в частности, в ст. ст. 71, 77, 80, 221, 301 УПК и других нормах.

Субъектами оценки доказательств могут быть любые участники процесса, но их оценки имеют неодинаковое значение для процессуального доказывания. Особое значение имеет оценка доказательств лицами, производящими доказывание. От их оценки зависят процессуальные решения и окончательные выводы по делу о наличии или отсутствии состава преступления, о виновности или невиновности обвиняемого, о наказании виновного.

В качестве принципов оценки доказательств иногда рассматривают положения, указанные в ст. 71 УПК. Принципами доказывания, а следовательно, и принципами оценки доказательств являются общие принципы советского уголовного процесса. В ст. 71 УПК сформулировано основное правовое требование к оценке доказательств. Оно заключается в том, что суд, прокурор, следователь, осуществляя доказывание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием. Ф. Н. Фаткуллин видит в этом четыре взаимосвязанных принципа оценки доказательств, каждый из которых «...имеет специфический смысл и назначение, придающие ему относительную самостоятельность»³⁶. В ст. 71 УПК, как это видно из ее содержания, речь идет о едином требовании к оценке доказательств, заключающемся в том, что оценка должна осуществляться по внутреннему убеждению, основанному: а) на анализе совокупности доказательств, б) на законе, в) на социалистическом правосознании³⁷.

Внутреннее убеждение в оценке доказательств необходимо рассматривать в двух аспектах: как метод оценки доказательств и как результат оценки. Как метод оценки дока-

³⁶ Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч., с. 184.

³⁷ Как единый принцип оценки доказательств рассматривает положение ст. 71 УПК Лупинская П. А. (См.: Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 1976, с. 88—96).

зательств внутреннее убеждение характеризуется следующими положениями: а) все субъекты, оценивающие доказательства, должны руководствоваться только своим внутренним убеждением, исходить не из той оценки, которую дали доказательствам другие лица и участники процесса, а именно лишь из своего внутреннего убеждения. Закон обязывает каждого субъекта доказывания лично оценить доказательства. Отступление от этого требования приводит к ошибкам в доказывании; б) закон не устанавливает формальные правила, влияющие на характер оценки доказательств. Субъекты доказывания не стеснены формальной оценкой доказательств в законе. Это выражено в ст. 71 УПК, предусматривающей, что «...никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы». Доказательства оцениваются не по формальным признакам, а на основании внутреннего убеждения лица, осуществляющего оценку доказательств; в) оценка доказательств различными участниками процесса, в том числе вышестоящими должностными лицами и органами, не имеет обязательного значения для последующей оценки доказательств следователями, судьями и другими лицами, осуществляющими доказывание. Это выражено, в частности, в ст. ст. 127, 352, 380 УПК и других нормах. Так, если вышестоящий суд отменяет приговор нижестоящего суда и направляет дело для дополнительного расследования или повторного рассмотрения в суде, то он не вправе предрешать вопрос о доказанности или недоказанности обвинения, о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, о преимуществах одних доказательств перед другими; а если такие указания в прямой или косвенной форме содержатся в определении суда, следователя и судьи, оценивая доказательства, должны руководствоваться не этими указаниями, а своим внутренним убеждением.

Внутреннее убеждение, как результат оценки доказательств, означает уверенность следователя, судей в достоверности доказательств и правильности выводов, к которым они пришли в ходе уголовно-процессуального доказывания³⁸. Каждый процесс доказывания должен завершаться возникновением такой уверенности. Если ее нет, значит доказывание

³⁸ О внутреннем убеждении см.: Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., 1977; Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975.

страдает изъянами, значит от оценки доказательств необходимо вернуться к собиранию и проверке доказательств.

Внутреннее убеждение должно быть основано на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. С точки зрения совокупности доказательств должно оцениваться и каждое доказательство в отдельности и все они вместе. Анализ совокупности фактических данных является методологической основой познания. «...Необходимо, — писал В. И. Ленин, — брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения...»³⁹. Анализ доказательств в их совокупности — это один из факторов, влияющих на формирование внутреннего убеждения.

Другой фактор — это предписание уголовно-процессуального закона. Указания закона о допустимости доказательств, об особенностях оценки доказательств в различных стадиях уголовного процесса и по другим вопросам процессуальной формы доказывания являются требованиями закона, которые оказывают воздействие на формирование внутреннего убеждения следователей, судей.

С этим связан и следующий, предусмотренный законом фактор, влияющий на формирование внутреннего убеждения, — социалистическое правосознание лиц, осуществляющих доказывание. Правосознание воздействует не только на применение норм материального права, но и на применение норм процессуального права, в частности норм, влияющих на оценку доказательств. Правосознание отражается на формировании внутреннего убеждения, на оценке доказательств. От правосознания следователей, судей зависит то, как они рассматривают значение процессуального закона в доказывании, как они толкуют такие категории, как «достаточность доказательств для принятия решения», «противоречия в доказательствах», «существенное нарушение процессуального закона», «обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность», и др. Различное толкование этих категорий на основе сложившегося у лица правосознания, несомненно, влияет на формирование у него внутреннего убеждения в ходе оценки доказательств. Поэтому так важно развивать, совершенствовать правосознание у лиц, производящих дознание, следователей, прокуроров и судей.

---

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.

Объектами оценки в процессуальном доказывании являются фактические данные и их источники, т. е. доказательства, а также методы и способы их получения. Именно это имеет в виду закон (ст. 71 УПК), определяя основные правовые требования к оценке доказательств. Правильная оценка фактических данных возможна лишь на основе единой оценки этих данных, источников, из которых они получены, методов, с помощью которых они получены. Если оценка процесса доказывания, всех средств доказывания свидетельствует об их изъянах, о несоответствии закону, это может свидетельствовать и о порочности самих фактических данных, полученных в результате такого доказывания.

Оценка доказательств состоит в определении их относимости, допустимости, достоверности и достаточности⁴⁰.

В уголовно-процессуальном доказывании оценка может осуществляться на разных уровнях. Это прежде всего оценка фактической информации следователем на уровне отбора из нее фактических данных и их процессуального оформления в виде доказательств. Другой уровень — это оценка отдельных доказательств с точки зрения их относимости, допустимости, связанная с проверкой их достоверности. Следующий уровень состоит в оценке доказательств на завершающих этапах доказывания, при составлении обвинительного заключения, постановлении приговора и т. д.⁴¹ На этом уровне оценка совокупности доказательств подчинена обоснованию выводов, как результатов доказывания.

Оценка доказательств на первом и втором уровнях — это предварительная оценка. К предварительной оценке доказательств прибегают в ходе доказывания в пределах одной стадии уголовного процесса. Такая предварительная оценка необходима для планирования дальнейшего доказывания. Оценка доказательств на третьем уровне — это окончательная оценка доказательств. Каждая стадия процесса завершается принятием решения. Для обоснования содержащихся в

---

⁴⁰ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 434—438; Мухин И. И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971, с. 105—134.

⁴¹ М. Л. Якуб рассматривает эту оценку доказательств как самостоятельный этап доказывания в отличие от оценки, которая связана с собиранием и проверкой доказательств (см.: Якуб М. Л. Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе. — «Вестн. Моск. ун-та», 1974, № 6, с. 12—21).

решениях выводов, лица, осуществляющие доказывание, должны полно, окончательно оценить доказательства.

В юридической литературе распространено мнение, что окончательная оценка доказательств связана с постановлением приговора, а все предшествующие оценки являются предварительными. Но, как верно пишет П. А. Лупинская, «характеристика оценки доказательств на предварительном следствии как «предварительной», а в приговоре — «окончательной» не отражает существа оценочной деятельности и не подчеркивает самостоятельного характера этой деятельности на каждой стадии, каждым субъектом процесса»⁴². При такой характеристике смешиваются разные вопросы: вопрос о правовом значении выводов, о том, когда возможно принятие окончательного решения о виновности лица, и вопрос о сущности самой оценочной деятельности, о предварительной и окончательной оценке доказательств участниками процесса и роли этих оценок для принятия различных решений в уголовном судопроизводстве.

К элементам процесса доказывания, наряду с рассмотренными, следует отнести и обоснование выводов по уголовному делу. Это могут быть выводы по частным, отдельным вопросам, которые приходится решать в ходе доказывания, в процессе собирания, проверки и оценки доказательств. В ходе уголовно-процессуального доказывания приходится решать различные частные вопросы: о проведении отдельных следственных действий; об удовлетворении или отклонении ходатайств, связанных с доказыванием; об отборе из всей получаемой информации при проведении следственных, судебных действий тех сведений о фактах, которые необходимо процессуально оформить в качестве доказательств; об окончании расследования, судебного следствия и т. д. Принятие этих и других решений связано с обоснованием соответствующих выводов.

Доказывание заключается и в обосновании общих выводов в уголовном судопроизводстве. Они связаны с принятием решений о возбуждении уголовного дела, о привлечении лица в качестве обвиняемого, о составлении обвинительного заключения, о прекращении дела, о постановлении приговора и т. д.

Доказывание в уголовном судопроизводстве — это не только обоснование выводов о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу,

⁴² Лупинская П. А. Указ. соч., с. 102.

т. е. выводов о фактической стороне дела, а и о юридической квалификации, справедливости наказания и всех иных выводов, которые могут быть сделаны на основании уголовно-процессуальных доказательств.

Уголовно-процессуальное доказывание иногда ограничивают лишь познанием фактических обстоятельств. Однако учитывая, что в доказывании нуждаются и другие выводы по уголовному делу, под доказыванием в уголовном судопроизводстве необходимо понимать обоснование любых выводов средствами процессуального доказывания. Так, вывод о юридической квалификации обосновывается не только анализом норм уголовного права, а и использованием фактических данных об обстоятельствах, подпадающих под признаки состава преступления. В отрыве от этих данных невозможно сделать правильный вывод о юридической квалификации. Это касается и вывода о справедливости наказания. Он может быть сделан на основании использования фактических данных о личности обвиняемого, свидетельствующих о степени его общественной опасности. С помощью средств процессуального доказывания могут быть обоснованы и другие выводы в уголовном судопроизводстве.

Уголовно-процессуальное доказывание осуществляется с помощью определенных средств. Средства эти необходимо рассматривать как одно из структурных образований системы уголовно-процессуального доказывания. Об их сущности в юридической литературе высказаны различные суждения. Подвергая их критическому анализу, Ф. Н. Фаткуллин правильно пишет, что средства процессуального доказывания — многогранное понятие и охватывает собой фактические данные, источники этих данных, а также способы их получения, проверки и использования в ходе доказывания⁴³.

Одну из групп средств процессуального доказывания составляют установленные законом виды уголовно-процессуальных доказательств, т. е. используемые в ходе уголовно-процессуального доказывания различные фактические данные, содержащиеся в предусмотренных законом источниках. Их исследованию были посвящены предшествующие главы книги.

Другую группу средств процессуального доказывания образуют способы получения, проверки и использования доказательств в уголовном судопроизводстве. К ним относятся различные следственные и судебные действия: допрос подо-

⁴³ См.: Фаткуллин Ф. Н. Указ, соч., с. 90—93.

зрваемого (ст. 123 УПК), допрос обвиняемого (ст. 150 УПК), допрос свидетелей (ст. 158 УПК), допрос потерпевшего (ст. 161 УПК), очная ставка (ст. 162 УПК), предъявление для опознания (ст. 164 УПК), выемка (ст. 167 УПК), обыск (ст. 168 УПК), личный обыск (ст. 172 УПК), осмотр (ст. 178 УПК), освидетельствование (ст. 181 УПК), следственный эксперимент (ст. 183 УПК), экспертиза (ст. 184 УПК). В судебном следствии возможны те же действия, направленные на проверку и собирание доказательств (ст. ст. 70, 280—293 УПК).

Наряду с этими действиями закон допускает в качестве способов собирания и проверки доказательств: истребование от организаций и граждан предметов и документов; производство ревизий по требованию органов расследования, прокурора и суда; предоставление доказательств участниками процесса, организациями и гражданами. Действия эти являются разновидностью следственных и судебных действий. Законом предусмотрен определенный и исчерпывающий перечень всех следственных и судебных действий. Только с их помощью могут осуществляться собирание и проверка доказательств⁴⁴.

В структуре уголовно-процессуального доказывания необходимо различать не только элементы процесса доказывания (построение версий, собирание, проверка, оценка доказательств, обоснование выводов) и средства доказывания (доказательства и способы их получения), но и различные уровни доказывания⁴⁵.

В ходе уголовно-процессуального доказывания изменяются его частные задачи, характер информационного материала, способы его получения и использования. Все это влияет на выделение в системе уголовно-процессуального доказывания отдельных уровней.

Один из них состоит в процессуальной деятельности, заключающейся в том, чтобы из всей массы информации, полученной с помощью следственных, судебных действий, выбрать фактические данные для их процессуального оформления в качестве доказательств. Деятельность эта заключается

⁴⁴ О собирании доказательств см.: Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972.

⁴⁵ См.: Василенко В. П., Трофимов А. М. О понятии исследования доказательственной информации. — В кн.: Наука и техника на службе предварительного следствия. Волгоград, 1976, с. 28—33; Коллин В. Я. Уровни уголовно-процессуального доказывания. — «Советское государство и право», 1974, № 11, с. 86—91.

в обнаружении информации и ее оценке для последующего оформления в качестве процессуальных доказательств сведений, имеющих значение по уголовному делу. Доказывание на этом уровне, например, осуществляет следователь, допрашивая свидетелей, осматривая место происшествия, проводя другие следственные действия. Получая различную информацию, работая с ней, оценивая ее, следователь решает, что из нее необходимо отбросить, а что взять для процессуального оформления в качестве уголовно-процессуальных доказательств. На этом уровне доказывания нет еще доказательств; лицо, осуществляющее доказывание, только решает задачу их получения, причем решает ее посредством процессуальной деятельности, направленной на обнаружение, исследование, оценку различной информации. Получить такую информацию можно не только на уровне уголовно-процессуального доказывания, но и иными средствами, например, оперативно-розыскной деятельностью.

Другой уровень доказывания связан с закреплением, проверкой и оценкой доказательств. Задача доказывания на этом уровне заключается в закреплении доказательств посредством процессуального оформления сведений о фактах, полученных из источников, предусмотренных законом, и с помощью различных следственных, судебных действий. Этот уровень доказывания характеризуется как деятельностью по выяснению фактических обстоятельств дела, так и удостоверительной деятельностью. На этом уровне должны быть достоверно установлены все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу.

Следующий уровень доказывания — обоснование «итоговых» выводов, которыми завершается доказывание. Обоснование выводов необходимо рассматривать в разных аспектах: и как элемент процесса доказывания, взаимосвязанный с другими его элементами (сбором, проверкой и оценкой доказательств), и как особый уровень доказывания. Доказывание должно завершаться общими, основными выводами: о наличии или отсутствии события преступления, вины обвиняемого и т. д. Обоснование достоверности этих выводов составляет особый уровень доказывания. На предшествующем уровне в ходе доказывания использовались как достоверные, так и недостоверные доказательства; задача состояла в том, чтобы определить достоверность доказательств. На последнем уровне доказывания следует иметь дело только с достоверными доказательствами, так как только они могут

быть использованы для обоснования выводов по делу. Но это не значит, что на данном уровне доказывания «следователь и суд оперируют не доказательствами, а достоверными фактами» и «безотносительно к источникам, которыми они установлены»⁴⁶. Обоснование выводов возможно только с помощью доказательств, т. е. фактических данных, полученных из определенных источников, и никак не иначе. Кроме того, особенность доказывания на данном уровне не в том, что следователь и суд оперируют достоверными доказательствами, а в том, что они должны так поступать, а это не одно и то же. На данный уровень доказывания «пропустить» нужно лишь достоверные доказательства, которые надежно проверены, правильно оценены и поэтому верно свидетельствуют о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Но так бывает не всегда. Ошибки, которые допускаются в доказывании на этом уровне, отличаются от ошибок на других уровнях доказывания. Так, на первом уровне они в большей степени связаны с потерей нужной информации; на втором уровне, наряду с этой ошибкой и «засорением» дела лишней информацией, допускаются ошибки, связанные с плохим исследованием достоверности доказательств; на последнем уровне доказывания ошибки заключаются в использовании для обоснования выводов недостоверных доказательств, а также в построении ошибочных выводов, несмотря на использование достоверных доказательств. На все эти ошибки в доказывании неоднократно указывали Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР⁴⁷.

2. Субъекты доказывания. Субъекты доказывания — это должностные лица и органы, на которые возложено собиранье, проверка, оценка доказательств и обоснование решений, выводов, к которым они приходят в ходе уголовно-процессуального доказывания, а также иные лица, принимающие участие в этой деятельности. О понятии и классификации субъектов уголовно-процессуального доказывания высказаны различные суждения. Их причины в различном толковании сущности уголовно-процессуального доказывания, роли и назначения в нем участников судопроизводства, в различном

⁴⁶ Колдин В. Я. Указ. соч., с. 87, 88.

⁴⁷ См.: Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938—1969 гг. М., 1971, с. 366—380; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1977, № 1, с. 25, 29; 1976, № 1, с. 16—18; № 2, с. 9—12, 32—35; № 4, с. 27—30; № 5, с. 16—18; № 6, с. 3—7, 11—13.

подходе к определению оснований классификации субъектов доказывания⁴⁸.

Все участники уголовного судопроизводства принимают то или иное участие и в уголовно-процессуальном доказывании, но характер и форма этой их деятельности различные, в связи с чем не все они являются субъектами доказывания. Так, например, доказыванию содействует процессуальная деятельность свидетелей, экспертов, понятых, специалистов и других лиц, но они не осуществляют доказывания в смысле собирания, проверки и оценки доказательств, поэтому и не относятся к субъектам доказывания.

Исходя из того, что закон допускает представление доказательств любыми гражданами, учреждениями, предприятиями и организациями, их иногда относят к субъектам доказывания⁴⁹. Лица и организации, представившие доказательства, являются как бы источником получения фактических данных, сами они не участвуют в доказывании: собирании, проверке и оценке доказательств, поэтому и не становятся субъектами доказывания.

С учетом процессуального положения и назначения в доказывании отдельных участников судопроизводства можно выделить следующие группы субъектов доказывания. Это прежде всего группа лиц и органов, на которые возложена обязанность всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК). К их числу относятся: суд, судья, прокурор, следователь, начальник следственного отдела, органы дознания, лицо, производящее дознание. Всей своей процессуальной деятельностью они должны обеспечить установление объективной истины, выяснение всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, решение задач судопроизводства.

Другую группу субъектов доказывания составляют участники процесса, лично заинтересованные в исходе дела (обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик), и их представители. Характеризуя основные особенности их участия в доказывании, необходимо отметить два

---

⁴⁸ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 494—566; Фаткуллин Ф. И. Указ. соч., с. 83—86; Каз Ц. М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов, 1968; Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, с. 50—77.

⁴⁹ См.: Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств, с. 74.

обстоятельства. Во-первых, их участие в доказывании возможно посредством лишь определенных процессуальных действий, предусмотренных законом (так, например, они могут представлять доказательства, но не вправе собирать их), и, во-вторых, участие в доказывании — это их право, которое ни при каких условиях не может превратиться для них в обязанность. Участвуя в доказывании, они могут представлять доказательства, участвовать в следственных и судебных действиях, в проверке, оценке доказательств и таким образом не только влиять на установление истины, но и защищать свои права и законные интересы.

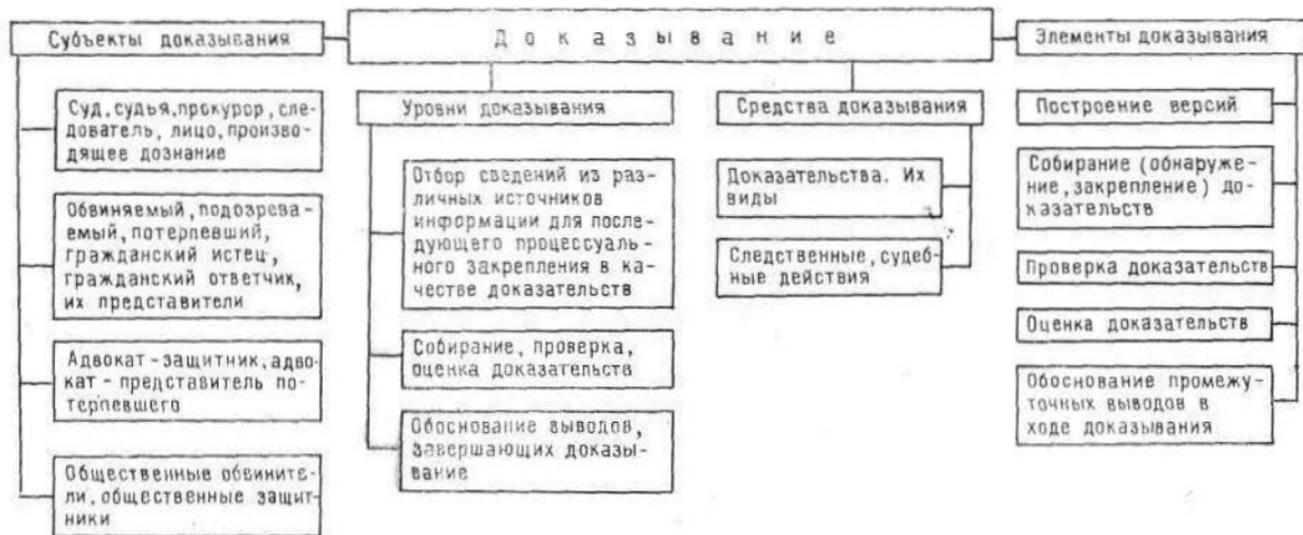
Иногда некоторые процессуальные обязанности этих лиц, например, обязанность представлять предметы и документы по требованию органов расследования и суда (ст. 70 УПК), обязанность обосновывать заявленные ходатайства (ст. 276 УПК) рассматривают как обязанность доказывания. Так, С. В. Курылев утверждал, что если представление доказательств совершается по требованию суда, «то действие по представлению доказательств будет осуществлением обязанности доказывания»⁵⁰. Если органы расследования или суд требуют от обвиняемого, потерпевшего и других лиц представить имеющиеся у них предметы и документы или, например, дать образцы почерка для сравнительного исследования, то тем самым на них не возлагается обязанность что-то доказывать. Во всех этих случаях они несут лишь конкретные процессуальные обязанности, общий смысл которых — не препятствовать законным действиям суда по собиранию и проверке доказательств.

Особую группу субъектов доказывания образуют адвокаты, выполняющие в уголовном процессе обязанности защитников обвиняемых или представителей потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков. Они не несут той обязанности доказывания, которая возложена на лиц, указанных в ст. 20 УПК. Проверка, подтверждение или опровержение обстоятельств, указанных адвокатом-защитником или представителем потерпевшего осуществляется органами расследования и судом. Но это не исключает определенных обязанностей адвоката-защитника и представителя потерпевшего по участию в доказывании. Такие обязанности защитника предусмотрены, в частности, ст. 51 УПК, устанавливающей, что

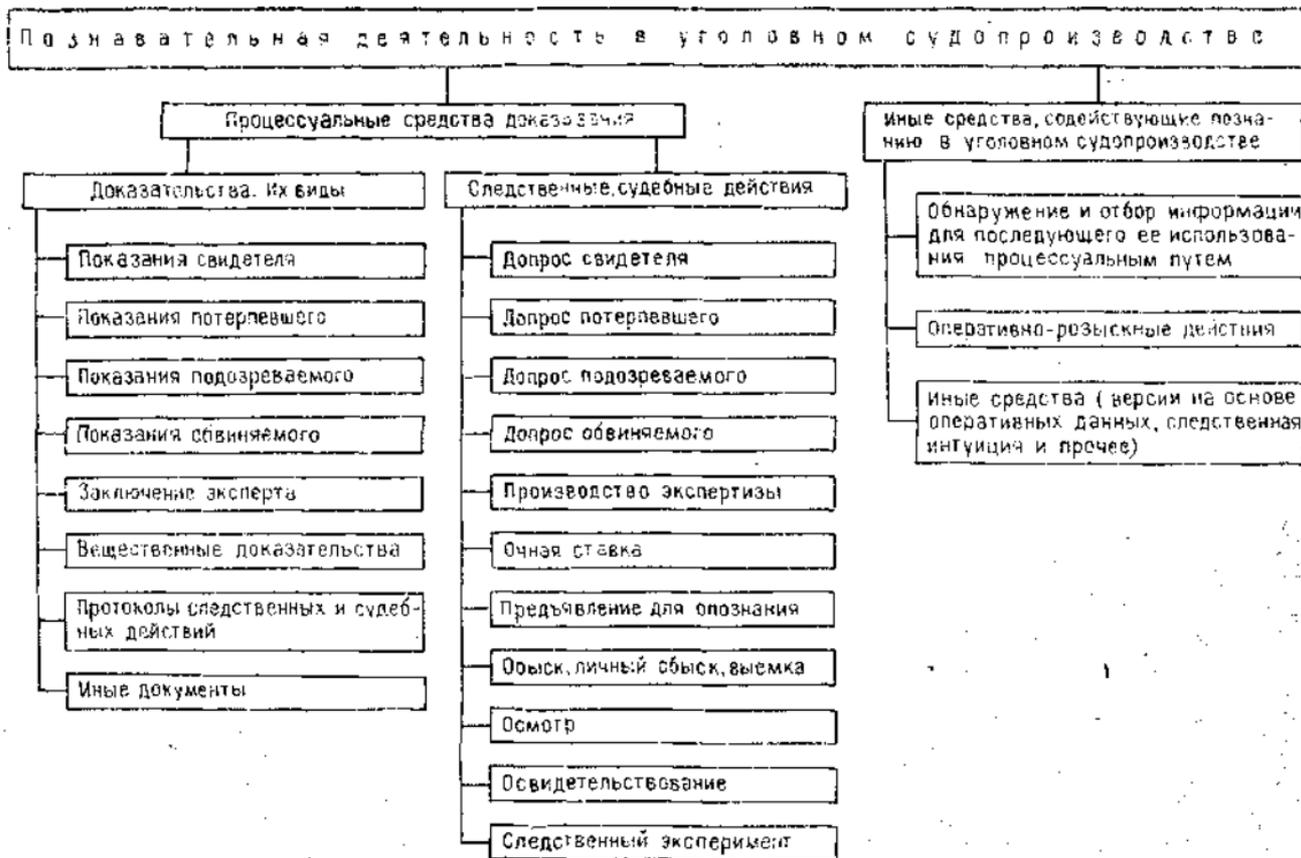
---

⁵⁰ Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии, с. 109.

Схема структуры доказывания в уголовном судопроизводстве

Схема структуры познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве

«защитник обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность». Обязанность участвовать в доказывании заключается для адвоката в необходимости принимать активное участие в исследовании доказательств, в их оценке, активно использовать в интересах обвиняемого, потерпевшего все предусмотренные законом способы и средства для всестороннего, полного и объективного выяснения обстоятельств дела. Невыполнение этой обязанности может повлечь за собой в отношении адвоката определенные меры воздействия (ст. ст. 13, 40, 41 Положения об адвокатуре РСФСР).

Еще одну группу субъектов доказывания образуют общественные обвинители и общественные защитники (ст. 250 УПК). Выражая мнение общественности и участвуя в судебном разбирательстве, они могут содействовать исследованию доказательств, установлению истины по делу.

Принципиальное отличие субъектов доказывания первой группы от всех остальных состоит в том, что только на них возложена обязанность доказывания (ст. ст. 3, 20, 70 УПК и др.). Обязанность доказывания — это прежде всего обязанность доказывания заранее выдвинутого и сформулированного тезиса о виновности⁵¹. В судебном разбирательстве она возложена на прокурора. Но обязанность доказывания это не только обязанность доказывания вины, а и всех иных обстоятельств, предусмотренных ст. 68 УПК. Это обязанность собирать, проверять, оценивать доказательства, обосновывать выводы по уголовному делу. Именно в таком понимании обязанность доказывания возложена на суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание, которые, как предусматривает закон, «не вправе перелagать обязанность доказывания на обвиняемого» (ст. 20 УПК). В законе назван обвиняемый с учетом его особого процессуального положения, но, несомненно, что обязанность доказывания не может перелagаться и на других лиц.

§ 3. Процессуальные гарантии в доказывании

Уголовно-процессуальное доказывание может успешно содействовать правосудию, если в уголовном судопроизводстве существуют для этого необходимые процессуальные гаран-

⁵¹ См.: Савицкий В. М. Указ. соч., с. 167—168; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 354—356.

тии. Процессуальные гарантии — это предусмотренные законом средства, направленные на обеспечение правильного осуществления задач судопроизводства по каждому уголовному делу.

Процессуальные гарантии в уголовном судопроизводстве можно рассматривать в разных аспектах. Это прежде всего процессуальные гарантии правосудия, достижения его целей, успешного решения задач уголовного судопроизводства. Это гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, в процессе доказывания. Процессуальные гарантии можно рассматривать в плане установления объективной истины по делу и в более узком аспекте как гарантии полноты и достоверности фактических данных при получении их из определенных источников и с помощью конкретных следственных, судебных действий. Единство всех процессуальных гарантий не исключает необходимости разноаспектного анализа их содержания. Особое значение имеет проблема соотношения гарантий интересов правосудия и интересов личности в ходе уголовно-процессуального доказывания.

Единство интересов правосудия и интересов личности определяет и единство их процессуальных гарантий. Все, что служит установлению истины, обеспечению решения задач судопроизводства, служит также и обеспечению прав личности. Это, однако, не исключает необходимости различать и специально исследовать как проблему процессуальных гарантий правосудия, так и проблему процессуальных гарантий прав личности. Неверным было суждение, что «советской процессуальной науке следует отказаться от этой классификации и установить единое понятие гарантий правосудия, которое органически включает в себя понятие гарантий прав личности»⁵². Процессуальная наука всегда интересовалась как общими проблемами гарантий правосудия, так и особенностями гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве⁵³. Исследование процессуальных гарантий в аспекте обеспечения прав и интересов личности обуславливается рядом обстоятельств. Прежде всего тем, что различные процессуаль-

---

⁵² Каминская В. И. В чем значение процессуальных гарантий в советском уголовном процессе. — «Советское государство и право», 1950, № 5, с. 56.

⁵³ См.: Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1973; Кокорев Л. Д. Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж, 1973; Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Л., 1969.

ные гарантии неодинаково влияют на обеспечение интересов правосудия и интересов личности. Влияние одних из них на обеспечение тех или иных интересов бывает непосредственным, а других — опосредствованным, косвенным, отдаленным. Одни гарантии, как например, возможность избрания мер пресечения, больше связаны с обеспечением интересов правосудия, другие, как, например, право обвиняемого давать показания, — с обеспечением интересов личности; хотя, конечно, можно проследить и влияние первой гарантии на обеспечение интересов личности, а второй — на обеспечение интересов судопроизводства.

Необходимость исследования процессуальных гарантий в аспекте обеспечения интересов личности обусловливается и возможностью возникновения конфликтных ситуаций между общественными и личными интересами в уголовном судопроизводстве. Принципиальное единство общественных и личных интересов не исключает возможности их несовпадения, порождаемой различными причинами. В юридической литературе чаще всего подчеркивается единство интересов правосудия и интересов личности, вытекающее из задач судопроизводства⁵⁴. Однако нельзя не заметить, что в уголовном судопроизводстве несовпадение общественных и личных интересов можно наблюдать чаще, чем в других сферах отношений государства и граждан. Такие конфликтные ситуации, например, возникают в связи с применением процессуального принуждения и в других случаях. Они возникают и в связи с тем, что в ходе доказывания лица, его осуществляющие, исходя из интересов судопроизводства, но неправильно понимая их соотношение с интересами личности, иногда допускают нарушение прав и законных интересов личности. Совершенствование процессуальных гарантий должно исключать влияние субъективного фактора на нарушение прав и законных интересов личности.

Для социалистического правосудия не безразлично, какими средствами достигаются его цели. Это обусловливает необходимость определять социальную ценность средств уголовно-процессуального доказывания, а также социальную ценность общественных и личных интересов, к которым те или иные процессуальные средства имеют непосредственное отношение. Учитывая социальную ценность конкретных инте-

⁵⁴ См.: Строгович М. С. О правах личности в советском уголовном судопроизводстве. — «Советское государство и право», 1976, № 10, с. 74.

ресов личности, государство берет их под правовую охрану, превращая их в законные интересы личности. Это относится и к тем отдельным случаям, когда интересы личности вступают в конфликт с интересами правосудия. Так, например, с точки зрения интересов правосудия и установления истины желательно, чтобы обвиняемые всегда давали правдивые показания, но это не всегда соответствует интересам самих обвиняемых, в частности, их право на защиту. В данном случае законодатель в качестве законного интереса обвиняемого предусмотрел его право, а не обязанность давать показания и не установил ответственность обвиняемого за дачу ложных показаний.

Заключение обвиняемого под стражу в качестве меры пресечения применяется лишь по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года и в исключительных случаях — лишение свободы на срок не свыше одного года. По другим делам избрание этой меры пресечения не допускается, причем даже тогда, когда есть основания полагать, что обвиняемый будет влиять на ход доказывания и мешать установлению истины. В данном случае интересам личности отдано предпочтение, несмотря на то, что это может отрицательно сказаться на процессе доказывания. Подобных ситуаций в уголовном судопроизводстве немало.

В юридической литературе общепринятым является определение процессуальных гарантий как средств и условий, обеспечивающих решение задач правосудия и охрану прав личности. Но по вопросу об их видах и сущности высказаны самые различные суждения, часто заключающиеся в стремлении найти для процессуальных гарантий какое-то однозначное определение, показать какое-то одно, решающее средство в качестве таких гарантий. Но процессуальные гарантии нельзя свести к какому-либо единственному средству, обеспечивающему достижение целей правосудия и охрану прав личности. Всестороннее выяснение всех таких средств должно содействовать более успешному решению задач доказывания, а также совершенствованию самой системы процессуальных гарантий.

В качестве процессуальных гарантий необходимо рассматривать различные структурные образования, институты уголовного процесса, различные стороны уголовно-процессуальной деятельности и отношений. Процессуальные гарантии — предусмотренные законом меры и средства, обеспечивающие

достижение целей правосудия и охрану прав личности, весьма разнообразны, что не позволяет дать им однозначное определение или привести их исчерпывающий перечень. Однако это не исключает возможности указать их основные виды.

1. К процессуальным гарантиям необходимо отнести процессуальные нормы, закрепленные в них права и обязанности участников судопроизводства. Вряд ли плодотворным можно признать спор о том, что является гарантией: права и обязанности, закрепленные в нормах, или нормы, закрепляющие права и обязанности. Лишь в единстве эти категории можно рассматривать в качестве процессуальной гарантии.

Е. Г. Мартыничик полагает, что субъективные права личности нельзя относить к процессуальным гарантиям, поскольку «...сам по себе факт наличия у обвиняемого субъективных прав, но без надлежащего закрепления средств, с помощью которых обеспечивается их реализация, может привести к нарушению этих прав, превращению их в декларативные формулы»⁵⁵. Это было бы верно, если бы только субъективные права личности рассматривались в качестве гарантии, но они являются одним из звеньев в общей системе процессуальных гарантий. В уголовном судопроизводстве одни субъективные права личности являются гарантией других субъективных прав. Так, например, гарантией установления истины является право обвиняемого на защиту, процессуальной гарантией, обеспечивающей право обвиняемого на защиту, является его право знать, в чем он обвиняется, а гарантией этого права является его право знакомиться с материалами уголовного дела, получить копию обвинительного заключения и т. д.

2. К процессуальным гарантиям необходимо отнести принципы судопроизводства. Принципы закрепляются в правовых нормах, но это не лишает их самостоятельного значения как процессуальных гарантий наряду с процессуальными нормами. Это обуславливается тем, что некоторые принципы процесса, как основные правовые идеи, исходные положения закреплены не в конкретной норме, а вытекают из системы процессуальных норм; кроме того, не исключается возможность неполного отражения в отдельных нормах принципов процесса, и тогда в конкретной ситуации не норма права, имеющая

⁵⁵ Мартыничик Е. Г. Субъективные права обвиняемого и их процессуальные гарантии. — «Советское государство и право», 1976, № 7, с. 92.

к ней непосредственное отношение, а именно принцип процесса проявляется как гарантия достижения целей правосудия, охраны прав и законных интересов личности. В качестве таких гарантий необходимо рассматривать, в частности, такие принципы процесса как: всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, состязательность судопроизводства, независимость судей, презумпция невиновности, обеспечение обвиняемому права на защиту и др.

3. В качестве процессуальной гарантии выступает уголовно-процессуальная форма⁵⁶. Она обеспечивает необходимые условия установления истины, решения всех задач правосудия, наиболее полное осуществление прав и законных интересов личности. Совершенствование процессуальных гарантий прежде всего заключается в совершенствовании процессуальной формы. Ее развитие возможно как путем введения новых, дополнительных процессуальных норм, в известной степени «усложняющих» процессуальную форму, так и путем ее «упрощения». Каждое из таких решений должно быть предельно обоснованным. Тщательному анализу должно подвергаться каждое предложение, направленное на «упрощение» процессуальной формы, так как реализация таких предложений может привести к ликвидации процессуальных гарантий. Предложения по «упрощению» процессуальной формы обосновываются разными соображениями⁵⁷, причем приводятся односторонние и потому неубедительные аргументы, такие, например, как необходимость обеспечить оперативность и быстроту судопроизводства, или такие, как «ясность», «простота» некоторых уголовных дел. В решении данного вопроса нужно всесторонне учитывать все возможные последствия «упрощения» процессуальной формы и непременно то, как это отразится на всестороннем исследовании обстоятельств дела, на обеспечении прав и законных интересов личности. Нельзя при этом не учитывать исторический опыт развития процессуального законодательства, то, что, совершенствуя его, законодатель устранял такие упрощения процессуальной формы, которые могли привести к нарушению законности.

---

⁵⁶ О процессуальной форме см.: Юридическая процессуальная форма. Под общ. ред. П. Е. Недбайло и В. М. Горшенева. М., 1976.

⁵⁷ См.: Пашкевич П. Ф. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать. — «Соц. законность», 1974, № 9, с. 54—56; Томин В. Т. Научная организация судопроизводства с позиции процессуалиста. — В кн.: Проблемы советского государства и права, вып. 3. Иркутск, 1972, с. 147—148.

Можно и нужно совершенствовать процессуальную форму и упрощать нормы, не являющиеся гарантиями интересов личности и правосудия, но, как верно заметил В. М. Савицкий, нельзя ни упразднить, ни упрощать процессуальные гарантии⁵⁸. Это может привести лишь к отрицательным последствиям.

Процессуальная форма является важной гарантией достижения целей правосудия, обеспечения прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, но она таит в себе и определенную опасность, связанную с возможностью превращения формы в формализм, отрицательно влияющий на решение задач уголовного процесса. Общеизвестно, что уважение к процессуальной форме не должно приводить к формализму. Но, исходя из этого верного положения, иногда допускают суждения, которые, скорее, направлены не против формализма, а против процессуальной формы. Так, формализм некоторых правил видят в том, что они требуют отмены приговора, когда якобы нет сомнений в его обоснованности, в связи с чем предлагают, например, отказаться от правила, предусматривающего, что приговор подлежит отмене, если в судебном заседании не участвовал защитник, когда его участие было обязательным, а также от правила, предусматривающего, что приговор подлежит отмене, если в уголовном деле нет акта о предании обвиняемого суду⁵⁹. Правила эти являются необходимым условием установления истины, успешного решения задач процесса, защиты прав личности, отступление от них является существенным нарушением процессуальной формы и уже это ставит под сомнение выводы суда в приговоре, обоснованность результатов уголовно-процессуального доказывания.

4. В качестве процессуальной гарантии необходимо рассматривать деятельность участников судопроизводства. Только уголовно-процессуальная деятельность обеспечивает достижение задач доказывания, целей правосудия, содействует реальному осуществлению прав и интересов личности в уголовном судопроизводстве. То, что эта деятельность формиру-

---

⁵⁸ См.: Нужно ли изменять процессуальную форму в уголовном судопроизводстве? — «Соц. законность», 1974, № 8, с. 66.

⁵⁹ См.: Мотовиловкер Я. О. О существе дела и формах уголовного судопроизводства. — «Советское государство и право», 1976, № 11, с. 73—76.

ется не только под влиянием уголовно-процессуальных средств, а и других факторов (идеологических, организационных и т. д.), не лишает ее характера процессуальной гарантии, как иногда полагают⁶⁰. Она осуществляется в уголовном судопроизводстве и прежде всего на основании уголовно-процессуального законодательства. Вряд ли могут быть какие-либо сомнения в том, что при осуществлении судопроизводства гарантией успешного доказывания, установления истины и обеспечения при этом прав и законных интересов личности служит процессуальная деятельность следователя, прокурора, адвоката, суда. Как процессуальную гарантию необходимо рассматривать и участие общественности в уголовном судопроизводстве, в частности, деятельность общественных обвинителей, защитников. Среди всех этих видов процессуальной деятельности в качестве гарантий прав и интересов личности особое место, несомненно, принадлежит деятельности защитника и адвоката — представителя потерпевшего.

Повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности во многом расширяет гарантии достижения задач процесса и обеспечения прав и законных интересов личности в ходе уголовно-процессуального доказывания.

5. В качестве процессуальной гарантии необходимо рассматривать существующую в уголовном судопроизводстве систему проверки обоснованности принимаемых решений, систему контроля за законностью процессуальных действий. На каждой стадии процесса всесторонне выясняется, не было ли допущено отступление от порядка доказывания, нарушение прав и интересов личности в предшествующих стадиях процесса. Эффективность этой системы проверки и контроля зависит от реальной возможности участников процесса свободно обжаловать любое незаконное, необоснованное действие и решение лиц и органов, осуществляющих судопроизводство.

6. Существенной гарантией достижения задач доказывания, охраны прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве являются система процессуального принуждения, процессуальные санкции. Их применение, а также уже одна возможность такого применения содействуют установлению истины, охране субъективных прав личности. Развитие данной процессуальной гарантии возможно как пу-

---

⁶⁰ См.: Куцова Э. Ф. Указ. соч., с. 12—13.

тем уточнения общих оснований применения процессуального принуждения, так и его конкретных видов, а также условий их применения.

В качестве процессуальной гарантии следует рассматривать санкции как разновидность процессуального принуждения. Есть мнение, что «процессуальные отрасли права не имеют собственных санкций»⁶¹. В данном случае не учитываются все возможные процессуальные отношения в уголовном судопроизводстве. Некоторые меры, применяемые в уголовном судопроизводстве, например такие, как штраф в отношении поручителей и специалистов (ст. ст. 94, 133¹ УПК), удаление обвиняемого, потерпевшего из зала судебного заседания за нарушение порядка (ст. 263 УПК) и другие, полностью подпадают под основные признаки понятия санкций. Кроме того, необходимо учитывать и особый характер санкций в уголовно-процессуальном праве, которые заключаются в правилах об отмене незаконных процессуальных решений, о восстановлении нарушенного права и т. д.

7. В системе процессуальных гарантий особое место принадлежит социалистической законности. «Советское государство, все его органы, — провозглашено в новой Конституции СССР, — действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан. Государственные и общественные организации, должностные лица обязаны соблюдать Конституцию СССР и советские законы» (ст. 4 Конституции СССР).

Выступая на майском (1977 г.) Пленуме ЦК КПСС с докладом о проекте Конституции СССР, Л. И. Брежнев говорил: «В проекте новой Конституции нашло также свое четкое выражение **дальнейшее укрепление социалистической законности и правопорядка.**

Мы знаем, товарищи, что отдельные годы после принятия ныне действующей Конституции были омрачены незаконными репрессиями, нарушениями принципов социалистической демократии, ленинских норм партийной и государственной жизни. Это делалось вопреки конституционным установлениям. Партия решительно осудила такую практику, и она никогда не должна повториться.

Известно, какую большую работу проделали наш Центральный Комитет, Верховный Совет СССР и Советское пра-

⁶¹ Базылев Б. Т. Сущность санкций в советском праве. — «Правоведение», 1976, № 5, с. 36.

вительство по совершенствованию советских законов, созданию твердых гарантий против каких-либо нарушений прав граждан, злоупотреблений властью, бюрократических извращений. Как бы обобщая все эти гарантии, проект подчеркивает, что соблюдение Конституции и законов вменяется в обязанность всем органам государства и должностным лицам, общественным организациям и гражданам»⁶².

Органы, призванные стоять на страже социалистической законности, прежде всего сами должны функционировать в строгом соответствии с ней. Законность в осуществлении судопроизводства проявляется: в организации органов расследования и суда на основе закона и в соответствии с ним; в расследовании и рассмотрении уголовных дел в точном соответствии с процессуальным законом; в правильном применении уголовного закона и иных норм материального права. Но этим не ограничивается проявление законности в судопроизводстве. Она является принципом деятельности не только лиц, осуществляющих судопроизводство, но и всех других участников процесса. Суждение о том, что «несоблюдение юридических норм отдельными гражданами еще не означает нарушения режима законности», в то время как «неуважение к законам, проявленное со стороны государственных органов, всегда означает» такое нарушение⁶³, вряд ли правильно раскрывает сущность социалистической законности. Отступлением от законности в уголовном судопроизводстве является любое нарушение закона любым его участником. Причем нарушение процессуального закона со стороны граждан, например лжесвидетельство, может быть по своим последствиям более тяжким в отношении прав и интересов личности, иметь более отрицательные последствия для правосудия, чем некоторые отступления от законности со стороны должностных лиц. К тому же лжесвидетельство может стать именно нарушением режима законности. Его отрицательное влияние на доказывание несомненно.

Укрепление в уголовном судопроизводстве социалистической законности во всех ее проявлениях является одной из основных гарантий достижения целей правосудия, обеспечения прав и законных интересов личности. Именно поэтому Коммунистическая партия уделяет «...постоянное внимание совершенствованию деятельности милиции, прокуратуры, су-

⁶² «Коммунист», 1977, № 8, с. 39—40.

⁶³ См.: Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971, с. 181—182.

дов, органов юстиции, которые стоят на страже советской законности, интересов советского общества, прав советских граждан»⁶⁴.

§ 4. Роль презумпций в доказывании. Презумпция невиновности

В уголовно-процессуальном доказывании определенную роль играют презумпции, на основании которых можно иногда судить о существовании тех или иных фактов, подлежащих доказыванию. В общественной жизни презумпции возникали прежде всего эмпирическим путем, в результате наблюдения повторяющейся устойчивой взаимосвязи между отдельными явлениями, событиями, фактами. Развитие науки, совершенствование знаний привело к влиянию на образование презумпций и дедуктивного метода; презумпции стали выражать научную закономерность.

Презумпция — это предположительное знание. Она позволяет с высокой степенью вероятности судить о том, что обычная связь, подтвержденная наукой, практикой и существующая между явлениями, событиями, фактами, присуща и конкретному рассматриваемому случаю.

Для презумпций характерны следующие признаки: а) они являются следствием наблюдений за устойчивой, часто повторяющейся взаимосвязью явлений, событий, фактов и т. д., обобщением этих наблюдений, а также выражением определенных научных закономерностей этой взаимосвязи; б) они позволяют на основе одних фактов судить о существовании других; в) презумпции выражают предположительные, а не достоверные знания, с их помощью можно лишь с определенной степенью вероятности судить о существовании тех или иных явлений, событий, фактов.

Таким образом, презумпция — это правило, вытекающее из многочисленных наблюдений и обобщений устойчивой взаимосвязи между событиями, явлениями, фактами и т. д., согласно которому на основании существования одних событий, явлений, фактов можно предположительно судить о существовании других событий, явлений, фактов.

Презумпции бывают естественными и правовыми. Закон вводит презумпции, проверенные наукой и практикой, способствуя тем самым более успешному решению задач правового регулирования общественных отношений. Для правовых

⁶⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 82.

презумпций характерны общие признаки, но они отличаются и особыми чертами. Правовые презумпции — это правила, закрепленные в правовых нормах или вытекающие из них и применяемые в правовой сфере. Особенностью правовых презумпций является то, что на основе некоторых из них возможно делать не предположительные выводы, а выводы, не подлежащие опровержению. Так, например, закон предусматривает, что к уголовной ответственности могут привлекаться лишь лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет, а в некоторых случаях — 14 лет (ст. 10 УК). Правило это исходит из презумпции, что лица, не достигшие указанного возраста, не осознают в должной мере общественной опасности своих действий и потому нельзя их признать виновными в совершении преступления. Разумеется, возможность осознанного поведения лиц, не достигших указанного возраста, не исключается с учетом индивидуального развития личности, но закон считает нецелесообразным принимать во внимание эти исключения из общего правила и поэтому не допускает доказывания факта, что хотя лицо и не достигло 16 или 14 лет, но в силу своего развития может быть признано виновным в совершении преступления. В подобных случаях говорят о существовании неопровержимых правовых презумпций. Этим, в частности, правовые презумпции отличаются от неправовых. Только правильнее говорить не о презумпциях опровержимых и неопровержимых, так как сама презумпция не может быть таковой, а об опровержимых или неопровержимых выводах, которые делаются на основании презумпции, о том, что опровергнута возможность применения презумпции в конкретном случае.

Таким образом, правовые презумпции — это предусмотренные нормами права или вытекающие из них правила, согласно которым на основании установленных юридических фактов можно предположительно или утвердительно судить о существовании других фактов, связанных с первыми.

Правовые презумпции бывают общеправовыми и отраслевыми, материальными и процессуальными.

Действие презумпций касается различных сторон правового регулирования общественных отношений⁶⁵, но в уголовно-процессуальной деятельности по установлению объективной истины они имеют особое значение⁶⁶. Презумпции содей-

⁶⁵ См.: Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.

⁶⁶ См.: Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М.—Л., 1948.

ствуют процессу познания и, в частности, доказыванию в уголовном судопроизводстве, а в некоторых случаях делают вообще излишним доказывание тех или иных фактов, существование которых не доказывается, а презюмируется.

Для уголовно-процессуального доказывания определенное значение имеют естественные (неправовые) презумпции. В ходе расследования и судебного разбирательства следователи, прокуроры, судьи, установив те или иные факты и учитывая естественный ход событий, руководствуясь презумпциями, делают выводы о существовании или несуществовании других фактов.

Влияют на уголовно-процессуальное доказывание и общеправовые презумпции. Например, такая презумпция, как знание закона. В отношении совершившего преступление нет необходимости доказывать, что он знал закон, предусматривающий ответственность за совершенное им преступление. Знание закона — презюмируется. Однако возможны особые, исключительные обстоятельства, в силу которых совершивший преступление не только не знал, но и не мог знать закон, предусматривающий уголовную ответственность за совершенное им действие. Это свидетельствует об отсутствии умысла, вины и исключает уголовную ответственность. Поэтому знание закона презюмируется, но с учетом особых обстоятельств может быть и опровергнуто.

Особое значение для уголовно-процессуального доказывания имеют уголовно-правовые презумпции. Они влияют на относимость доказательств, на предмет доказывания, определяя, в частности, факты, не подлежащие доказыванию. Одна из таких презумпций, связанная с уголовной ответственностью несовершеннолетних (ст. 10 УК), была рассмотрена раньше.

Примером уголовно-правовой презумпции могут быть правила, предусмотренные ст. ст. 48, 49 УК РСФСР и устанавливающие давность привлечения к уголовной ответственности и давность исполнения обвинительного приговора. Согласно этой презумпции, если истекли определенные давностные сроки, то лицо, совершившее преступление, рассматривается, как не представляющее общественной опасности. Причем вывод этот, правила, изложенные в ст. ст. 48, 49 УК, не подлежат опровержению.

С уголовно-правовой презумпцией связано правило, изложенное в ст. 12 УК и предусматривающее, что лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, не освобождается от уголовной ответственности. Презумпция в данном слу-

чае состоит в том, что если совершивший преступление находился в состоянии опьянения, то это не исключает его рассудительного поведения, а следовательно, и ответственности за совершенное преступление. Но последнее может быть и опровергнуто, если опьянение сопутствовало психическому расстройству (патологическое опьянение), исключающему вменяемость лица. Существуют и другие уголовно-правовые презумпции.

Уголовно-процессуальные презумпции. Среди уголовно-процессуальных презумпций особое место занимает презумпция невиновности. Но значение ее не сводится лишь к влиянию на уголовно-процессуальное доказывание, его необходимо рассматривать шире: презумпция невиновности является принципом судопроизводства, гарантией прав личности. Именно в этом качестве презумпция невиновности была провозглашена французской буржуазной революцией, но, как и прочие демократические институты, превратилась со временем в пустую декларацию. Связанные с презумпцией невиновности правила доказывания игнорируются в практике буржуазного правосудия. Это проявляется, в частности, в том, что в ряде случаев обвиняемый и защитник обязаны доказывать обстоятельства, свидетельствующие о невиновности обвиняемого, в том, что для осуждения подсудимого достаточно признания им себя виновным, в том, что использование обвиняемым своего права отказаться от дачи показаний расценивается как доказательство его виновности и т. д. Теория и практика буржуазного правосудия, отказываясь от презумпции невиновности, рассматривает ее как формальность, препятствующую «эффективной» борьбе с преступностью, оправдывая тем самым репрессии и судебный произвол. Все это особенно характерно для реакционных режимов. Так, весьма показательно, что именно в период фашистского разгула в Италии уголовно-процессуальный кодекс (1930 г.) отверг презумпцию невиновности. Его составители объявили ее абсурдным, нелепым, связанным с принципами французской революции, старым понятием; наряду с этим кодекс предусматривал ответственность обвиняемого за отказ отвечать на вопросы и за ложные ответы⁶⁷.

В советской юридической литературе о презумпции невиновности высказаны различные суждения. Иногда о ней писа-

---

⁶⁷ См.: Полянский Н. Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. М., 1946, с. 31, 85.

ли как об абстрактно-формальной декларации, заимствованной из буржуазного права и не имеющей никакого практического значения⁶⁸. Мнение это было подвергнуто обоснованной критике. В советском праве прогрессивный и демократический принцип — презумпция невиновности — «получил последовательное и полное осуществление как выражение социалистического демократизма и подлинной, а не формальной демократии»⁶⁹. Презумпция невиновности предусмотрена законодательством ряда социалистических стран. Она закреплена во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), в Международном Пакте о гражданских и политических правах, ратифицированном Советским Союзом в 1973 г.

В новой Советской Конституции записано: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом» (ст. 160 Конституции СССР). В этом положении, пишет председатель Верховного Суда СССР Л. Н. Смирнов, выражен присущий советскому законодательству принцип — презумпция невиновности, «суть которого состоит, как известно, в том, что обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет признана в установленном законом порядке, т. е. вступившим в законную силу приговором суда»⁷⁰ (ст. 160 Конституции СССР). Такой же смысл заложен и в ст. ст. 2, 7, 14, 36, 43 Основ уголовного судопроизводства. Верховный

---

⁶⁸ См.: Голунский С. А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР. — В кн.: Вопросы судостроительства и судопроизводства в новом законодательстве Союза ССР и союзных республик. М., 1959, с. 133—136; Чельцов М. А. Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма. — Там же, с. 69—70; Калашников Н. Я. Обеспечение обвиняемому права на защиту. — «Учен. зап. ВЮЗИ», 1959, вып. VI, с. 167; Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960, с. 154—156; Советский уголовный процесс. Под ред. М. А. Чельцова. М., 1969, с. 95—96.

⁶⁹ Кудрявцев П. И. Против упрощенчества и вульгаризации. — «Коммунист», 1959, № 14, с. 119; См. также: Маяхазов И. И. Важная гарантия социалистического правосудия. Ростов н/Д., 1961; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 349—353; Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971, с. 110—121; Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 348—359.

⁷⁰ Смирнов Л. Н. Ленинские идеи о суде и правосудии и их претворение в жизнь. — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1977, № 5, с. 9.

Суд СССР неоднократно обращал внимание судов на недопустимость нарушения тех требований закона, которые составляют как бы суть презумпции невиновности. Так, отменяя судебные решения по одному из дел, Пленум Верховного Суда СССР указал, что «каждое лицо считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке»⁷¹. В данном случае ясно сформулировано понятие презумпции невиновности.

Презумпцию невиновности обвиняемого иногда рассматривают как своеобразную искусственную презумпцию, которая не является подлинным обобщением жизненного опыта, а представляет собой правовой институт, продиктованный политическими соображениями. Обосновывают это тем, что предполагаемая невиновность обвиняемого не носит постоянного характера, а напротив, является исключением⁷². Но суть презумпции невиновности не в том, что обвиняемый, как правило, является невиновным, а в том, что пока нет приговора, постановленного в предусмотренном порядке и вступившего в законную силу, — нет и виновного в совершении преступления. Правило это, несомненно, отражает практический опыт и свидетельствует о том, что лица, в отношении которых с соблюдением всех требований процессуальной формы постановлен приговор, как правило, являются виновными, а если эти условия не соблюдались, то вывод о виновности лица, как правило, ошибочен и не может считаться достоверным.

Презумпцию невиновности необходимо рассматривать в общеправовом и процессуальном значении. Как общеправовое требование она определяет правовое положение личности в обществе, согласно которому человек может быть объявлен преступником со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями только после того, как его вина в совершении преступления будет установлена вступившим в законную силу приговором, а до этого человек считается невиновным, и это определяет его положение в обществе, отношение к нему других лиц. В процессуальном значении презумпцию невиновности необходимо рассматривать как требование, определяющее правовое положение участников уголовного судопро-

---

⁷¹ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса..., с. 46—47.

⁷² См.: Б а б а е в В. Н. Презумпции в советском праве. Горький, 1974, с. 15—16, 97—98.

изводства⁷³, и прежде всего, конечно, правовое положение обвиняемого. При этом необходимо отметить и некоторую специфику ее требования, определяющего правовое положение обвиняемого в уголовном судопроизводстве, отношение к нему других участников процесса. Презумпция невиновности в ее общеправовом понимании определяет положение обвиняемого и в уголовном судопроизводстве, отношение к нему всех других участников процесса. Однако по отношению к следователю, прокурору и суду требование считать обвиняемого невиновным сохраняет свою силу до тех пор, пока каждый из них в установленном законом порядке не придет к выводу о виновности обвиняемого на основании собранных по делу доказательств.

Презумпцию невиновности необходимо рассматривать как объективную и субъективную категорию. Ее объективный характер состоит в том, что признанию лица виновным предшествует определенный порядок судопроизводства с соблюдением всех процессуальных форм и гарантий, который не может быть изменен по усмотрению лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание, несмотря на их убежденность в виновности обвиняемого. Объективный характер презумпции невиновности состоит в том, что обвиняемого считает невиновным прежде всего закон, пока те, кто полагают его виновным, не докажут это в установленном законом порядке. Но презумпция невиновности потеряла бы во многом свой смысл и практическое значение, если бы она оставалась лишь объективной категорией, если бы обвиняемого только закон считал невиновным, а люди относились бы к нему как к виновному. Поэтому презумпцию невиновности необходимо рассматривать и как требование, согласно которому обвиняемого считают невиновным все, пока его вина не будет установлена вступившим в законную силу приговором, а следователь, лицо, производящее дознание, прокурор и суд — пока на основании собранных доказательств в предусмотренном законом порядке они не придут к убеждению в виновности обвиняемого. Было бы ошибкой требовать от следователя, прокурора и суда, чтобы они считали обвиняемого невиновным до вступления приговора в законную силу. Особенности

⁷³ Пленум Верховного Суда СССР в одном из своих постановлений указал, что «в частном (особом) определении суд не вправе утверждать о виновности лиц, допрошенных в судебном заседании в качестве свидетелей или потерпевших и не привлеченных к уголовной ответственности» («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 5, с. 19).

отношения этих лиц к виновности обвиняемого не противоречат презумпции невиновности, а вытекают из нее. Государство, общество, охраняя, защищая интересы личности и общественные отношения, сформулировало презумпцию невиновности, согласно которой человек считается невиновным, пока его вина в совершении преступления не будет установлена в предусмотренном законом порядке. Доказать эту вину государство поручает определенным органам и лицам. И, прежде, чем доказать ее для других, убедить в ней всех, с тем чтобы конкретное лицо было признано виновным, соответствующие органы и лица должны доказать это для себя, сами убедиться в этом. Но, будучи убежденными в виновности обвиняемого, следователь, прокурор, суд в силу презумпции невиновности должны сознавать, что это убеждение остается их субъективным мнением до тех пор, пока вина человека не будет установлена вступившим в законную силу приговором.

Значение презумпции невиновности для уголовного судопроизводства можно рассматривать в разных аспектах, для уголовно-процессуального доказывания оно состоит прежде всего в следующем:

а) презумпция невиновности определяет собой правовое положение обвиняемого в уголовном судопроизводстве; является основой его процессуальных прав, в том числе права на защиту, права на участие в доказывании;

б) презумпция невиновности является гарантией установления истины, она стимулирует активную процессуальную деятельность органов расследования и суда — предписывает им всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства преступления; не ограничиваться своим личным убеждением в виновности лица, а собирать доказательства, на основании которых вопрос о виновности можно было бы решить приговором суда;

в) презумпция невиновности является основой системы доказывания в уголовном процессе, влияет на распределение обязанностей по доказыванию. Из нее вытекают конкретные процессуальные правила, связанные с порядком и условиями доказывания вины обвиняемого.

Значение презумпции невиновности в юридической литературе последних лет обычно подчеркивают и обосновывают, но иногда и оспаривают. Такую, в частности, попытку предпринял Е. Г. Мартыничик. В одной из своих последних работ он пришел к выводу, что «в советском уголовном процессе»

презумпция невинности обвиняемого противоречит задачам уголовного судопроизводства, не гарантирует прав граждан, привлеченных к уголовной ответственности, не обеспечивает установления истины по делу, т. е. не является гарантией социалистического правосудия и личности»⁷⁴. После такого отрицательного суждения о презумпции невинности он далее пишет: «Означает ли это, что в советском уголовном процессе вообще нет презумпции невинности? Нет, не означает. Она действует до тех пор, пока не установлено лицо, совершившее преступление, пока ему не предъявлено конкретное обвинение, т. е. до привлечения гражданина в качестве обвиняемого»⁷⁵. Здесь все неверно. Прежде всего, как можно утверждать, что презумпция невинности «не является гарантией социалистического правосудия и личности» (надо полагать, прав и законных интересов личности) и тут же писать о ее необходимости для уголовного процесса. Кроме того, если принять концепцию Е. Г. Мартыничика, то получается, что человек считается невинным до тех пор, пока не стал обвиняемым, а как только ему предъявлено любое обвинение, на смену презумпции невинности приходит, как видно, обязанность доказывать невинность. Аргументы, приведенные автором в пользу сделанных им выводов, так же противоречивы и неубедительны, как и сами выводы. Например, он пишет: «Так как по формуле презумпции невинности обвиняемый в силу закона считается невинным, то вполне естественно, что для органов предварительного расследования, прокурора и суда ничего не остается делать, как доказывать обратное, т. е. виновность обвиняемого в совершении преступления... Вследствие этого исключается возможность всесторонне, полно и объективно исследовать все обстоятельства дела...»⁷⁶. То, что виновность обвиняемого должна быть доказана — несомненно, но с каких пор это требование само по себе стало препятствием к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела? Исходя из ошибочного положения, что доказать вину обвиняемого — значит опровергнуть презумпцию невинности, Е. Г. Мартыничик пишет: «Складывается странное положение, при котором следователь, прокурор и суд вместо того, чтобы руководствоваться принципом уголовного процесса, действо-

⁷⁴ Мартыничик Е. Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Кишинев, 1975, с. 85.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, с. 83.

вать в соответствии с его требованиями, должны опровергать данный принцип»⁷⁷. Но доказать вину обвиняемого — не значит опровергнуть презумпцию невиновности. Презумпцию не опровергают, ею руководствуются, как принципом, установившим, что, пока не проведено расследование и судебное разбирательство с соблюдением всех требований процессуальной формы, пока приговор не вступил в законную силу, нет, как правило, виновного, речь может идти только об обвиняемом. В этом значении презумпции невиновности для доказывания вины лица в совершении преступления.

Иногда в презумпцию невиновности вкладывают смысл, который искажает ее сущность, принижает значение в уголовном судопроизводстве, ее роль в доказывании. Так, рассматривая презумпцию невиновности в качестве правовой идеи, элемента правосудия, Г. Н. Агеева отрицает ее роль как принципа правосудия⁷⁸.

Ряд авторов, характеризуя презумпцию невиновности, противопоставляют ее объективной истине. Так, В. Д. Арсеньев пишет, что «с точки зрения задач доказывания, применение презумпции невиновности — хотя и допустимое, но крайне нежелательное явление, ибо органы уголовного преследования должны стремиться либо доказать виновность обвиняемого, либо доказать его невиновность. Поэтому эти органы вовсе не должны в своей деятельности руководствоваться презумпцией невиновности, а должны исходить из задач полного, всестороннего и объективного установления обстоятельств дела (ст. ст. 2 и 4 Основ). И только в том случае, если они не выполняют этой своей первоочередной задачи, они должны руководствоваться законом, в основе которого лежит презумпция невиновности»⁷⁹. Так же решает этот вопрос Я. О. Мотовиловкер, утверждая, что «...целевое назначение принципа презумпции невиновности не в том, что он усиливает действие принципа объективной истины, а в том, что он дает ответ на вопрос, каким должен быть юридический результат в той части, в какой не удалось достигнуть познавательного результата, а следовательно, в ситуации, в

⁷⁷ Там же, с. 79.

⁷⁸ См.: Агеева Г. Н. Принципы советского уголовного процесса, их сущность и значение. — «Труды ВЮЗИ», 1972, т. XX (Проблемы укрепления законности и охраны прав личности в уголовном процессе, с. 10).

⁷⁹ Арсеньев В. Д. Установление истины при прекращении уголовных дел и презумпция невиновности. — «Труды Иркутского ун-та. Сер. юр.», 1963, т. XXXII, вып. 5, ч. 1, с. 213.

какой принцип объективной истины ответа не дает и дать не может»⁸⁰. Как видно, авторы исходят из того, что назначение презумпции невиновности — определять юридический результат по делу, когда не удалось достигнуть познавательного результата. Такое толкование значения презумпции невиновности вызывает возражение. Нельзя согласиться с противопоставлением принципов объективной истины и презумпции невиновности. Отличаясь своим особым содержанием, принципы объективной истины и презумпции невиновности имеют общее значение для осуществления правосудия. Оно заключается в том, что каждый из этих принципов определяет как процесс доказывания в уголовном судопроизводстве, так и его результат. Поэтому следователь, прокурор, суд исходят из презумпции невиновности не только в тот момент, когда им необходимо принять решение о виновности или невиновности обвиняемого, но и в ходе всего уголовно-процессуального доказывания, когда проверяют, исследуют материалы уголовного дела.

В юридической литературе дискуссионный характер получил вопрос о том, нужно ли в уголовном судопроизводстве доказывать невиновность лица, в частности, обвиняемого, подсудимого. Иногда полагают, что невиновность необходимо доказывать так же, как и вину. Это не так. В ходе уголовно-процессуального доказывания, разумеется, должны устанавливаться обстоятельства, свидетельствующие как о виновности лица, так и о его невиновности, но при этом необходимо иметь в виду особенность их выяснения. Она обусловлена презумпцией невиновности и состоит в том, что невиновность прежде всего презюмируется, т. е. для вывода о невиновности лица не обязательно должны быть доказательства, свидетельствующие об этом, а вывод о виновности может быть сделан только на основании доказательств.

Неоднократные попытки оспорить утверждение о том, что невиновность лица во всех случаях презюмируется, предпринял Я. О. Мотовиловкер. Он ошибочно полагает, что такое утверждение как бы отрицает необходимость в ходе уголовного судопроизводства устанавливать, доказывать невиновность обвиняемого. Но исходя из того, что невиновность презюмируется, никто не пытается тем самым полностью исключать необходимость устанавливать ее с помощью доказа-

---

⁸⁰ Мотовиловкер Я. О. Вопросы теории советского уголовного процесса. Томск, 1971, с. 32.

тельств. Оспаривая положение о том, что невиновность презюмируется во всех случаях, Я. О. Мотовиловкер пишет: «Невиновность действительно не выясняется, она презюмируется, пока (разрядка моя. — Л. К.) речь идет о лицах, не привлеченных к уголовной ответственности»⁸¹. Вот это уже неверно. Как было отмечено раньше, мнение о том, что невиновность презюмируется, пока лицу не предъявлено конкретное обвинение, а затем презумпцию невиновности вытесняет обязанность доказывать невиновность, противоречит действующему процессуальному законодательству, демократическим принципам советского уголовного процесса.

Иногда полагают, что суждение о том, что невиновность не доказывается, а презюмируется, отрицательно влияет на следователей, прокуроров и судей, так как освобождает их от обязанности подробно и детально разбираться в фактических обстоятельствах дела, что возведение презумпции невиновности в «ранг» принципа уголовного процесса или хотя бы принципа доказывания «санкционирует» органам уголовного преследования возможность «ошибаться тысячу раз»⁸². Если такое и происходит, то причину нужно искать не в самом факте существования презумпции невиновности, а в личных качествах лиц, осуществляющих доказывание. Правильное понимание презумпции невиновности никак не может препятствовать всестороннему, полному и объективному исследованию материалов дела. Из презумпции невиновности, несомненно, вытекает обязанность тщательно обосновывать обвинение, а следовательно, всесторонне, полно и объективно выяснять обстоятельства дела, и, доказывая вину обвиняемого, не проходить мимо обстоятельств, оправдывающих его. Если в результате такого исследования обвинение остается недоказанным, то это и означает невиновность лица.

Оспаривая положение, что невиновность не доказывается, а презюмируется, Я. О. Мотовиловкер ссылается на то, что

---

⁸¹ Мотовиловкер Я. О. Основания прекращения уголовного дела по реабилитирующим лицо мотивам. — «Советское государство и право», 1972, № 9, с. 93. Эту свою мысль автор повторяет затем неоднократно (см. Мотовиловкер Я. О. Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль, 1974, с. 28; Он же. Предмет советского уголовного процесса. Ярославль, 1974, с. 8) и только позже он напишет что «невиновность обвиняемого презюмируется и после предъявления обвинения...» (см. Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976, с. 91).

⁸² См.: Арсеньев В. Д. Установление истины при прекращении уголовных дел и презумпция невиновности, с. 213.

закон обязывает органы расследования и суд доказывать как вину обвиняемого, так и его невиновность и что обвиняемый не может удовлетвориться презумпцией невиновности, для него важно, чтобы его невиновность была доказана⁸³. В данном случае интерес обвиняемого защищается несколько односторонне. Прежде всего, как уже отмечалось, закон совершенно не обязывает в равной мере доказывать вину и невиновность. И другое. Для человека, разумеется, важно, чтобы его невиновность была установлена, но для него не менее важно, чтобы его всегда считали невиновным, пока вина не установлена в порядке, предусмотренном законом. Последнее и вытекает из презумпции невиновности, которую необходимо рассматривать именно как принцип судопроизводства, а не как абстрактно-формальную декларацию или как неизбежность плохого доказывания, когда не удалось установить истину по делу.

Из презумпции невиновности вытекают конкретные процессуальные правила доказывания, связанные с установлением объективной истины и признанием обвиняемого виновным в совершении преступления.

1. Признать обвиняемого виновным и в связи с этим подвергнуть уголовному наказанию может только суд и никакой другой орган. Этому не противоречит то, что уголовное дело может быть прекращено на любой стадии процесса, причем как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям. В последнем случае суд и органы расследования исходят из доказанности вины обвиняемого. Это возможно, например, при прекращении дела с передачей виновного на поруки (ст. 9 УПК) и в других случаях. Видеть здесь отступление от презумпции невиновности не следует, так как в этих исключительных случаях вывод о виновности лица, как правило, согласуется с признанием им своей вины, а нередко и с чистосердечным раскаянием. Но главное не в этом. Дело в том, что во всех случаях обвиняемый вправе обжаловать решение о прекращении в отношении него дела, если такое решение его не реабилитирует, а он с этим не согласен. И тогда должно состояться судебное разбирательство, а вопрос о виновности или невиновности обвиняемого должен быть решен в приговоре суда.

2. Вина обвиняемого в ходе судопроизводства должна

---

⁸³ См.: Мотовиловкер Я. О. Установление истины в советском уголовном процессе, с. 28.

быть убедительно доказана. Обязанность доказывания вины лежит на государственных органах и должностных лицах, причем суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, не вправе перелгать обязанность доказывания на обвиняемого (ст. 14 Основ). Верховный Суд СССР неоднократно обращал внимание судов на то, что на обвиняемого не может быть возложена обязанность доказывать свою невиновность, что органы расследования и суд не вправе перелгать обязанность доказывания на обвиняемого⁸⁴.

3. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана (ст. 43 Основ). Изучение судебных ошибок свидетельствует о том, что среди отмененных приговоров встречается большое число таких, которые основаны не на доказательствах, а на предположениях. Именно поэтому Верховный Суд СССР не раз указывал на недопустимость выводов о виновности подсудимого на основании предположений⁸⁵.

4. С последним правилом связано и другое — недопустимость выводов о виновности обвиняемого на основании противоречивых данных⁸⁶. Пленум Верховного Суда СССР особо обращал внимание на то, что обвинение в совершении преступления не может быть основано на противоречивых данных без надлежащей всесторонней и объективной проверки объяснений обвиняемых, что обвинение не может быть основано на показаниях свидетелей, если эти показания противоречат другим, не опровергнутым доказательствам до делу, что обвинение не может считаться доказанным, если оно основано на противоречивых заключениях экспертов, допускающих наряду с версией обвинения и другие версии, находящиеся с ней в противоречии. В постановлении от 30 июня

---

⁸⁴ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. 1946—1962 гг. М., 1964, с. 47—48; Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973. М., 1974, с. 280.

⁸⁵ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, с. 67, 221, 227; Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, с. 279, 582; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1976, № 4, с. 28; 1975, № 2, с. 39—40.

⁸⁶ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, с. 69, 91, 124, 128; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1977, № 1, с. 29—30; 1975, № 5, с. 22—25.

1969 года «О судебном приговоре» Пленум Верховного Суда СССР указал: «Судам надлежит исходить из того, что обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены»⁸⁷.

5. Из презумпции невиновности вытекает правило о том, что все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не удалось устранить, толкуются в пользу обвиняемого⁸⁸. Данное правило сформулировано судебной практикой и нашло свое отражение в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР.

У следователей, прокуроров, судей и других участников процесса могут возникнуть различные сомнения относительно события преступления, вины обвиняемого и иных обстоятельств уголовного дела. В ходе судопроизводства их необходимо разрешить, используя для этого все средства доказывания, но если этого сделать не удалось и сомнения остались, то в решении любого вопроса, которого они касаются, их следует толковать лишь в пользу обвиняемого. Если сомнение касается уличающего доказательства, такое доказательство следует отбросить.

6. Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу (ст. 77 УПК). Правило это рождено общественной, судебной практикой, которая в прошлом нередко переоценивала факт признания обвиняемым своей вины. Это порой приводило к судебным ошибкам, осуждению невиновных лиц.

В решении данного вопроса как бы столкнулись две презумпции: презумпция невиновности и презумпция, заключающаяся в том, что человек не будет признавать себя виновным в преступлении, которого он не совершал. Последняя лежит в основе многих систем буржуазного судопроизводства и приводит к ошибкам в правосудии. Возможные исключения из этой презумпции, т. е. признание своей вины лицом, не совершившим преступление, настолько опасны для правосудия и обеспечения интересов личности, что они аннулируют всякое значение этой презумпции в уголовно-процессуальном доказывании. Закрепление в законе правила, изложенного в

⁸⁷ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, с. 582.

⁸⁸ См. там же.

ч. 2 ст. 77 УПК, свидетельствует о значении презумпции невиновности в общественной жизни, о том, что даже несмотря на личное признание человеком своей вины общественные интересы не допускают осуждения его за преступление, пока его вина с достоверностью не будет доказана в установленном законом порядке. На ошибки, которые связаны с нарушениями социалистической законности и вытекают из переоценки значения признания обвиняемым своей вины, неоднократно обращал внимание судей Верховный Суд СССР⁸⁹.

7. Из презумпции невиновности вытекает и положение о том, что недоказанная виновность с точки зрения юридического значения равнозначна доказанной невиновности и означает полную реабилитацию обвиняемого. Закон запрещает в оправдательный приговор, независимо от оснований оправдания, включать формулировки, ставящие под сомнение невиновность оправданного (ст. 314 УПК).

К уголовно-процессуальным презумпциям необходимо отнести презумпцию истинности вступившего в законную силу приговора. Законный, обоснованный и мотивированный приговор, как правило, отражает объективную истину. Презумпция эта основана на том, что, как свидетельствует общественная практика, процессуальный порядок, предшествующий вступлению приговора в законную силу, является надежной гарантией справедливости правосудия и признания виновными лишь лиц, действительно совершивших преступление. В силу этой презумпции приговор суда имеет обязательное значение для всех, в том числе и для лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание. Все, что установлено приговором, пока он не отменен, не подлежит исследованию и доказыванию. С данной презумпцией связано и указание закона на то, что производство по делу не допускается в отношении лица, о котором имеется по тому же обвинению вступивший в законную силу приговор суда, а также определение суда или неотмененное постановление органов расследования о прекращении дела (пп. 9, 10 ст. 5 УПК).

Истинность вступившего в законную силу приговора может быть опровергнута лишь в особом, для этого установленном порядке, а именно путем пересмотра дела в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам.

С рассматриваемой презумпцией связан вопрос о преюди-

---

⁸⁹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, с. 279—280, 583.

ниях, о том, насколько решения одного суда обязательны для другого. Так, ст. 28 УПК предусматривает, что в уголовном судопроизводстве решение суда по гражданскому делу, вступившее в законную силу, обязательно для суда, прокурора и следователя только по вопросу, имело ли место событие или действие, но не в отношении виновности обвиняемого. Правило это влияет на определение предмета доказывания по конкретному уголовному делу.

Преюдиции в определенном смысле ограничивают возможность оценки доказательств и решения дела на основании внутреннего убеждения, поскольку предписывают исходить из доказанности тех или иных фактов. В юридической литературе обращалось внимание на то, что вопрос о возможном противоречии между преюдицией и внутренним убеждением в оценке доказательств следовало бы решить в пользу внутреннего убеждения, установив при этом определенный процессуальный порядок рассмотрения коллизионных судебных решений⁹⁰.

В качестве процессуальной презумпции необходимо рассматривать положение, согласно которому тот или иной факт считается недоказанным, а истина по делу не установленной, если допущено существенное нарушение уголовно-процессуальной формы. Какие нарушения относятся к существенным предусмотрено, например, в ст. 345 УПК и других нормах. В основе данной презумпции лежит практический опыт, свидетельствующий о том, что отступления от установленного порядка доказывания, нарушение процессуальной формы и процессуальных гарантий чаще всего приводит к ошибкам в доказывании и в установлении объективной истины.

Законом предусмотрены и другие уголовно-процессуальные презумпции. К ним можно, в частности, отнести следующие положения. Наличие оснований для отвода некоторых участников процесса порождает предположение об их необъективности в исследовании материалов дела. Отсутствие жалобы потерпевшего по делам частного обвинения свидетельствует об отсутствии общественной опасности совершенных против него действий. Обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве основано на презумпции, что в случаях, предусмотренных законом, обвиняемый испытывает затруднения, связанные с личным участием в доказывании и в защите своих прав. Правило, согласно которому не могут

---

⁹⁰ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 360.

служить доказательством фактические данные, сообщаемые свидетелем, если он не указал источник своей осведомленности, основано на презумпции недостоверности сведений, полученных в этом случае. Установление в законе исчерпывающего перечня видов источников доказательств как возможных средств доказывания в уголовном судопроизводстве связано с презумпцией их надежности по сравнению с иными возможными источниками фактических данных, непредусмотренных законом.

Перечень различных процессуальных презумпций можно было бы продолжить. Их необходимо учитывать в ходе уголовно-процессуального доказывания.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ В СВЕТЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

§ 1. Значение использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве

Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXIV съезду КПСС отметил, что «...решительное ускорение научно-технического прогресса остается одной из главных задач»¹.

XXV съезд КПСС в качестве важнейшей поставил задачу «всемерно развивать исследования по проблемам научно-технической революции...»². «Мы, коммунисты,— говорил в Отчетном докладе XXV съезду КПСС тов. Л. И. Брежнев,— исходим из того, что только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество»³. Это относится ко всем сферам жизни современного общества. Не составляет исключения и уголовное судопроизводство.

Судопроизводство не может осуществляться в отрыве от всех процессов социально-экономического, политического, культурного и научно-технического развития общества. Наоборот, оно предполагает широкое использование достижений научно-технического прогресса в практике уголовно-процессуального доказывания, применение новых приборов и средств в ходе доказывания, в его современной научной организации⁴.

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 55.

² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 214.

³ Там же, с. 47.

⁴ См.: Основы применения кибернетики в правоповедении. Под ред. Н. С. Полевого и Н. В. Витрука. М., 1977, с. 224—269; Элькин П. С.

Современные следователи, судьи, прокуроры уже не являются больше традиционными гуманитариями, они должны знать возможности использования в работе по доказыванию достижений целого ряда гуманитарных, естественных и технических наук. В этом заключается одна из необходимых предпосылок интеграции наук в практической профессиональной деятельности следователя, в современной профессиональной подготовке и научном образовании специалистов-юристов.

В теории доказательств и практике доказывания по конкретным уголовным делам необходимо оценивать положение о применении новейших научных достижений не с позиций вчерашнего дня, а исходя из требований завтрашнего. Следственная и судебная деятельность требует постоянного умения использовать новые достижения науки и техники.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка» от 10 декабря 1965 г. и в ряде других партийных документов⁵ отмечается, что внедрение достижений науки и техники должно быть быстрым и эффективным, что работники судебно-следственных и прокурорских органов должны быть профессионально и квалифицированно подготовлены для осуществления в практике доказывания того нового, прогрессивно-го, что дает научно-техническая революция.

Судебный и следственный аппараты имеют такие возможности и необходимые кадры. Сейчас, отмечает Б. А. Викторov, «...на смену следователю-протоколисту пришел следователь-специалист, хорошо ориентирующийся в использовании современных возможностей науки и техники»⁶.

Эффект от внедрения достижений науки и техники испытывает на себе оперативная, следственная, судебная и экспертная деятельность. И каждая из указанных областей

Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976, с. 105—142; Шиканов В. И. Научно-технический прогресс и некоторые проблемы уголовного судопроизводства. — В кн.: Проблемы советского государства и права. Вып. 3. Иркутск, 1972; Горский Г. Ф. Научно-технический прогресс и совершенствование деятельности следственного аппарата. — В кн.: Проблемы предварительного следствия. Волгоград, 1972; Ароцкер Л. Е. Применение научно-технических средств в суде. — В кн.: Настольная книга судьи. М., 1972, с. 454—464.

⁵ См.: Советская прокуратура. Сборник важнейших документов. М., 1972, с. 343—349, 351—356, 380—381.

⁶ Викторov Б. А. Наука на службе следствия.—«Наука и жизнь», 1969, № 6, с. 65.

процессуальной и внепроцессуальной деятельности оказывает прямое или опосредствованное влияние на сердцевину уголовного процесса — практику доказывания.

Достижения научно-технической революции дали новые опоры в теорию и практику доказывания, обусловили новый облик всей теории доказательств, методов доказывания, его организации, научно-технического переоснащения аппарата уголовного судопроизводства и особенно его структуры — следственного аппарата. В свою очередь, это оказывает существенное влияние на структуру, форму использования доказательств по конкретным уголовным делам.

Расширение применения современных достижений научно-технического прогресса является объективной традицией развития советского уголовного процесса. Как правильно пишет А. И. Винберг: «Развитие техники, применяемой в уголовном процессе, обуславливается не только его внутренними закономерностями и собственными открытиями и достижениями, но и основывается на общих закономерностях развития технического прогресса»⁷.

В сфере доказывания, практически в каждой ее области применяются достижения современной науки и техники. И сегодня принципиально важное значение в юридической науке и практике имеет осмысливание указанных процессов в рамках теории уголовно-процессуального права, разработка методологических проблем теории доказательств и отдельных теоретических вопросов производства следственных действий. В уголовном судопроизводстве, в науке уголовного процесса и криминалистике так же, как и в других сферах научной деятельности и общественной практики немислимы застой и догматизм.

Но в отличие от всех других сфер деятельности в уголовном судопроизводстве в целом, в деятельности следственного аппарата и конкретно в доказательственной деятельности по расследованию уголовных дел процессы использования научно-технических достижений невозможны без правового регулирования. Игнорирование правового регулирования здесь просто недопустимо, ибо это касается весьма сложной и острой области человеческих отношений.

В следственной и судебной практике уже сложились на основе применения уголовно-процессуального закона и кри-

---

⁷ Винберг А. И. Техника и уголовное судопроизводство. — «Советское государство и право», 1970, № 7, с. 91.

миналистических тактических рекомендаций устойчивые формы деятельности по осуществлению доказывания. Однако современная научно-техническая революция вызвала такие серьезные изменения в содержании профессиональной деятельности юристов, работающих в аппаратах, осуществляющих уголовное судопроизводство, что требуется переосмысление этих процессов для урегулирования их на правовом уровне. Это — объективный процесс и практически важный. Он обеспечивает в уголовном судопроизводстве реализацию указаний В. И. Ленина, «...чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой... чтобы ...действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом»⁸.

Одной из актуальных задач современной уголовно-процессуальной науки является создание цельной процессуальной теории использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве и практике уголовно-процессуального доказывания как фундаментальной основы дальнейшего развития советского уголовного процесса.

§ 2. Требования, предъявляемые к научно-техническим средствам, используемым в уголовном судопроизводстве

Все более широкое и всестороннее использование достижений научно-технического прогресса в доказательственной сфере — процесс закономерный и объективный. Их применение расширяет и углубляет возможности доказательственного познания, в максимальной мере объективизирует собираемый по уголовным делам доказательственный материал, предупреждает односторонность и тенденциозность, оказывает влияние на быстроту и эффективность раскрытия преступлений. Этот процесс непосредственно воздействует на оперативность и интенсификацию доказывания, расширяет круг используемых при расследовании доказательственных фактов, обеспечивает участие в производстве следственных действий различных специалистов и на этой основе делает само следственное производство все более и более коллективным; в свою очередь, это приводит к расширению пределов информационного обеспечения расследования, к усилению твор-

---

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 391.

ческих элементов и в целом творческих возможностей следователей, экспертов при осуществлении доказывания по уголовным делам. Современная техника делает сам процесс доказывания и его результаты не только более документально-объективными, но и более выразительными для восприятия в пространстве и времени, в объективном существовании, в причинно-следственной связи.

С позиций теории уголовно-процессуального права при внедрении достижений науки и техники в практику уголовного судопроизводства необходимо решить, по крайней мере, три принципиально важных вопроса:

— создать процессуальные гарантии использования достижений современной науки и техники в уголовном судопроизводстве для успешного решения его задач;

— разработать процессуально-правовую регламентацию такого использования;

— обеспечить неуклонное соблюдение социалистической законности при внедрении науки и техники в уголовное судопроизводство.

Что бы новое ни появилось в ходе научно-технической революции, как бы, на первый взгляд, эффективно оно ни помогало уголовному судопроизводству выполнить его задачи, без решения этих трех основных уголовно-процессуальных требований применение этого нового недопустимо.

Конкретная жизнь, практика деятельности судебно-следственного и прокурорского аппаратов заставляют юристов быть заинтересованными в быстром внедрении новейших достижений науки и техники в уголовное судопроизводство в целом, в практику доказывания и рассмотрения процессуального признания и процессуальной регламентации использования технических средств. Естественно, что правовая регламентация требует известной осторожности.

Однако необходимую осторожность нельзя путать с бытующим еще консерватизмом и догматизмом. Он недопустим прежде всего как барьер и антипод научно-технического прогресса вообще. К сожалению, в практике мы часто встречаемся со случаями боязни применения новых методов, прямого недоверия к ним, с отставанием правовой регламентации от уровня современного развития науки, техники и потребностей уголовного судопроизводства. На это обратил внимание

А. И. Винберг. «В области процессуального права, законодательства,— писал он,— характерным является крайняя осторожность и медлительность введения в следственную и

судебную практику различных технических новшеств, рожденных современным научно-техническим прогрессом. Повышенная осторожность вызвана таким принципиальным положением советского уголовного процесса, как неуклонное соблюдение гарантии достоверности в получении доказательств с помощью технических средств... Следует также иметь в виду, что далеко не все, что технически возможно для установления истинных фактов, и даже не все, что создает гарантию достоверности в получении доказательств, является в то же время допустимым с точки зрения требований социалистической законности. Это положение также носит принципиальный характер при рассмотрении вопроса о внедрении в расследование новейших достижений»⁹.

В оперативно-розыскной и следственной работе основа успехов в раскрытии и расследовании преступлений заложена в получении правдивой, объективной информации. Процессуальные выводы должны базироваться только на доказательственной, доведенной до критерия объективной истины по делу информации. Об этом сегодня следует говорить еще и потому, что происходит принципиально новая перестройка информационных систем (АСУ прокуратуры, АСУ органов МВД, АСУ органов юстиции и т. п.). И весьма важно, чтобы в структуре информационных систем, предназначенных для обеспечения различных функций деятельности судебно-следственного аппарата, строго организационно разграничивалась информация, добытая с помощью различных источников и методов, и информация, полученная с помощью доказательств в процессе доказывания. Это должно контролироваться особенно тщательно, чтобы исключить информацию о необоснованных подозрениях. Поэтому в ответах на запросы следственных органов в информационные центры следует указывать источники информированности.

§ 3. Научно-технические средства, используемые в уголовно-процессуальном доказывании

Классификация научно-технических средств, используемых в доказательственной сфере деятельности судебно-следственного аппарата, носит многогранный и многоцелевой характер. Она должна отражать те объективные тенденции, ко-

⁹ Винберг А. И. Указ. соч., с. 94—95.

торые происходят в практической деятельности судей, следователей в результате внедрения достижений научно-технического прогресса.

Современная наука и техника обогатили буквально все традиционные разделы криминалистической техники новыми методами обнаружения, исследования, фиксации, документирования и использования доказательств, расширили возможности предварительного и судебного следствия (новые полимерные средства фиксации следов; приборы физического, химического, биологического исследования, поисковые приборы; искатели по немагнитным металлам, приборы микроскопического исследования, спектрального и рентгено-структурного анализа; способы идентификации современных материалов, синтетических волокон и пластмасс).

Появились принципиально новые разделы криминалистической техники (одорология) и новые подходы к экспертизе веществ и материалов (экспертология).

Действующее уголовно-процессуальное законодательство расширило сферу применения технических средств при производстве отдельных следственных действий и особенно при производстве осмотров мест происшествий и иных следственных осмотров, допросов, опознаний, экспериментов, обысков, что существенно образом повлияло на изменение и совершенствование тактики, усиление общей информированности, доказательственной отдачи, объективности и наглядности каждого следственного действия. Можно сказать, повысился коэффициент их полезного действия.

Нужна скрупулезная теоретическая разработка тактики такого действия, как опознание. Уже сегодня проводится не только личное опознание или опознание по фотографиям, но и опознание по киноленте, видеомагнитофону, телевидению, фотороботом. Использование и широкое внедрение указанных средств не может не сказаться на изменении тактики производства следственных действий и осуществлении оперативных мероприятий.

Значительные коррективы должны быть внесены в практику фиксации доказательств в ходе производства отдельных следственных действий с помощью кино, видеомагнитофонов и т. п., а это ставит новые проблемы взаимодействия следователя со специалистами и штатного обеспечения следственного аппарата специалистами соответствующих научно-технических профилей.

Внедрение достижений науки и техники делает более совершенной и эффективной оперативную работу. Ее информационная отдача и раньше была достаточно высокой. Сейчас же особенно важно в теории доказательственного права и в практике доказывания найти критерии и методы трансформации добытой оперативным путем информации в доказательственный материал.

Современная наука и техника внесла коренные изменения в методику расследования отдельных категорий преступлений и организацию расследования. Во-первых, появились абсолютно новые методики расследования катастроф, кораблекрушений, преступлений, связанных с использованием информации, заложенной в компьютере. Во-вторых, значительные коррективы внесены в ранее существовавшие методики расследования. Это касается прежде всего учета мобильности обстановки и поведения преступника, направлений доказывания, выдвижения версий, поиска доказательственной информации, системы документооборота.

Криминалисты должны быстро и остро реагировать на новые методы совершения преступлений, немедленно и упреждающе противопоставлять технические, тактические контрметоды раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Научно-технический прогресс внес много нового в предупредительную деятельность уголовного судопроизводства. Создание мощных по кадрам и технически оснащенных оперативных дежурных частей, систем информации, оповещения и связи в сочетании с профессиональным опытом кадров аппарата, осуществляющего уголовное судопроизводство, уже заложили хорошие основы криминалистической профилактики.

Не только технические новшества современной науки должны внедряться в практику уголовного судопроизводства. Логика оказала огромное влияние на анализ и систему доказательств при расследовании и рассмотрении уголовных дел, создание моделей доказывания, на характеристику эвристического мышления следователей, форму проверки документов и эффективность используемых методов доказывания.

Теория информации помогла построить на современном уровне криминалистическое учение о способах совершения преступления и создать соответствующие системы поиска и

типизации действий следователя, систему информационного обеспечения следственно-оперативного аппарата.

Применение методов математики и ЭВМ во многом предопределило возникновение и практическое использование в доказательственной деятельности более совершенной системы квалификации преступлений, модели доказывания, систем анализа ошибок расследования и их предупреждения, возможностей количественной характеристики эффективности производства отдельных следственных действий и используемых моделей расследования. Мы уже не говорим о том, что математические методы и средства электронно-вычислительной техники широко внедрены и успешно применяются в новейших методиках экспертной деятельности (судебное почерковедение, трасология, баллистика, профилограмма и т. д.).

Наступила пора создать более стройную систему классификации научно-технических средств, используемых в уголовном судопроизводстве и в доказывании.

§ 4. Научно-технический прогресс и проблемы научной организации труда субъектов уголовно-процессуального доказывания

Научная организация труда базируется на предметном знании технико-экономического потенциала аппарата уголовного судопроизводства. Это особенно важно потому, что использование достижений научно-технического прогресса привлекает к работе по доказыванию значительный отряд как специалистов-криминалистов, так и специалистов других областей знаний, делает расследование и судебное разбирательство коллективным. А это, в свою очередь, влечет за собой дополнительные требования к организации труда по доказыванию.

Исходя из задач современного периода научно-технической революции, в следственном аппарате важно укрепить службу специалистов и экспертные органы, прежде всего, для целей улучшения производительности труда следователей, ибо, по замечанию К. Маркса, производительные силы любого труда в числе ряда других обстоятельств определяются «...уровнем развития науки и степенью ее технологического

применения...»¹⁰. В условиях узкой специализации это единственно верный путь. Но он не означает отказа от всестороннего научного обучения самих следователей с учетом новейших достижений науки и техники. В условиях научно-технической революции в творческих профессиях, к каковым относится и профессия следователя, возрастает роль профессионалов развитых и всесторонне образованных, умеющих подойти к проблеме расследования системно, объективно.

Учет этих обстоятельств потребовал и новых организационных решений. В органах внутренних дел, где расследуется в настоящее время большинство уголовных дел, одним из таких организационных нововведений было создание мощных и хорошо технически оснащенных оперативных дежурных частей. В результате возникли предпосылки эффективной организации раскрытия и расследования преступлений по горячим следам. Уже на первых порах, когда еще комплексно не были решены вопросы процессуальной деятельности таких частей, их создание привело к повышению раскрываемости преступлений, почти к полному раскрытию уличных преступлений, некоторому сокращению уличной преступности. Указанное организационное новшество оценено общественным мнением, отметившим, прежде всего, быструю реакцию мобильного и квалифицированного аппарата органов внутренних дел на поступающую информацию о фактах совершенных преступлений, их объективный учет и регистрацию. Оперативные дежурные части создают новые пути раскрытия и расследования преступления, новые формы взаимодействия между следователями, оперативными работниками, экспертами, новые формы организации доказывания по уголовным делам.

В этой связи нужно внести необходимые изменения и дополнения в современную теорию и практику доказывания. Дежурные группы в составе следователя, оперативных инспекторов, техника-криминалиста и специалистов других областей знаний должны в современных условиях стать основным рабочим органом раскрытия и расследования преступлений по линии уголовного розыска и нести всю полноту профессиональной и процессуальной ответственности за результативность расследования. Этот вопрос необходимо урегулировать процессуальным законодательством и ведомственными инструкциями и положениями.

---

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 48.

Внедрение достижений научно-технического прогресса в практику деятельности следственного аппарата предъявило более высокие требования к научной и профессиональной компетенции всех звеньев следственных кадров и особенно кадров руководящих работников расследования.

Следственные работники должны квалифицированно разбираться не только в чисто профессиональных проблемах. Доказательственная деятельность следователя требует точного знания возможностей экспертного дела, организации специфики и техники оперативно-розыскной работы, информационного обеспечения процесса доказывания.

Научно-техническая революция предъявляет все новые и новые требования к интеллектуализации современного следственного труда во всем его многообразии, во всех сферах и проявлениях; к следственной интуиции, логике и системе следственного мышления, к культуре следователя и профессиональной этике его поведения. «Интеллектуализация труда (и физического, и умственного), — отмечает профессор К. Е. Тарасов, — сопряжена не столько с увеличением доли напряженности и возрастанием социального значения простой умственной деятельности во всех видах труда, сколько с превращением ее в научную, творческую, высококвалифицированную. Она требует сочетания узкой специализации с широким общим культурным кругозором, с освоением ряда смежных специальностей. Интеллектуализация труда представляет собой не только подлинно интеллигентную, разумную, рационализированную, но и эмоционально насыщенную деятельность»¹¹.

В современных условиях каждому следователю необходима комплексная научно-профессиональная подготовка. Этого требует характер его сложной профессии и политико-государственной миссии, которую он исполняет в обществе и государстве. Ч. П. Сноу полагает, что в государственном аппарате и администрации должно быть достаточно разбирающихся в науке работников¹². В сфере доказывания следственный аппарат занимается непосредственным приложением и применением самых новейших достижений ряда наук и в этом плане не может составлять исключение. Наоборот, его

---

¹¹ Тарасов К. Е. Научно-техническая революция и проблемы всестороннего развития личности. — В кн.: Научно-техническая революция и строительство коммунизма. М., 1976, с. 124.

научная подготовка должна быть усилена до уровня каждодневного, обыденного использования научных достижений в непосредственной практике расследования.

Научно-технический прогресс внес серьезные коррективы в систему руководства следственным аппаратом, практику расследования сложных, многоэпизодных дел. Это касается организации совместных действий всех участников расследования и органов, его осуществляющих, умения ориентироваться в комплексе доказательственных проблем, оперировать доказательственной информацией на современном уровне; личной профессиональной компетентности в области расследования, новых организационно-тактических форм взаимодействия с оперативным аппаратом, центрами информационного обеспечения, экспертными учреждениями, новых возможностей технической интенсификации процесса доказывания и принятия на этой основе процессуальных решений.

Усложнение процессов следственной деятельности, процессов оперирования доказательственной информацией при расследовании преступления требует всестороннего проигрывания и моделирования исследуемых фактов, событий, ситуаций и использования эффективных и динамичных форм организации расследования, производства следственных действий, закрепления и процессуальной фиксации результатов.

Современные условия работы по-новому ставят проблему специализации работы следователя и интеграции усилий при расследовании дел. Специализация требует точного знания конкретной области расследования, ювелирно отточенных конкретных знаний. Интеграция обязана обеспечить системный подход к расследованию преступлений, полноту, всесторонность, объективность доказывания, а в руководстве следственным аппаратом — эффективность и полноту выполнения всех поставленных перед ним задач. Именно в этом направлении должна осуществляться подготовка и переподготовка кадров следственного аппарата на основе учета профессионально-правовых аспектов деятельности, рационализации и организации труда, действия эмоциональных компонентов и этического облика работников.

Правильное понимание каждым работником юстиции влияния научно-технической революции на борьбу с антиобщественным поведением имеет не только теоретическое, но и

---

12 См.: Сноу Ч. П. Две культуры. М., 1974, с. 40.

практическое значение, так как от него зависит внедрение научных основ в организацию борьбы с преступностью и правонарушениями.

§ 5. Перспективы дальнейшего совершенствования использования научно-технических средств в уголовно-процессуальном доказывании

Перспективы дальнейшего совершенствования использования достижений научно-технического прогресса в борьбе с преступностью в целом и в уголовно-процессуальном доказывании в частности, можно определить лишь с помощью системного подхода. Эти перспективы будут зависеть от умения учесть в комплексном криминологическом прогнозе тенденции и закономерности преступности, ее структуру, виды и группы отдельных преступлений и на этой основе создать прогноз системы аппарата юстиции. Учет факторов и последствий научно-технической революции позволяет выработать и создать долгосрочную концепцию и комплексную программу использования ее достижений.

На указанных прогнозах, программах и концепциях должна быть основана доктрина по борьбе с преступностью, логически упорядоченная система научных идей, принципов, отражающих социально-политические, экономические, правовые, научно-технические и организационные закономерности функционирования органов, осуществляющих борьбу с преступностью.

В свою очередь, на основе разработанной доктрины должен строиться государственный план по борьбе с преступностью, включающий в себя общую программу — концепцию на значительный период, пятилетние планы совершенствования деятельности по борьбе с преступностью и установочные директивы на каждый год, с практическим учетом происходящих изменений в структуре, состоянии и тенденциях преступности и технико-организационной и криминалистической вооруженности аппарата, осуществляющего борьбу с преступностью.

Только на основе системного подхода можно сделать объективный анализ тенденций, направлений и конкретных путей использования достижений научно-технического прогресса в процессуальной и внепроцессуальной сфере, в технике, тактике, методике расследования.

Системный подход позволит осуществить программно-целевое управление отраслями юридической науки (уголовный процесс, криминалистика, криминология, уголовное право; прикладные науки юридического цикла, такие, как правовая кибернетика, психология, профессиональная этика и т. д.), что поможет предметно познать технико-криминалистический потенциал будущего, пути внедрения достижений науки и техники, основные тенденции и направления внедрения, а также технологию использования достижений науки и техники на основе строжайшего уголовно-процессуального регулирования.

В социалистическом обществе в период научно-технического прогресса создаются все условия для наиболее справедливого, гуманного решения вопросов взаимоотношений личности и общества, общества и природы, человека и машины. Но это не исключает отдельных преступных проявлений.

Расследование нарушений правил техники безопасности, катастроф, транспортных происшествий, компьютерных преступлений, нарушений в области охраны природы, в использовании ЭВМ потребует применения следователями, экспертами знаний в области теории информации, кибернетики, экологии, бионики, оптики и лазерной техники, фармакогенетики, инженерной криминалистики, эргономики, отраслевой технологии. Пока даже трудно представить себе спектр научно-технических достижений, которые будут применяться в доказывании.

Все более активно используются в криминалистическом исследовании доказательства дефектография по всем минералам, спектрография и газовая хроматография, электронно-копирующая техника для исследования структуры микровеществ, профилография и ЭВМ. В криминалистике и в практической работе информационных центров все большее значение придается проблемам систематики (информационные картотеки и коллекции оружия, боеприпасов, запирающих устройств, орудий преступлений, новых материалов и веществ, способов совершения преступлений и т. д.).

Новый технико-криминалистический парк, несомненно, объективно потребует обновления и теории доказательственного права (разработка проблем теории потока криминалистической доказательственной информации, стадий и модели доказывания по различным категориям преступлений, теории

новых методов идентификации как основания доказывания и т. п.).

Представляется, что указанные тенденции приведут к усилению роли экспертизы в процессе доказывания, к созданию и внедрению новых комплексных следственных действий.

Раскрытие тенденций и структуры будущей профессиональной деятельности следователей, а также прокуроров, судей в связи с внедрением достижений науки и техники еще только начато в специальной юридической литературе.

Указанное направление научного исследования представляется важным и перспективным особенно в части целенаправленной подготовки кадров судебно-следственного аппарата.

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ДОКАЗЫВАНИЯ**§ 1. Судебная этика
и ее роль в доказывании**

Процесс доказывания в уголовном судопроизводстве тщательно регламентирован законом, но для успешного решения стоящих перед ним задач не меньшее значение имеют и нормы морали. Доказывание, как и вся процессуальная деятельность, должно осуществляться на основании закона и в полном соответствии с нравственными принципами.

Цель доказывания, как это уже было отмечено, состоит в установлении истины. Стремление познать истину, никогда не отклоняться от нее — не только юридическая обязанность, но и первейший моральный долг следователя, прокурора, судьи. При этом важно не только познать истину, но и использовать для этого законные и нравственно оправданные средства. «...Цель, для которой требуются неправомерные средства, не есть правая цель...»¹, утверждал К. Маркс. Обеспечить соответствие средств познания истины в уголовном судопроизводстве нравственным принципам призвана, в частности, судебная этика — наука о профессиональной морали юриста.

Важность соблюдения в доказывании нравственных принципов несомненна. Между тем, как свидетельствует практика, отступления от нравственных принципов в ходе уголовного

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 65.

судопроизводства допускаются еще нередко. Это тем более делает актуальной разработку вопросов судебной этики, ее влияния на уголовно-процессуальное доказывание. Вопросам этим в последнее время в юридической литературе уделяется повышенное внимание², вызванное возрастанием роли нравственных начал и расширением сферы действия морального фактора в жизни советского общества³. Актуальность их дальнейшей разработки обусловлена развитием гуманистических идей в новой Конституции социалистического общенародного государства.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР в качестве мер по дальнейшему улучшению работы судебных и прокурорских органов указали в своем постановлении (июль 1970 г.) на необходимость всемерно повышать культуру их работы⁴. Пленум Верховного Суда СССР подчеркивал, что все вопросы, подлежащие рассмотрению при осуществлении правосудия, должны решаться «на основе закона, в соответствии с социалистическим правосознанием и высокими принципами коммунистической морали»⁵.

Обеспечение нравственных принципов в доказывании прежде всего зависит от того или иного понимания сущности профессиональной морали лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание. По данному вопросу в юридической литературе высказаны различные суждения, с одной стороны, отрицающие существование норм профессиональной морали⁶, а с другой — не только признающие их существование, но и наделяющие их особыми свойствами, в силу которых они якобы могут дополнять и даже ограничивать действие общих нравственных принципов⁷. И с тем и с другим

---

² Библиографию по проблемам судебной этики см. в кн.: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика. Воронеж, 1973, с. 227—270.

³ См.: Программа КПСС. М., 1974, с. 119.

⁴ См.: Правда, 1970, 1 сентября.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре». — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1973, М., 1974, с. 582. См. также: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. «О дальнейшем совершенствовании судебной деятельности по предупреждению преступлений». — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1977, № 1, с. 11—17.

⁶ См.: Проблемы судебной этики. Под ред. М. С. Строговича. М., 1974, с. 14—15.

⁷ См.: Ратинов А., Зархин Ю. Следственная этика. — «Соц. законность», 1970, № 10, с. 35.

суждением нельзя согласиться. О существовании норм профессиональной морали свидетельствует практический опыт профессиональной деятельности. Ф. Энгельс отмечал, что каждый класс и даже каждая профессия имеют свою собственную мораль⁸.

В социалистическом обществе сущность любой профессиональной морали определяется принципами морального кодекса строителя коммунизма, сформулированными в Программе КПСС. В. И. Ленин писал: «В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»⁹. Таким образом, для каждой профессиональной морали, в том числе и лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание, характерны общие и единые нормы, обязательные для всех членов социалистического общества.

Судебная этика призвана изучать преломление этих общих нравственных норм в специфических условиях судопроизводства. Но это не означает, что профессиональная деятельность лиц, осуществляющих судопроизводство, не знает норм профессиональной морали.

Всеобщий характер коммунистической морали не исключает необходимости учитывать ее требования к тем или иным видам профессиональной деятельности с учетом их особенностей. Это приобретает наибольшее значение для тех профессий, деятельность которых особо затрагивает интересы личности. Возможность «вторжения» во внутренний мир человека обуславливает необходимость определить для подобных профессий такие нормы морали, которые, с одной стороны, содействовали бы успешному осуществлению профессиональных функций, а с другой — обеспечивали бы охрану интересов личности. К представителям таких профессий и, в частности, к лицам, осуществляющим судопроизводство, общество предъявляет особые, повышенные нравственные требования. Этот и ряд других факторов определяют содержание норм той или иной профессиональной морали в сравнении с любой другой профессиональной моралью. Однако было бы ошибкой полагать, что для профессиональной морали юриста характерны нравственные нормы, которые не вытекают из общих моральных принципов и могут дополнять, развивать и

---

⁸ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 298—299.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.

даже ограничивать действия последних. Иногда в результате такого ошибочного толкования сущности профессиональной морали юриста рекомендуют приемы и способы доказывания, которые не согласуются с нравственными принципами. Так, например, иногда оправдывают действия следователя, который, допрашивая одного из подозреваемых в совершении преступления, обманно утверждает, что его соучастник во всем признался и рассказал о совершенном преступлении. Следователю удается склонить допрашиваемого к правдивым показаниям и признанию себя виновным, но то, что ему удалось таким путем установить истину, не оправдывает безнравственный характер действий следователя.

Решение вопроса о том, насколько допустимы подобного рода действия, зависит от того, как понимать сущность профессиональной морали. Если она состоит в применении общих норм морали в специфических условиях судопроизводства (а это так и есть), то очевидно, что подобные действия исключаются. Если же профессиональная мораль — это специфические нравственные нормы, которые не всегда вытекают из общих принципов морали, а порой и ограничивают их, то можно «оправдать» подобные действия, но это будет означать не что иное, как отрицание единых и общих нравственных принципов в уголовном судопроизводстве.

В развитом социалистическом обществе нормы профессиональной морали «...находятся в тесном единстве с общей моральной системой, они лишь в более конкретизированной форме (применительно к данной профессии) воплощают общие принципы и требования коммунистической морали»¹⁰.

Особенности профессиональной морали следует искать не в противопоставлении ее общим нравственным принципам, а в сравнении с иной профессиональной моралью, в плане специфики реализации общих нравственных принципов с учетом особенностей той или иной профессиональной деятельности.

Развитие судебной этики и обеспечение нравственных начал доказывания должно идти не в направлении поисков особых профессиональных нравственных норм, не вытекающих из общих моральных норм, а в направлении внедрения общих нравственных принципов в практику уголовно-про-

---

¹⁰ Марксистская этика. Под общ. ред. А. И. Титаренко. М., 1976, с. 252.

цессуального доказывания. Именно это должно содействовать повышению профессионального мастерства следователей, прокуроров, судей и адвокатов — лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание.

Роль судебной этики в уголовно-процессуальном доказывании определяется тем несомненным значением, которое имеют нравственные начала в уголовном судопроизводстве. Нравственные принципы влияют на моральное сознание лиц, осуществляющих доказывание, на моральный характер процессуальных действий и процессуальных отношений, связанных с доказыванием. Полное соответствие процессуальной деятельности и процессуальных отношений не только правовым, но и нравственным нормам обеспечивает успешное решение задач доказывания, содействует всестороннему, полному, объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, установлению истины, обоснованному привлечению виновных к уголовной ответственности, реабилитации невиновных.

Значение судебной этики в доказывании состоит в том, что она способствует более полному и широкому внедрению общих принципов морали в деятельность лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание; влияет на то, чтобы эта деятельность соответствовала принципам и нормам коммунистической морали.

Судебная этика призвана всесторонне раскрыть и показать нравственную сущность доказательственного права в советском уголовном процессе, и наряду с этим содействовать дальнейшему совершенствованию его норм с точки зрения требований коммунистической морали. Поэтому никак нельзя согласиться с тем, что «предметом судебной этики является не вообще нравственный аспект уголовного судопроизводства, а лишь те его элементы, которые не нашли закрепления в правовой норме»¹¹.

Значение судебной этики состоит и в том, что она влияет на расширение нравственных начал в применении правовых норм, в обеспечении социалистической законности при производстве следственных и судебных действий, содействует исполнению норм доказательственного права, особенно тех из

---

¹¹ Гомин В. Т. Этические аспекты взаимодействия органов внутренних дел с населением при раскрытии преступлений и расследования уголовных дел. — В кн.: *Этика предварительного следствия*. Волгоград, 1976, с. 111.

них, неисполнение которых не влечет каких-либо правовых последствий для лиц, уклоняющихся от выполнения предписаний правовой нормы.

Судебная этика влияет на характер отношений, возникающих между всеми участниками уголовно-процессуального доказывания, в основе которых всегда должны лежать правовые и нравственные нормы.

Особое значение приобретает судебная этика в решении вопроса о взаимоотношении общественных и личных интересов в уголовном судопроизводстве. Единство общественных и личных интересов, интересов борьбы с преступностью и охраны прав личности, прежде всего обвиняемого, требует последовательного проведения в ходе уголовно-процессуального доказывания принципов коммунистической морали: гуманизма, справедливости и т. д. Но в процессе доказывания события преступления, вины человека между общественными и личными интересами иногда возникают острые конфликтные ситуации. В преодолении их большую роль играют нравственные начала.

Важное значение судебная этика приобретает как наука о моральных ценностях в уголовном судопроизводстве. Перед ней иногда, правда, ставят сложную задачу — создать шкалу, в которой нравственные ценности были бы расположены с учетом их социальной значимости. Вряд ли такое возможно, поскольку нельзя заранее по формальным признакам предопределить социальное значение тех или иных моральных ценностей. Их соотношение и значение могут меняться в конкретных ситуациях. Только в конкретных ситуациях в ходе уголовно-процессуального доказывания можно решить, какая моральная ценность важнее. Ориентиром в решении этих вопросов и являются нравственные принципы.

Значение судебной этики в том, что она влияет на формирование нравственного сознания следователя, прокурора, судьи, адвоката, на формирование у них профессионально необходимых нравственных черт, на развитие чувства профессионального нравственного долга. Еще А. Ф. Кони, отмечая это, писал, что «как бы хороши ни были правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках»¹².

---

¹² Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми т., т. 4, с. 34.

Требования профессиональной морали юриста на первый взгляд могут показаться простыми и ясными: не пренебрегать истиной, быть справедливым, честным, чутким, внимательным и т. д. Следовательно, прокурор, судья, адвокат с небольшим житейским и профессиональным опытом, не попадавший в сложные ситуации при расследовании и рассмотрении уголовных дел может отнестись к этим заповедям как к элементарным, соблюдать которые несложно. Жизнь свидетельствует, что все это гораздо сложнее, чем кажется. Вот почему, например, Верховному Суду СССР иногда приходится отменять приговоры, постановленные вопреки внутреннему убеждению судей, при сомнениях в их беспристрастности¹³.

Значение судебной этики, профессиональной морали состоит в том, что они влияют на развитие у лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание, такой зрелости нравственных качеств, которая в любых сложных ситуациях, при самых неблагоприятных обстоятельствах нейтрализовала бы возможность поступить не должным образом против истины и справедливости.

§ 2. Значение нравственных принципов в доказывании

Нравственные принципы морального кодекса строителя коммунизма находят свое непосредственное проявление в советском уголовном судопроизводстве как в его принципах (основных началах), в отдельных нормах, так и в процессуальной деятельности, процессуальных отношениях, направленных на установление истины по конкретному уголовному делу. Разумеется, некоторые из этих принципов более ярко, конкретно и прямо отражены в нормах доказательственного права и в деятельности по доказыванию, другие менее конкретно, более опосредствованно.

1. В. И. Ленин в речи на III съезде комсомола говорил: «...Нравственность — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидającego новое общество

¹³ См.: Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938—1969. М., 1971, с. 385.

коммунистов»¹⁴. Из этого ленинского определения сущности коммунистической морали вытекает ее основополагающий принцип — преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине и странам социализма. Где бы ни работал советский человек — преданность делу коммунизма составляет основу его деятельности. Принцип этот наполняет глубоким нравственным содержанием и профессиональную деятельность следователя, прокурора, судьи, адвоката, направленную на выполнение поставленной Программой КПСС задачи «...обеспечить строгое соблюдение социалистической законности, искоренение всяких нарушений правопорядка, ликвидацию преступности, устранение всех причин, ее порождающих»¹⁵.

С данным принципом теснейшим образом связан и другой принцип морального кодекса строителя коммунизма — высокое сознание общественного долга.

Категория долга — одна из основных категорий этики, она выражает нравственную обязанность личности по отношению к обществу и отдельным лицам. Долг следователя, прокурора, судьи, адвоката является разновидностью общественного долга, специфика которого вытекает как из особенностей профессиональной деятельности юриста, так и особенностей процессуальных функций, осуществляемых следователем, судьей, прокурором, адвокатом. Так, например, моральный долг судьи представляет собой осознанную в качестве нравственной необходимости совокупность обязанностей по исследованию доказательств в уголовном деле и принятию решения о виновности или невиновности обвиняемого и его ответственности. Нравственный долг адвоката-защитника — в защите обвиняемого, в опровержении необоснованного обвинения, в установлении невиновности обвиняемого или обстоятельств, смягчающих его ответственность.

В содержание морального долга лиц, осуществляющих доказывание, входят и обязанности, обусловленные спецификой всей процессуальной деятельности в целом, а не только исполнением отдельных процессуальных функций. В качестве такого служебного долга прежде всего необходимо рассматривать обязанность всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела, стремиться к установлению истины в каждом случае.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 311.

¹⁵ Программа КПСС, с. 106.

Высокое сознание общественного долга проявляется и в таком принципе морального кодекса строителя коммунизма как добросовестный труд на благо общества. Критерием добросовестной деятельности следователя, прокурора, судьи, адвоката является ее полное соответствие правовым и нравственным требованиям. Добросовестность состоит в обязанности ответственно, самостоятельно, независимо от каких-либо влияний принимать все меры для успешного решения задач судопроизводства и, в частности, задач доказывания. Такое отношение к своему профессиональному долгу обязывает скрупулезно, с максимальным вниманием изучать материалы уголовного дела, проверять все возможные версии, продуманно проводить каждое следственное и судебное действие, анализировать каждый факт, каждый штрих в показаниях, взвешивать все «за» и «против», тщательно исследовать все доказательства.

2. Высокое сознание общественного долга и добросовестный труд лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание, заключается в самостоятельном и независимом решении ими всех вопросов, связанных с процессуальным доказыванием.

Особое значение для успешного решения задач уголовного судопроизводства имеет конституционный принцип независимости судей (ст. 155 Конституции СССР). Рассматривая его с точки зрения нравственных начал, следует иметь в виду, что его суть состоит не только в исключении каких-либо влияний на судей с целью склонить их к вынесению того или иного решения по конкретному делу, но и в определенных нравственных качествах судьи, которые дают ему возможность противостоять любому такому влиянию. Воспитание таких качеств у судей является основной гарантией их независимости. Какими бы совершенными не были иные, объективные гарантии этой независимости, они будут иметь ничтожное значение, если нравственные устои судьи позволяют ему оценивать доказательства и принимать решения не по совести и внутреннему убеждению, а в угоду тому или иному влиянию.

Независимость в процессуальной позиции, в оценке доказательств по уголовному делу является показателем добросовестной деятельности не только судьи, а и следователя, прокурора, адвоката. Только те их действия и решения, которые полностью соответствуют их совести и внутреннему

убеждению, будут свидетельствовать о добросовестном исполнении ими своих профессиональных обязанностей.

Независимость, добросовестность в деятельности лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание, выражается, в частности, в оценке доказательств по внутреннему убеждению. Сущность этого правила доказывания рассмотрена раньше, сейчас следует отметить его нравственный аспект. Внутреннее убеждение является нравственно-психологической гарантией правильной оценки доказательств и обоснованности результатов доказывания. Его необходимо рассматривать как одно из проявлений всех качеств лиц, осуществляющих доказывание: их мировоззрения, политических и правовых взглядов, а также их нравственного сознания. Процесс оценки доказательств по внутреннему убеждению характеризуется такими безусловно нравственными признаками, как свобода, самостоятельность и независимость в оценке доказательств. Их следует, разумеется, понимать как уверенность в правильности выводов, опирающихся на всесторонне, полно и объективно рассмотренные доказательства в их совокупности, а не как произвол в оценке доказательств. Способность к всестороннему, полному и объективному исследованию доказательств, а также способность к самостоятельной и независимой их оценке по своему внутреннему убеждению следует отнести к таким личным качествам должностных лиц, занимающихся уголовно-процессуальным доказыванием, которые имеют первостепенное значение в их работе.

В. И. Ленин считал важным личным качеством работников государственного аппарата то, что «...они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести...»¹⁶. Это, несомненно, относится и к должностным лицам, осуществляющим судопроизводство.

С самостоятельностью и независимостью лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание, связана нравственная проблема влияния на судопроизводство общественного мнения и печати как формы его выражения.

Общественное мнение играет основную роль в развитии и укреплении принципов коммунистической морали во всех сферах общественной и государственной деятельности, в том числе и в уголовном судопроизводстве. Взаимосвязь общественного мнения, печати и уголовного судопроизводства весь-

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 391.

ма сложная, но их положительное влияние друг на друга очевидно, так как оно направлено на борьбу с преступностью, укрепление социалистической законности, защиту прав и законных интересов личности.

В. И. Ленин придавал особое значение общественному мнению, и в частности печати, в вопросах борьбы с преступностью и совершенствования судебной деятельности¹⁷.

Положительное влияние общественного мнения и печати на уголовное судопроизводство заключается в том, что они содействуют всестороннему, полному и объективному исследованию материалов дела, информируя об определенных обстоятельствах, проверить и учесть которые является служебным и нравственным долгом следователя, прокурора, судьи. В печати неоднократно отмечалось, что благодаря общественному мнению удалось раскрыть преступление, исправить судебную ошибку, защитить права и законные интересы человека.

Общественное мнение, печать являются сильным фактором, обеспечивающим развитие таких нравственных принципов, как высокое сознание общественного долга, добросовестный труд и др. Стоит следователю, прокурору, судье отклониться от требований законности или нравственности, как на это немедленно реагирует общественное мнение, печать, и в этом их несомненная польза. «К сожалению, — говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — встречаются еще работники, недооценивающие общественное значение прессы»¹⁸. Так, иногда полагают, что общественное мнение и печать нарушают независимость лиц, осуществляющих судопроизводство, мешают объективному, беспристрастному исследованию доказательств, и поэтому даже предлагают ограничить освещение в печати судебных дел. Независимость судей, прокуроров и следователей в осуществлении ими профессионального долга не в том, чтобы «уберечь» их от общественного мнения и печати как формы его выражения. Их независимость — в их нравственном сознании, не позволяющем оценивать доказательства и решать дело не по совести и внутреннему убеждению, а в угоду тому или иному влиянию. И если они легко поддаются постороннему влиянию, мнению, высказанному в печати, если руководствуются не до-

¹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 405—408; т. 36, с. 147, 282; т. 44, с. 354.

¹⁸ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 78.

казательствами, а заметкой в газете, то причину такой их необъективности и беспринципности исследования доказательств нужно прежде всего видеть в изъянах их нравственного сознания, а не в общественном мнении и печати.

Учитывать в ходе уголовно-процессуального доказывания общественное мнение и выступления печати — это значит внимательно проверять ту информацию, которая от них исходит, и правильно на нее реагировать с точки зрения задач судопроизводства, а не решать дело, исходя лишь из этой информации, забывая о доказательствах и всех прочих материалах дела.

На практике бывают случаи неудачных выступлений газет, которые искажают факты, допускают необоснованные обвинения лиц, иногда под видом общественного мнения вокруг уголовного дела разжигаются «общественные страсти», но должностным лицам, осуществляющим судопроизводство, необходимо уметь в этом разбираться и отличать общественное мнение от «общественных страстей», правильно использовать информацию печати. Соответствующую обязанность должностных лиц, осуществляющих судопроизводство, определил Пленум Верховного Суда СССР. Отметив, что при рассмотрении уголовных дел «...не всегда внимательно проверяются выступления печати, иногда они остаются без надлежащего реагирования, либо наоборот, неправильно рассматриваются как основание для вынесения приговора или его отмены и изменения», Пленум Верховного Суда СССР обязал судей более внимательно относиться к сообщениям печати, тщательно их проверять и принимать меры к восстановлению законности¹⁹.

3. С правосудием теснейшим образом связана этическая категория справедливости. Непримируемость к несправедливости является нравственным принципом морального кодекса строителя коммунизма. Для уголовного судопроизводства он имеет особое значение. В уголовном процессе, какой бы вопрос ни решался, от следователя, прокурора, судьи всегда ждут главного и основного — справедливости.

В уголовном судопроизводстве справедливость рассматривается прежде всего как соотношение между преступлением и наказанием. Ст. 2 УПК предусматривает в качестве одной из задач уголовного судопроизводства справедливое наказание каждого совершившего преступление. Но этим не огра-

¹⁹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, с. 283,

ничивается действие данного принципа в уголовном процессе. Справедливость необходимо рассматривать как свойство, обязательное для всех решений в уголовном процессе. Справедливыми должны быть решения о прекращении дела, о направлении дела для дополнительного расследования, частные определения суда, представления следователей и т. д. В основе справедливости всех этих решений прежде всего лежат их истинность и обоснованность, успешно проведенное уголовно-процессуальное доказывание.

Между тем, как свидетельствует судебно-следственная практика, несправедливые приговоры, определения судов, постановления следователей и прокуроров иногда еще встречаются. Главная причина этого кроется в недостатках доказывания, в его односторонности, неполноте, необъективности. Несправедливость нередко проявляется и в том, что оправдательные приговоры, частные определения суда, постановления следователей о прекращении дела содержат такие формулировки, которые порождают сомнения в невиновности реабилитированных лиц и свидетельствуют лишь о том, что в ходе уголовно-процессуального доказывания якобы не удалось доказать вину тех или иных лиц, поэтому и приходится их реабилитировать. Такие решения нельзя расценивать иначе, как нарушение процессуального закона и несправедливость по отношению к реабилитированным лицам.

С точки зрения справедливости должны расцениваться не только решения лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание, но и все процессуальные отношения, складывающиеся в ходе доказывания. Каждое действие следователя, прокурора, судьи и адвоката, их обращение к любому участнику процесса и тем более к обвиняемому должны свидетельствовать о том, что для них превыше всего справедливость.

Требования справедливости относятся также и к судебным прениям, играющим важную роль в доказывании. Их участники должны быть справедливы в своих суждениях. Разумеется, обвинитель и защитник оценивают доказательства по делу, исходя из своего назначения в процессе, но выполнение ими специфических профессиональных обязанностей и противоположных процессуальных функций не должно лишать обвинителя и защитника общего для них высококонравственного сознания справедливости по отношению к обвиняемому и другим участникам процесса. Но, к сожалению, порой как речи обвинителей, так и речи защитников страдают не-

объективной, несправедливой характеристикой подсудимого, потерпевшего и других лиц. Прокурор порой обходит молчанием доказательства, которые не укладываются в обвинительный тезис, или неверно их толкует, при наличии всех оснований отказаться от обвинения продолжает его поддерживать. Необъективность со стороны некоторых адвокатов заключается не только в стремлении во что бы то ни стало «защитить» подсудимого от правосудия, но и в таких заявлениях, которые унижают честь и достоинство личности, изображают обвиняемого глупым, нерассудительным человеком, безвольной жертвой сложившихся обстоятельств и т. п.

Рассматривая значение нравственной категории справедливости для уголовно-процессуального доказывания, необходимо отметить еще и следующее. Справедливость проявляется в равенстве прав участников судебного разбирательства по участию в доказывании; в том, что обвинитель, защитник, подсудимый, потерпевший и другие лица пользуются равными правами по представлению доказательств, участию в исследовании доказательств и заявлению ходатайств (ст. 245 УПК). Обеспечение в судопроизводстве сторонам обвинения и защиты равных возможностей по участию в доказывании является конкретным проявлением нравственного принципа справедливости, условием, влияющим на всестороннее исследование всех обстоятельств дела и установление истины.

4. Важнейшим принципом коммунистической морали является гуманизм. По определению К. Маркса, «коммунизм — гуманизм, опосредствованный с самим собой путем снятия частной собственности»²⁰. Лишь в социалистическом обществе создаются экономические условия для всеобщего гуманизма. Гуманистическая суть развитого социалистического общества состоит в том, что законом жизни его, как это выражено в Конституции СССР, «...является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех»²¹. Развивая идеи гуманизма, новая Конституция СССР установила, что «уважение личности, охрана прав и свобод граждан — обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц» (ст. 57 Конституции СССР), что «личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом» (ст. 56 Конституции СССР).

²⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 169.

²¹ Конституция СССР. М., 1977, с. 5.

Конституция СССР расширила систему основных прав и свобод советских граждан, предусмотрев также, что осуществление прав неотделимо от исполнения гражданских обязанностей.

«Нужно, чтобы каждый советский человек ясно сознавал, что главная гарантия его прав в конечном счете — это мощь и процветание Родины, — говорил Л. И. Брежнев, — а для этого каждый гражданин должен чувствовать свою ответственность перед обществом, добросовестно выполнять свой долг перед государством, перед народом»²².

Гуманизм пронизывает все сферы общественных отношений в социалистическом обществе. Несомненно его значение и для уголовного судопроизводства, где гуманизм проявляется в защите общества от преступления, в охране прав и законных интересов личности, в защите невиновного от осуждения, в справедливом осуждении виновного, в его исправлении и перевоспитании. Проявлением гуманизма в уголовном судопроизводстве явились Указы Президиума Верховного Совета СССР от 8 и 15 февраля 1977 г., расширившие основания освобождения от уголовной ответственности, применения вместо наказания иных мер воздействия, отсрочки исполнения приговора, досрочного освобождения от наказания²³.

В уголовном судопроизводстве гуманизм проявляется не только в наказании. Лица, осуществляющие судопроизводство, наделены большими властными полномочиями, их осуществление всегда должно быть проникнуто гуманным отношением к людям, на которых распространяется эта власть. Процессуальные действия следователя, прокурора, судьи и адвоката должны быть гуманны в своей основе и продиктованы заботой о правах и интересах личности. Это является необходимым условием объективности доказывания и гарантирует от ошибок в установлении истины. Практика уголовно-процессуального доказывания свидетельствует о том, что обвинительный уклон, бездушие, черствость, подозрительность, недоверие к людям, приводящие нередко к ошибкам в доказывании, являются проявлением глубоко ошибочного мнения о том, что гуманное отношение между людьми, как принцип коммунистической морали, невозможно в отношениях с лицами, обвиняемыми в совершении преступлений.

²² «Коммунист», 1977, № 8, с. 39.

²³ См.: «Ведомости Верховного Совета СССР», 1977, № 7, ст. 116—120; № 8, ст. 137, 138.

К. Маркс утверждал, что государство должно видеть в совершившем преступление «...нечто большее, чем правонарушителя... <...> Государство должно видеть и в нарушителе... человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать родину, свидетеля, к голосу которого должен прислушиваться суд, члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование которого священо, и, наконец, самое главное — гражданина государства»²⁴.

Преступление, отрицательное поведение не могут не вызвать гнев и осуждение, но они должны быть справедливы и в своей основе покоиться на уважении к человеку. Примером этого является отношение В. И. Ленина к людям. Непримируемый к врагам трудящихся, он вместе с тем всегда был справедлив и внимателен к человеку²⁵.

О значении гуманизма в профессиональной деятельности лиц, занимающихся расследованием преступлений, очень хорошо сказал Ф. Э. Дзержинский, обращаясь к чекистам: «Кто из Вас очерствел, чье сердце уже не может чутко и внимательно относиться к терпящим заключение, те уходите из этого учреждения. Тут больше, чем где бы то ни было надо иметь доброе и чуткое к страданиям других сердце»²⁶. Только при условии, если нравственное сознание следователя, а также прокурора, судьи соответствует этим требованиям гуманизма, они могут успешно осуществлять уголовно-процессуальное доказывание.

Значение гуманизма для профессиональной деятельности судьи отмечал А. Ф. Кони. Он высоко ценил у судей умение находить «душу живую» под самой грубой, мрачной, обезображенной формой»²⁷.

Гуманное, глубоко человеческое отношение к обвиняемому, потерпевшему и другим участникам процесса должно проявляться в каждом действии, в каждом решении следователя, прокурора, судьи, в их уважительном, культурном, корректном обращении ко всем участникам процесса.

В советском уголовном процессе гуманизм тактических приемов доказывания имеет особое значение. Многие уголовно-процессуальные нормы, предусматривая гарантии ох-

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 132.

²⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 201; т. 50, с. 153—154, 214—216, 244, 257, 318; т. 51, с. 154.

²⁶ Дзержинская С. В годы великих боев. М., 1969, с. 306.

²⁷ Кони А. Ф. Собр. соч. в 8-ми т., т. 6, с. 410.

раны моральных ценностей личности, четко определяют поведение следователя, прокурора, судьи (например, запрещение домогаться показаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер — ст. 20 УПК). Но это касается лишь тех действий лиц, осуществляющих доказывание, которые явно и при любых условиях противоречат морали. Закон не в состоянии, да это и не требуется, предусмотреть все в тактических приемах доказывания. Поэтому так велико значение нравственных принципов в осуществлении уголовно-процессуального доказывания.

5. Все принципы морального кодекса строителя коммунизма влияют на формирование нравственного сознания следователя, прокурора, судьи, адвоката — важного условия их профессиональной деятельности.

Для того чтобы успешно осуществлять уголовно-процессуальное доказывание, следователи, прокуроры, судьи и адвокаты должны обладать определенными морально-политическими качествами. Среди этих качеств прежде всего следует назвать коммунистическую идейность. «Коммунистическая идейность, — говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — это сплав знаний, убеждения и практического действия»²⁸. Она влияет на формирование нравственного сознания следователя, прокурора, судьи, адвоката, препятствует развитию у них отрицательных моральных качеств, таких, как беспринципность, безынициативность, угодничество, бюрократизм. Успешно решать задачи уголовно-процессуального доказывания могут лишь лица, для которых характерны: глубокое уважение к закону, верность его букве и духу, честность и неподкупность, самостоятельность в суждениях, способность противостоять постороннему влиянию, правдивость, скромность и самокритичность, требовательность к себе и людям, трудолюбие, целеустремленность в своей профессиональной деятельности.

Трудно найти другую профессию, кроме профессии лиц, осуществляющих судопроизводство, где бы ежедневно приходилось сталкиваться с таким обилием самых разнообразных жизненных ситуаций, явлений, действий, мотивов, причин, характеров людей. И во всем этом многообразии лица, осуществляющие доказывание, обязаны разбираться всесторонне, объективно, полно и быстро.

Поиск истины — процесс творческий и для овладения высотами своего профессионального мастерства следователю,

²⁸ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 76.

прокурору, судье, адвокату необходимы такие качества, как воля, решительность и настойчивость в достижении цели доказывания, а также чуткость, отзывчивость, внимание, умение понять внутренний мир человека, способность найти в ходе уголовно-процессуального доказывания наиболее целесообразные приемы работы в каждом конкретном случае: и тогда, когда они имеют дело с особо опасным рецидивистом, и когда перед ними случайно провинившийся человек.

Следователю, прокурору, судье, адвокату иногда советуют забыть об эмоциях, полагая, что бесстрастный взгляд на события по уголовному делу обеспечивает желаемую объективность и более успешное познание истины. Неверно и нереально. В. И. Ленин утверждал, что «... без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*»²⁹.

Лица, занимающиеся уголовно-процессуальным доказыванием, не могут быть освобождены своей должностью от эмоциональных переживаний. Анализ материалов уголовного дела, естественно, вызывает у них чувства осуждения или одобрения, симпатии или антипатии и т. д. Вместе с тем очень важно, чтобы эмоции — симпатии и антипатии, гнев, сочувствие и иные переживания не стали бы препятствием для всестороннего, полного и объективного исследования доказательств, базой всякого рода предубеждения против тех или иных лиц. Следователь, прокурор, судья, адвокат должны уметь управлять своими эмоциями, подчинять свои чувства и переживания всестороннему, полному и объективному исследованию доказательств, быть максимально собранными, спокойными, выдержанными в установлении истины и достижении задач судопроизводства. Способность следовать этим нравственным требованиям является важным моральным качеством лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание, условием достижения цели доказывания.

Деятельность по осуществлению судопроизводства направлена на решение высоконравственных гуманных задач и поэтому способствует развитию и укреплению профессионально необходимых моральных качеств. Но она имеет и такие особенности, которые в определенных условиях могут привести к нежелательным изменениям в нравственном сознании следователя, прокурора, судьи и адвоката. В таких случаях говорят о профессиональной деформации личности. Профес-

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 112.

сиональная деформация является серьезной помехой в осуществлении уголовно-процессуального доказывания.

Следователь, прокурор, судья обладают широкими властными полномочиями, но неумение пользоваться ими может породить злоупотребление властью. Независимость следователей, прокуроров, судей в оценке доказательств, ограниченные возможности критики их профессиональной деятельности могут привести к снижению самоконтроля и самокритичности, к уверенности в своей непогрешимости и безошибочности решений.

«Нормативный» характер процессуальной деятельности при определенных условиях может породить формализм в работе, привычку действовать по шаблону, «прикрываясь» при этом той или иной правовой нормой.

Возможный дефицит времени, перегрузки в работе могут приводить к торопливости в доказывании, неорганизованности, недисциплинированности, к правовому нигилизму, когда следователь, прокурор, судья начинают считать процессуальную форму доказывания обременительной формальностью.

Правильное понимание корпоративности в работе лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное доказывание, способствует улучшению их профессиональной деятельности, но корпоративность может вызвать и нежелательные явления: защиту чести мундира, «интересов» корпорации в ущерб установлению истины по делу. С такими фактами мы встречаемся в тех случаях, когда, например, следователь, обоснованно получив дело для дополнительного сбора доказательств, не признает и не исправляет своих ошибок, а добивается опротестования определения суда; прокурор, исходя из тех же корпоративных интересов (он утверждал обвинительное заключение, выступал в качестве государственного обвинителя), подает протест на законное и обоснованное определение суда.

Очень опасным для уголовно-процессуального доказывания видом профессиональной деформации следователя, а также прокурора и судьи следует считать их подозрительность, которая может появиться в результате каждодневного столкновения с преступлениями и преступниками. Нужно обладать значительным моральным запасом прочности веры в человека, чтобы предупредить развитие подозрительности в отношении всех и каждого. Подозрительность неизбежно ведет к предвзятости, тенденциозности, к обвинительному уклону в доказывании. В сочетании с безапелляционностью, самоуверенностью в профессиональной проницательности и в своем про-

фессиональном чутье подозрительность может приводить к грубым ошибкам в доказывании.

Отрицательное влияние на уголовно-процессуальное доказывание оказывают и такие признаки профессиональной деформации следователя, прокурора, судьи и адвоката как равнодушие к людям, безразличие к их судьбам и переживаниям. Они могут появиться в результате частого наблюдения страданий и переживаний лиц, имеющих то или иное отношение к преступлению, в результате привыкания к ним.

О возможности появления профессиональной деформации у лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, и необходимости всестороннего изучения ее причин в целях ее предупреждения и искоренения писали многие авторы³⁰. Наряду с этим есть и мнение, что концепция «профессиональной деформации» теоретически несостоятельна и практически вредна³¹. Чем же это обосновывают? Так С. Г. Новиков пишет: «Сторонники концепции «деформации», видимо, упускают из виду, что не прокуроры, судьи и следователи подвергаются деформации, а, напротив, они ведут борьбу — и в этом их обязанность перед государством и законом — с теми, чье правовое и нравственное сознание деформировалось»³². Последнее верно, но это совершенно не исключает возможности нравственной профессиональной деформации отдельных следователей, прокуроров, судей и адвокатов. Далее С. Г. Новиков утверждает, что концепция «деформации» носит характер умозрительных рассуждений и «не основана на объективном анализе деятельности судебных, следственных и прокурорских органов, адвокатуры»³³. Это неверно. Конкретно-социологические исследования по проблемам судебной этики³⁴, практический опыт свидетельствуют о реальности явлений профессиональной деформации.

Вред концепции «деформации» С. Г. Новиков видит в том, что она якобы «оправдывает случаи ошибок... допус-

---

³⁰ См., например: Алексеев С. С. Введение в юридическую специальность. М., 1976, с. 101—102, 161; Проблемы судебной этики. Под ред. М. С. Строговича. М., 1974, с. 163; Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика. Воронеж, 1973, с. 50—55.

³¹ См.: Новиков С. Г. Прокурорская система в СССР. М., 1977, с. 142—144.

³² Там же, с. 143.

³³ Там же.

³⁴ См., например: Этика предварительного следствия. Волгоград, 1976, с. 3, 39, 86 и др.

каемые отдельными недобросовестными следователями, судьями, прокурорами», так как исходит из объективной обусловленности, неизбежности, неотвратимости ошибок в их работе³⁵. Прежде всего, если бы профессиональная деформация была бы объективно обусловлена, то ее закономерности тем более следовало бы изучать. Но она не наступает фатально, неизбежно и ни в какой мере не оправдывает ошибки в профессиональной деятельности лиц, осуществляющих доказывание.

С. Г. Новиков полагает, что концепция «деформации» «не указывает реальных путей устранения ошибок в судебной и прокурорской работе» и не учитывает, что «многолетний опыт, квалификация повышают ценность специалиста»³⁶. В последнем никто не сомневается, но это общее положение не исключает частных проявлений нравственной профессиональной деформации у отдельных лиц, несмотря на их большой стаж работы. Зависит это от уровня нравственного и правового сознания. Поэтому совершенствование нравственного воспитания с учетом особенностей профессиональной деятельности следователей, судей, прокуроров и адвокатов является средством предупреждения у них профессиональной деформации и связанных с ней недостатков в работе.

Отрицание профессиональной деформации можно объяснить лишь нежеланием увидеть реальную действительность, недостатки в профессиональной деятельности лиц, осуществляющих судопроизводство. Ошибочность такой позиции может привести лишь к отрицательным последствиям, так как отказавшись от изучения всех возможных причин изъянов в нравственном сознании должностных лиц, осуществляющих судопроизводство, невозможно эффективно влиять на их предупреждение и искоренение.

Уголовно-процессуальное доказывание связано со значительными трудностями познавательного характера и сопутствующими им эмоциональными перегрузками; все это требует от лиц, осуществляющих доказывание, большого напряжения душевных сил. Окажут те или иные особенности процессуальной деятельности деформационное влияние на следователя, прокурора, судью или адвоката зависит от наличия или отсутствия у них стойких моральных, волевых качеств. Развитие этих качеств, воспитание нравственного сознания у сле-

³⁵ См.: Новиков С. Г. Указ. соч., с. 143, 144.

³⁶ Там же.

дователей, прокуроров, судей и адвокатов является основным условием предупреждения профессиональной деформации, обеспечения нравственных начал в ходе уголовно-процессуального доказывания и успешного решения его задач.

§ 3. Нравственные отношения участников уголовно-процессуального доказывания

Уголовно-процессуальное доказывание протекает в форме процессуальных, правовых отношений, но не ограничивается лишь ими. Участники уголовно-процессуального доказывания, наряду с правовыми, вступают и в иные, в частности, нравственные отношения. Это заключается не только в том, что правовые отношения характеризуются нравственным содержанием, но и в том, что нравственные отношения существуют именно наряду с правовыми отношениями, как бы дополняя их в ходе уголовно-процессуального доказывания. Так, например, закон, регулируя порядок допроса в уголовном судопроизводстве, устанавливает, кто и в каких случаях может быть допрошен, и некоторые общие правила допроса. Но этим не исчерпываются отношения участников допроса. Как задать вопрос, чтобы не отступить от нравственных требований, не допустить нравственно неоправданного воздействия на человека, — это уже область моральных отношений.

Взаимосвязь правовых и нравственных отношений в уголовном судопроизводстве определяется общей взаимосвязью права и морали. Для нее характерно постоянное развитие и совершенствование норм доказательственного права с точки зрения их нравственного содержания и расширение сферы действия морального фактора в ходе уголовно-процессуального доказывания.

Нравственный характер отношений участников уголовно-процессуального доказывания предопределен отражением в принципах процесса и конкретных нормах доказательственного права нравственных начал. Глубоко нравственными и психологически обоснованными являются правила отвода должностных лиц, осуществляющих доказывание (ст. ст. 23, 59—67 УПК). Действительно, участие, например, следователя в доказывании, если он является родственником потерпевшего, обвиняемого или некоторых других лиц — участников

процесса, если он лично, прямо или косвенно заинтересован в деле, будет не только незаконным, но и безнравственным.

Высоконравственными являются и такие требования закона, имеющие отношение к уголовно-процессуальному доказыванию, как например, обязанность удовлетворить ходатайства, имеющие значение для дела (ст. 131 УПК); обязанность следователя принять меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные при обыске обстоятельства интимной жизни тех или иных лиц (ст. 170 УПК); правило о производстве личного обыска только лицом одного пола с обыскиваемым и в присутствии понятых того же пола (ст. 172 УПК); запрещение следователю присутствовать при освидетельствовании лиц другого пола, если освидетельствование сопровождается их обнажением (ст. 181 УПК); допустимость производства следственного эксперимента только при условии, если при этом не унижается достоинство и честь участвующих в нем лиц и не создается опасность для их здоровья (ст. 183 УПК), и многие другие.

Расширение нравственных отношений в уголовно-процессуальном доказывании проявляется в том, что в процессуальном законодательстве увеличивается число норм, имеющих характер нравственных требований. Некоторые в прошлом нравственные нормы в действующем процессуальном законе стали правовыми. Так, обязанность председательствующего в ходе совещаний судей при постановлении приговора высказать свое мнение последним из нравственного долга стала правовой обязанностью (ст. 306 УПК). Значение этой нормы для повышения эффективности участия народных заседателей в доказывании несомненно.

Развитию нравственных отношений в уголовном судопроизводстве содействует также то, что исполнение некоторых норм доказательственного права обеспечивается не правовыми санкциями, государственным принуждением, а нравственным воздействием. К числу таких правовых норм, в основе исполнения которых лежат нравственные начала, можно отнести нормы: об освидетельствовании (ст. 181 УПК); о получении образцов для сравнительного исследования (ст. 186 УПК); об обязанности председательствующего при совещании судей подавать свой голос последним (ст. 306 УПК) и др. Так, например, закон не предусматривает применение каких-либо мер правового принуждения в отношении лица, не желающего подвергаться освидетельствованию, следователю

в таких случаях может помочь лишь применение средств нравственного воздействия.

Основой правовых и нравственных отношений в ходе уголовно-процессуального доказывания является социалистическая законность. Обеспечение законности в деятельности должностных лиц, призванных бороться за ее соблюдение, имеет особое, принципиальное значение. Между тем отступление от требований процессуального закона, к сожалению, можно еще иногда наблюдать в ходе уголовно-процессуального доказывания. Причем иногда это пытаются оправдать даже нравственными соображениями, например, тем, что закон устарел, что он устанавливает излишне формальные правила доказывания, что иной, а не предусмотренный законом способ действия, вытекает из целесообразности нравственного долга. Подобные суждения не имеют ничего общего с нравственными принципами. Нравственный долг — исполнять закон — определяется не только тем, что законы отражают нормы морали, а прежде всего высоконравственной сущностью принципа социалистической законности, его значением в укреплении правопорядка. Особая роль в обеспечении законности в ходе уголовно-процессуального доказывания принадлежит культуре и нравственному сознанию следователя, прокурора, судьи и адвоката.

Обеспечение законности не решает еще всей проблемы должной взаимосвязи правовых и нравственных отношений участников уголовно-процессуального доказывания. Она должна характеризоваться также полным соответствием всех процессуальных действий и отношений нравственным принципам и нормам. Между тем в ходе уголовно-процессуального доказывания некоторые процессуальные действия, иногда формально согласованные с правовой нормой, могут не соответствовать нравственным принципам. Нравственная оценка процессуальных действий зависит не только от их соответствия той или иной процессуальной норме, но и от мотивов, по которым они совершаются, от цели, которую преследуют, от формы, в которой бывают выражены. Так, например, по делу об изнасиловании следователь считает необходимым провести освидетельствование потерпевшей, а она возражает, страдая от совершенного в отношении ее преступления и болезненно реагируя на каждое принуждение. Следует ли всегда проводить освидетельствование в таком случае? Его проведение не нарушит закона, но будет ли такое «принуж-

дение» всегда нравственно оправдано? С этим нельзя не считаться, решая как следует поступить в подобном случае.

Иногда в суде можно услышать как, например, свидетель излагает факты, которые он узнал, вскрыв чужое письмо, подслушав телефонный разговор, и т. п. Свидетель подробно рассказывает о том, что и каким образом он узнал в результате своего безнравственного поведения, а судьи и другие участники судебного заседания его внимательно слушают. В подобных случаях суду, вероятно, следует остановить свидетеля и обратить его внимание на безнравственный поступок. Познание истины возможно от этого усложнится, но правосудие не пострадает, а только выиграет. Используя законные и нравственные средства, следует найти иные источники доказательств, чтобы не прибегать к услугам подобного свидетеля.

То, что действия следователя и других лиц, осуществляющих доказывание, должны согласовываться с нормами права и нормами морали, отмечают все авторы, касающиеся этого вопроса, но, к сожалению, в некоторых работах можно обнаружить несоответствие между общими суждениями о значении морали для судопроизводства и суждениями по частным вопросам, связанным с конкретными рекомендациями для лиц, занимающихся доказыванием. Так, например, отметив, что «в судопроизводстве реализуются общезначимые для всех граждан нормы, а также профессиональные нормы нравственности», Е. Е. Подголин затем утверждает, что «в сложных моральных ситуациях, когда требуемое нравственностью «истинно» моральное поведение противоречит сформулированным в законе целям следствия и, значит, социальные условия жизни, условия следственной работы не вполне соответствуют таким моральным требованиям, при условии соблюдения закона, ради законной цели необходимо поступиться «чисто» моральной нормой»³⁷. Автор не объясняет, какие конкретно «сложные ситуации» он имеет в виду, но и без этого ясно, что такого рода рекомендации могут привести только к отрицательным последствиям.

Подобное несоответствие между суждениями по общим и частным вопросам особенно наблюдается в работах, посвященных анализу нравственной стороны тактических приемов доказывания, допустимости так называемых «следственных хитростей», «психологических ловушек» и т. п. Так,

³⁷ Подголин Е. Е. О целях и средствах их достижения в следственной работе. — В кн.: Этика предварительного следствия. Волгоград, 1976, с. 44, 48.

Л. М. Карнеева правильно пишет, что, «применяя в рамках закона тот или иной тактический прием, следует его соразмерить с общими требованиями коммунистической морали, важнейшее требование которой — уважение к человеческому достоинству»³⁸, но затем, перейдя к характеристике нравственной допустимости конкретных тактических приемов, по существу отказывается от этого положения. Возражая авторам, которые под «следственными хитростями» понимают обычные тактические приемы, она пишет, что «...это уже не «хитрости», а обычные тактические приемы»³⁹. Что же по мнению Л. М. Карнеевой представляют собой «хитрости»? «На наш взгляд, «следственные хитрости...», — пишет она, — отличаются от обычных приемов тем, что цель их, в конечном счете, — поставить допрашиваемого в такое положение, когда он легче всего может проявить свою виновную осведомленность»⁴⁰. Значит, обычные приемы направлены на всестороннее исследование обстоятельств дела, на выявление как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого обстоятельств, а «следственные хитрости» лишь на то, чтобы «поймать» обвиняемого. Далее автор пишет, что «приемы типа «следственные хитрости» — крайняя мера», что «подобные приемы нужно применять с особой осторожностью», что «неумелое их использование может привести к отрицательным последствиям», что «применение таких приемов нарушает психологический контакт между следователем и допрашиваемым лицом, поэтому вначале лучше испытать иные приемы...»⁴¹. А может быть, эти сомнительные приемы лучше и потом не «испытывать»?

Если под следственными хитростями понимать те ухищрения, о которых пишет автор, то можно лишь согласиться с В. Г. Беляевым в том, что «следственная тактика, следственная опытность и мудрость гораздо честнее, культурнее и эффективнее «следственной хитрости», так же как деловая предприимчивость, инициатива, изобретательность советского хозяйственника ничего общего не имеют с деляческой хитростью и ловкачеством»⁴². Возражая против подобных «след-

---

³⁸ Карнеева Л. М. Судебная этика и тактика допроса. — В кн.: Этика предварительного следствия..., с. 61.

³⁹ Там же, с. 56.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, с. 58.

⁴² Беляев В. Г. Право, правосудие, этика. — В кн.: Юридическая ответственность в советском обществе. Волгоград, 1974, с. 184.

ственных хитростей», В. Г. Беляев обоснованно спрашивает: «А имеет ли допрашиваемый право на то, чтобы его допрашивали без «приемов», в обычном порядке, в умеренном темпе, чтобы допрос длился не больше, чем общепринято, чтобы атмосфера допроса была нормальной деловой атмосферой советского учреждения и т. п.»⁴³. Казалось бы, что на этот вопрос может последовать лишь один ответ, но есть, оказывается, и иное мнение. «Конечно, имеет, — отвечает Н. И. Кулагин, — если не пытается вводить в заблуждение следствие. Если не отказывается давать показания. Если честно выполняет свою роль перед советским правосудием. В этих условиях нет места для применения сложных приемов допроса...»⁴⁴. А если обвиняемый, по мнению следователя, дает неправдивые показания или отказывается давать показания, за что, кстати, согласно закону не несет никакой ответственности, значит нормальную деловую атмосферу допроса можно заменить «сложными приемами допроса»? Но если это уже не обычные, нормальные условия допроса, то не путь ли это к нарушению законности и нравственных принципов? Вопрос о том, насколько допустимы те или иные приемы допроса с точки зрения нравственных принципов, представляет определенную сложность⁴⁵. Приемы эти принято называть «следственными хитростями», «психологическими ловушками». Понятия эти представляются неудачными. Если следственные хитрости и психологические ловушки — это соответствующие правовым нормам, законам психологии и нравственным принципам тактические приемы допроса, направленные на получение необходимой информации от допрашиваемого, то, видно, и речь должна идти о тактических приемах, а не о каких-то «хитростях» и «ловушках» следователя. Если же «хитрости» и «ловушки» — это что-то другое, что позволяет обойти закон и не считаться с нравственными принципами ради получения необходимой информации, то им тем более не должно быть места в уголовном судопроизводстве.

---

⁴³ Там же, с. 182.

⁴⁴ Кулагин Н. И. Некоторые вопросы этики следователя в условиях конфликтной ситуации. — В кн.: Этика предварительного следствия. Волгоград, 1976, с. 89.

⁴⁵ См. по данному вопросу: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика, с. 98—117; Проблемы судебной этики. Под ред. М. С. Строговича, с. 16—20, 168—170; Этика предварительного следствия..., с. 63—76, 91—97, 153—157.

Тем не менее в качестве таких «хитростей» и «ловушек», «сложных приемов допроса» рекомендуют средства, которые противоречат нравственным принципам. Так, например, следователям и судьям рекомендуют прибегать к внезапным, неожиданным для допрашиваемого вопросам в расчете на то, что последний не сможет быстро сориентироваться и сообщит сведения, которые пытался утаить. Советуют не мешать допрашиваемому излагать ложные показания, а, дав ему выговориться, затем изобличить его во лжи. Предлагают отвлекать внимание допрашиваемого на второстепенные детали и, парализовав его «бдительность», на таком фоне вести допрос по основным обстоятельствам дела и т. д.⁴⁶ Прежде всего сомнительно, что такая «игра» с допрашиваемым поможет объективному установлению истины. Но дело не только в этом. Даже если бы подобные приемы содействовали установлению истины, их следовало бы признать недопустимыми с точки зрения нравственных принципов взаимоотношений людей, так как они свидетельствуют об отсутствии элементарного уважения к человеку. Не должно менять суть общих принципов нравственных отношений людей и то, что в уголовном судопроизводстве приходится допрашивать лиц, обвиняемых в совершении преступлений. Проявление во взаимоотношениях с обвиняемым общих нравственных принципов выражает гуманизм, справедливость, демократизм социалистического правосудия, способствует решению задач доказывания.

Характеризуя тактические приемы доказывания, их иногда рассматривают лишь как средства, призванные обеспечить «наиболее краткий путь и наименьшую затрату сил и средств при установлении истины»⁴⁷. В уголовном судопроизводстве далеко не все приемлемо, что быстро и с наименьшей затратой сил ведет к истине. Сообразуясь с требованиями закона и нравственными принципами, иногда необходимо выбирать и более сложный путь к истине, используя немалые силы и средства. Это оправдывается достижением высокогуманных задач социалистического правосудия.

---

⁴⁶ См., например: Ароцкер Л. Е. Тактика и этика судебного допроса. М., 1969, с. 43—44.

⁴⁷ Воробьев Г. Исследование доказательств в процессе судебного следствия. — «Советская юстиция», 1977, № 12, с. 20.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдеев М. М. 53
Агеева Г. Н. 245
Александров Н. Г. 113
Алексеев Н. С. 49, 61, 73, 92
Алексеев С. С. 21, 34, 235, 288
Альперт С. А. 97
Арниушкин Г. 167
Ароцкер Л. Е. 255, 296
Арсеньев В. Д. 3, 64, 71, 72, 80
81, 96, 169, 180, 184, 188,
190, 195, 203, 205, 209,
210, 222, 245, 247
Бабаев В. К. 237, 241
Бажанов М. И. 97
Базылев Б. Т. 234
Банни В. А. 70
Басков В. 180
Бекешко С. П. 164
Белкин Р. С. 3, 96, 200, 207,
210
Беляев В. Г. 294
Божьев В. П. 15
Брежнев Л. И. 4, 234, 235, 254,
279, 283, 285
Быховский И. Е. 93
Василенко В. П. 207, 219
Васильев А. В. 142
Васильев А. Н. 108
Вессини Э. Я. 113
Викторов Б. А. 255

Винберг А. И. 3, 51, 107, 200,
256, 259

Винер Р. 55

Витрук Н. В. 254

Виттенберг Г. Б. 11

Воробьев Г. 296

Гаврилов А. К. 161

Галкин Б. А. 16

Гершен А. И. 62

Голунский С. А. 59, 64, 95, 240

Горский Г. Ф. 142, 255, 270, 288,
295

Горшенев В. М. 231

Гродзинский М. М. 113

Грошевой Ю. М. 4, 214

Гуценко К. Ф. 131

Даев В. 185

Дзержинская С. 284

Добровольская Т. Н. 153, 240

Дорохов В. Я. 181, 182, 200

Дубринный В. А. 146, 147

Дулов А. В. 142

Ефимичев С. П. 161

Жогин Н. В. 3, 20, 92

Зархин Ю. 270

Злобин Г. А. 109

Ибрагимов А. 175

Иванов О. В. 67

Каз Ц. М. 72, 96, 222

Калашник Я. 54

Калашникова Н. Я. 240

Каминская В. И. 151, 227, 237

Карев Д. С. 75, 92

Карнеева Л. М. 142, 165, 294

Кнапп В. 55

Кокорев Л. Д. 137, 142, 146, 227,
270, 288, 295

Колбая Г. Н. 79, 91

Колдин В. Я. 80, 219, 221

Копи А. Ф. 57, 142, 274, 284

Копьева А. Н. 192

Котов Д. П. 54, 142, 270, 288, 295

Кудрявцев П. И. 240

- Кукаров А. Н. 66
Кулагин Н. И. 295
Куликов В. В. 75
Курылев С. В. 3, 200, 203, 223
Куцова Э. Ф. 227, 233
Ларин А. М. 3, 4, 63, 112, 207,
210, 211
Ленин В. И. 23, 45, 46, 56, 60,
61, 62, 65, 67, 83, 198, 199,
215, 257, 271, 276, 278, 279
284, 286
Лубенский А. И. 131
Лузгин Н. М. 3, 81, 93, 113, 201,
203, 206, 207
Лукашевич В. З. 49, 92, 100, 227
Лупинская П. А. 4, 69, 96, 125,
210, 213, 217
Малхазов И. И. 240
Марке К. 10, 57, 63, 66, 263, 269,
282, 284
Мартынич Е. Г. 230, 244, 245
Матвиенко Е. А. 164
Мпильковский Г. М. 3, 91
Михайлов В. А. 161
Мотовиловкер Я. О. 4, 21, 22, 63,
64, 151, 152, 159, 232, 246,
247, 248
Мухин И. И. 3, 61, 62, 79, 82, 96, 215
Недбайло П. Е. 231
Николаев В. С. 200
Николайчик В. М. 131
Новиков С. Г. 288, 289
Орлов А. К. 155
Осипов Ю. К. 35
Палиашвили А. Я. 175
Пашкевич П. Ф. 3, 61, 62, 88, 89,
231
Перлов И. Д. 62, 67, 90, 163
Петелин Б. 174
Петрухин И. 152, 158
Подголин Е. Е. 293
Полевой Н. С. 254

- Полянский Н. Н. 61, 239
Порубов Н. И. 142
Потеружа И. И. 146
Прокофьев Ю. Н. 191, 192
Рапинов А. Р. 54, 152, 210, 270
Рахунов Р. Д. 3, 64, 127
Резник Г. М. 107, 110, 214
Ривлин А. Л. 67, 97
Сабо И. 11
Савицкий В. М. 3, 22, 146, 205,
206, 226, 232
Санталов А. И. 11
Селиванов Н. А. 184
Сизякин О. Т. 201
Смирнов В. Г. 12
Смирнов Л. Н. 240
Смыслов В. И. 132, 134, 135,
137, 140, 148
Сноу Ч. П. 265
Соя-Серко О. 162
Старченко А. А. 3
Степичев С. С. 113
Стремовский В. А. 147
Строгович М. С. 3, 59, 60, 67,
68, 71, 81, 91, 96, 108, 113,
121, 152, 153, 159, 163, 205,
208, 210, 226, 228, 240, 270,
288, 295
Танасевич В. Г. 92
Тарасов К. Е. 264
Тадевосян В. С. 64
Титаренко А. И. 272
Томин В. Г. 231, 273
Трофимов А. М. 207, 219
Трусов А. И. 3, 97, 240
Туленков П. М. 161
Ульянова Л. Т. 66, 81, 92, 97
Фаткуллин Ф. Н. 4, 20, 71, 92, 96,
97, 134, 140, 180, 200, 205, 206,
208, 209, 211, 213, 218, 222
Хлыщов М. И. 93, 113
Чельнов М. А. 16, 64, 96, 118, 123
240

Шаламов М. П. 3, 80
Шейфер С. А. 72, 93, 97, 112, 116,
219
Шиканов В. И. 108, 255
Шиханцов Г. Г. 54
Шляхов А. Р. 167
Шпилев В. Н. 13
Эйсман А. А. 101
Элькинд П. С. 21, 30, 49, 92, 254
Энгельс Ф. 10, 57, 63, 68, 118, 271, 284
Якуб М. Л. 132, 138, 139, 140, 155, 216
Яни С. А. 109

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Доказательственное право в системе советского уголовно-процессуального права. Теория доказательств по уголовным делам	6
§ 1. Уголовно-процессуальное право — отрасль советского социалистического права	6
§ 2. Доказательственное право — подотрасль уголовно-процессуального права	32
§ 3. Теория уголовно-процессуальных доказательств (предмет, метод, система)	43
§ 4. Теория доказательств в системе научных знаний	48
Глава II. Цель, предмет и проблемы доказывания	57
§ 1. Установление истины — цель доказывания	57
§ 2. Предмет доказывания	69
§ 3. Пределы доказывания	85
Глава III. Понятие доказательств; их относимость, допустимость, классификация	95
§ 1. Понятие доказательств	95
§ 2. Относимость доказательств	103
§ 3. Допустимость доказательств	107
§ 4. Классификация доказательств	118
Глава IV. Виды доказательств	130
§ 1. Показания свидетелей и потерпевших	130
§ 2. Показания обвиняемых и подозреваемых	149

§ 3. Заключение эксперта	166
§ 4. Вещественные доказательства	179
§ 5. Протоколы следственных и судебных действий, иные документы	190
Глава V. Уголовно-процессуальное доказывание	198
§ 1. Понятие доказывания	198
§ 2. Содержание и субъекты процесса доказывания	209
§ 3. Процессуальные гарантии в доказывании	226
§ 4. Роль презумпций в доказывании. Презумпция невиновности	236
Глава VI. Некоторые проблемы уголовно-процессуального доказывания в свете научно-технического прогресса	251
§ 1. Значение использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве	254
§ 2. Требования, предъявляемые к научно-техническим средствам, используемым в уголовном судопроизводстве	257
§ 3. Научно-технические средства, используемые в уголовно-процессуальном доказывании	259
§ 4. Научно-технический прогресс и проблемы научной организации труда субъектов уголовно-процессуального доказывания	262
§ 5. Перспективы дальнейшего совершенствования использования научно-технических средств в уголовно-процессуальном доказывании	266
Глава VII. Нравственные начала доказывания.	269
§ 1. Судебная этика и ее роль в доказывании	269
§ 2. Значение нравственных принципов в доказывании	275
§ 3. Нравственные отношения участников уголовно-процессуального доказывания	290
Указатель имен	297

ИБ № 260

Геннадий Федорович Горский

Лев Дмитриевич Кокорев

Полина Соломоновна Элькин

**ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Редактор А. С. Зайцева

Обложка художника А. В. Преснякова

Художественный редактор А. Е. Смирнов

Технический редактор Ю. А. Фосс

Корректор Н. В. Плахина

ЛЕ09145. Сдано в набор 29.III 1977 г.

Подп. в печ. 16.III 1978 г. Форм бум. 60×84/16.

Бумага № 2. Усл. п. л. 17,67. Уч.-изд. л. 18.

Тираж 7000. Заказ 11506. Цена 80 коп.

Издательство Воронежского университета

Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8

Типография издательства «Коммуна»

Воронеж, пр. Революции, 39